

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVIII

И И М К (2)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1952

Ответственный редактор *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев, Г. Б. Федоров

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Х. А. МООРА

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И РАННЕЙ ЭПОХИ
МЕТАЛЛА В ПРИБАЛТИКЕ

I

Рассматриваемый отрезок времени распадается на два различных периода. Из них первый (приблизительно XVIII—XI вв. до н. э.) охватывает памятники конца неолита и раннего бронзового века, а второй (в общем последнее тысячелетие до н. э.) — вторую половину эпохи бронзы и ранний железный век. Характер памятников каждого периода отражает различия в уровне развития общества.

Для Прибалтики, как и для остальной лесной полосы, характерно во II тысячелетии, отчасти еще и в начале I тысячелетия до н. э., параллельное сосуществование охотничье-рыболовческого населения с первобытными скотоводческими и земледельческими племенами. Памятниками первого являются расположенные на берегах рек и озер стоянки с ямочно-зубчатой керамикой. На территории Эстонской ССР к ним относится стоянка Ягала на северном побережье Таллина¹, Валма на сев.-зап. берегу оз. Вырц'ярв, Акали на западном побережье Чудского озера близ устья р. Эмайыги и Вилла на берегу р. Выханду близ гор. Выру на юго-востоке Эстонии²; на территории Латвийской ССР: стоянки Риннюкалнс и Звейниекс³, открытые уже в 70-х годах XIX в. на побережье оз. Буртниеки на севере Латвии, стоянка Ича к северо-востоку от Лубанского озера, Пурциемс⁴ на юго-западном побережье Рижского залива и Леяс-Цийскас в юго-западной части Латвии. На территории Литовской ССР памятники этого типа пока детальнее не изучались.

Обнаруженная на перечисленных стоянках керамика представляет собой отчасти типичную, но главным образом позднюю ямочно-зубчатую керамику. Иногда встречается и шнуровая, а в некоторых случаях и более поздняя керамика.

¹ Beiträge zur Kunde Estlands X, Tallinn 1925, стр. 16 и сл.

² Л. Ю. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г. М. 1951, стр. 24—27.

³ См. Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896, № 1—14, 15—18, а также M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, B. XI, Berlin 1927—1928, стр. 145.

⁴ Журнал Senatne un Māksla 1937, I, Rīga 1937, стр. 46.—Ср. там же, 1937, IV, стр. 92.

На отдельных стоянках, начиная со второй четверти II тысячелетия, появляются захоронения. Так, ряд погребений обнаружен в Тамула на юго-востоке Эстонии; повидимому, они имелись также в Риннюкалсе на севере территории Латвии. Наличие погребений в самом культурном слое заставляет отнести эти памятники к позднеолитическим стоянкам с погребениями, обнаруженными восточнее (например Язьково). Эти погребения следует отличать от современных им могил с боевыми топорами, о которых будет речь ниже. Появление погребений несомненно свидетельствует о достижении охотничье-рыболовческим населением новой ступени общественного развития. На некоторых стоянках (Акали, Вилла, Ича) позднейшие слои дали сетчатую керамику, которую следует относить к первой половине последнего тысячелетия до н. э. По отсутствию более поздних типов керамики можно заключить, что охотничье-рыболовческие стоянки прекращают в это время свое существование.

Помимо стоянок следует упомянуть еще два местонахождения, давших значительное число костяных предметов: на оз. Лубана в восточной части Латвийской ССР и на юго-востоке на р. Двиетэ (левый приток Даугавы)¹. Среди обнаруженных здесь роговых и костяных предметов, наконечников гарпунов, копий, стрел и т. п., имеются некоторые изделия мезолитического возраста, между тем как большая часть находок относится к неолиту и к эпохе бронзы. Изучив комплексы находок из Лубана и Двиетэ, охватывающие весьма длительный период, начиная с VIII по II тысячелетие до н. э., можно заключить, что места, на которых основало свои становища древнейшее охотничье-рыболовческое население, были обитаемы еще до II тысячелетия, до раннего бронзового века, и что часть древнего населения Прибалтики продолжала по крайней мере вплоть до конца II тысячелетия добывать себе средства к жизни рыболовством и охотой.

Из поздних находок с оз. Лубана и р. Двиетэ укажем на тщательно обработанные костяные наконечники стрел с коническими головками, украшенными нарезным орнаментом (рис. 1—1). В оз. Лубана найдены между прочим два плоских костяных предмета в виде ножей, на одном конце которых вырезана фигурка птицы (рис. 1—2). Сходные «ножи» имеются и среди костяных изделий вышеупомянутой поздней стоянки Риннюкалс в Северной Латвии. Скульптурные фигурки птиц или животных встречаются в этот период вообще сравнительно часто. Среди вещей из Двиетэ отметим костяную булаву, являющуюся по форме подражанием бронзовым булавам конца II тысячелетия и тем самым датирующую поздний инвентарь из этого местонахождения. Добавим, что костяные наконечники стрел с конусовидной головкой тщательной работы найдены вместе с бронзовой булавкой и бронзовым топором (рис. 2—4, 8) конца II тысячелетия и на территории Литвы, в Ряшкетай в окрестности гор. Тельшай².

Охотничье-рыболовческие стоянки III—II тысячелетий с ямочно-зубчатой керамикой в верхнем Поволжье и к северу от Волги приписываются советскими археологами финским племенам. В особенности обосновал эту точку зрения А. Я. Брюсов, указывающий при этом на преемственность некоторых культур с ямочно-зубчатой керамикой вплоть до развития поздних, несомненно, финских культур³. Такая же преемственность развития до последнего тысячелетия, т. е. до времени несомненного существования в северных частях Прибалтики финских племен, прослеживается и на некоторых эстонских и латвийских стоянках (Акали, Вилла, Ича).

¹ См. журнал *Senatne un Mäksla* 1938, I, Riga 1938, стр. 71 и след.

² Там же, стр. 72, рис. 1 и 3.

³ А. Я. Брюсов. О заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г. М., 1951, стр. 23.

Памятниками, оставленными скотоводческим населением, являются грунтовые погребения, представляющие местную параллель фатьяновским могильникам. Они появляются в начале II тысячелетия, примерно в XVIII в. В их инвентаре нередко встречаются кости домашних животных, чаще всего овцы, козы или свиньи, реже быка (наличие лошади до сих пор не доказано). Более ранние погребальные памятники в Прибалтике пока не известны. Указанные могильники наиболее часто встречаются на территории

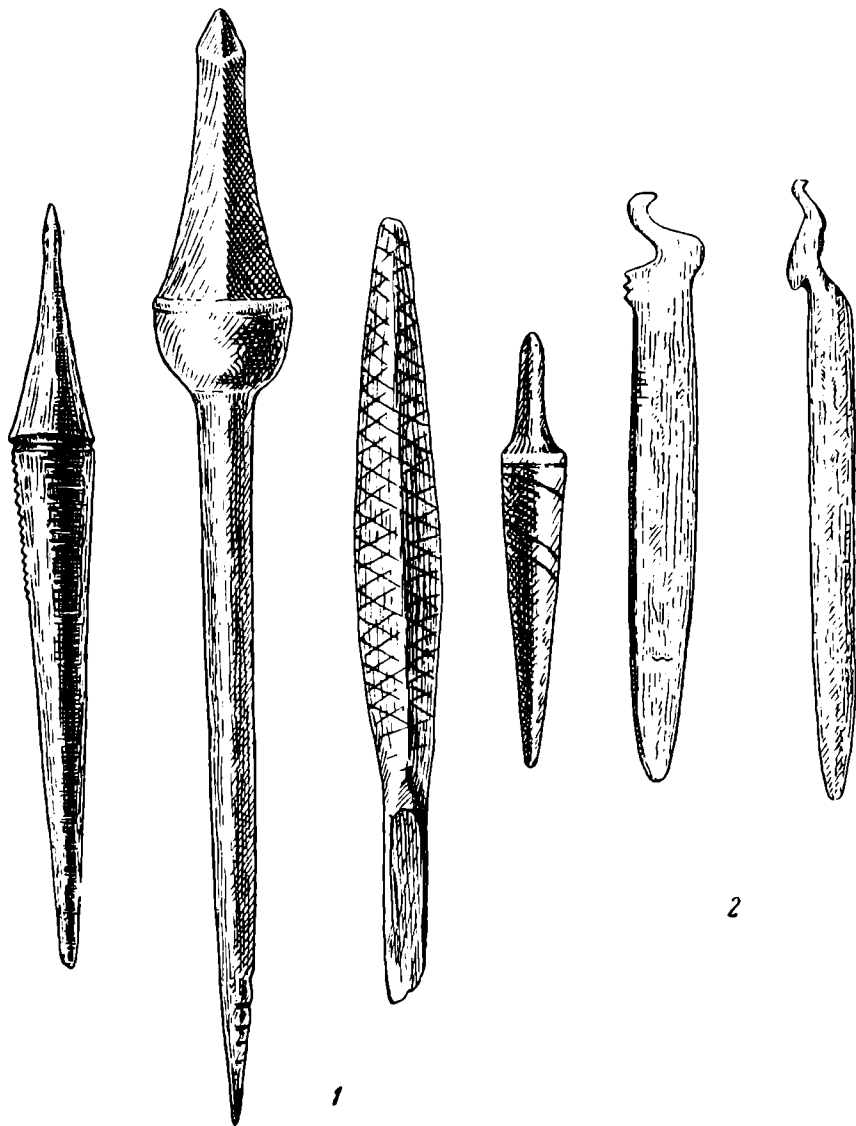

Рис. 1. Костяные изделия из комплекса находок с р. Двиетэ и оз. Лубана

1 — наконечники стрел из Двиетэ Илуктского района; 2 — «ножи» с фигурками птиц из оз. Лубана

Эстонской ССР, где зарегистрировано 22 могильника, в которых отмечено не менее 70 погребений¹, между тем как в Латвии и Литве известно только по 4—5 погребений. Большая часть обнаруженных до настоящего времени погребений расположена в западных районах Прибалтики. Указанные могильники невелики. Они содержат обычно до 5 погребений и только в отдельных случаях 10 или более. Во многих местах обнаружено лишь по одному погребению. Наиболее известными являются могильники в Арду и Сопе в Северной Эстонии. Они дали интересный антропологический материал.

¹ Подробнее эти могильники описаны в статье Л. Янитса «Позднеэнеолитические могильники в Эстонской ССР», КСИИМК, вып. XLII.

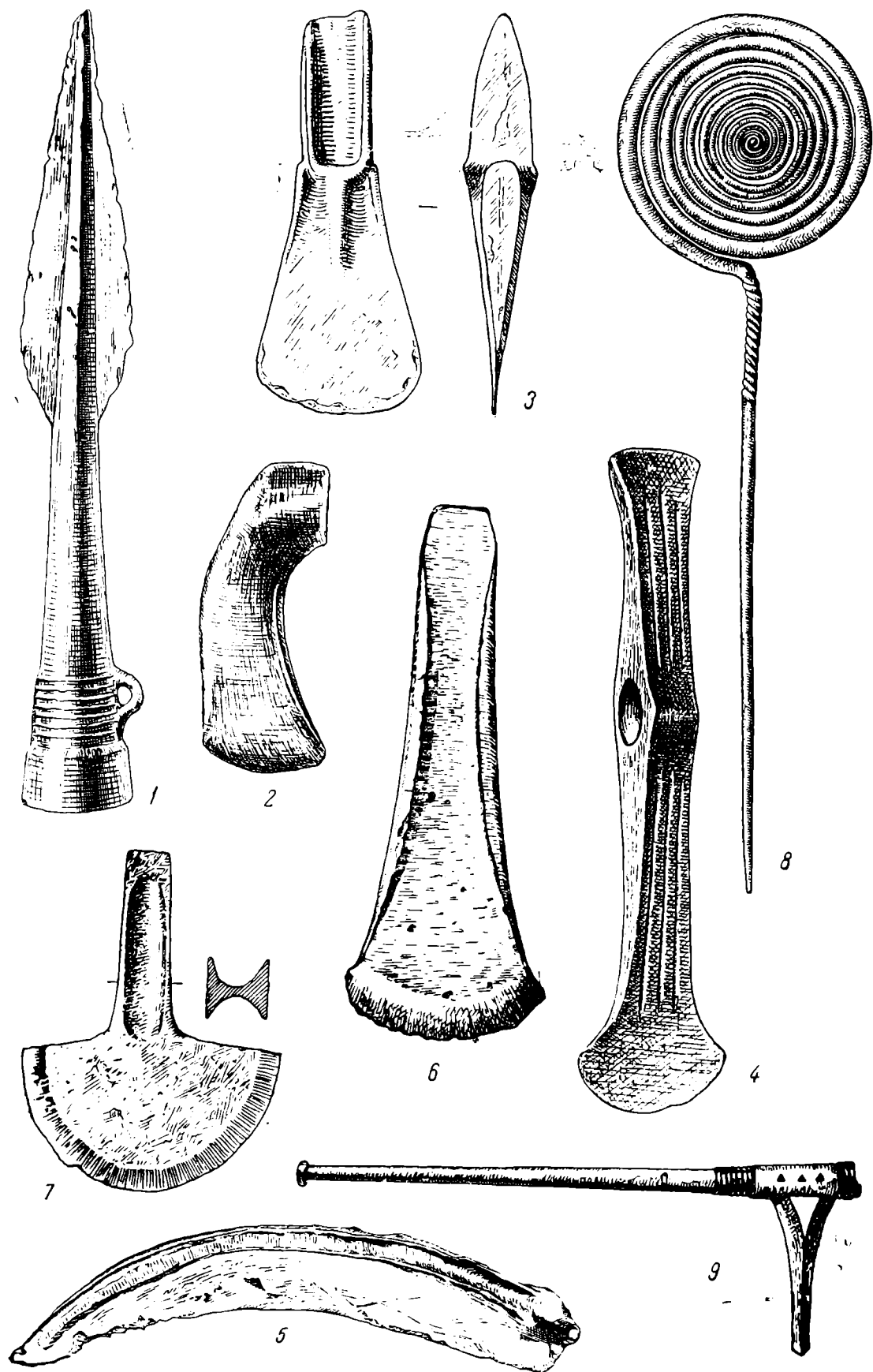

Рис. 2. Некоторые находки раннего бронзового века

1 — наконечник копья (остров Мулу, Эстонская ССР); 2 — вислобушный топор (Вашкай близ г. Биржай, Литовская ССР); 3 — пальштаб (Аелле, Тюриского р-на Эстонской ССР); 4 — секира (Ряшкетай, Литовская ССР); 5 — бронзовый серп (Раасику, Харьюского района Эстонской ССР); 6 — топор с закраинами (Пяхла Кингиссепского р-на Эстонской ССР); 7 — топор с закраинами восточнобалтийского типа (Ужава Вентспиласского р-на Латвийской ССР); 8 — булава со спиральной головкой (Ряшкетай, Литовская ССР); 9 — бронзовая аллебарда (Велионис, Литовская ССР)

По числу погребений (более 20) наибольшим является могильник в Кири-сааре (Выйзику), в средней Эстонии к северу от оз. Вырц'ярв. Он относится к самым поздним некрополям этого рода и датируется последними веками II тысячелетия. Здесь в одном из погребений найден бронзовый серп. Из могильников, обнаруженных на территории Латвии¹, упомянем Рутениеки в Иелгавском районе, хотя оттуда имеется пока лишь подъемный материал (рис. 3—1). Обнаружены подобные погребения и в Литве, напр. в Курмайчяй Кретингского района и в Гринкишкис вблизи г. Радвилишкис².

Рис. 3. Керамика из поздненеолитических могильников Прибалтики

1 — сосуды из Рутениеки (Иелгавского р-на Латвийской ССР); 2 — сосуды с Куршской косы (Литовская ССР)

Для топографии описываемых могильников характерно расположение вдоль низин или на невысоких песчаных холмах в низинах³. Мы не находим их непосредственно на берегах рек или озер, как это типично для неолитических стоянок. Их положение определяется, прежде всего, близостью

¹ На территории Латвийской ССР отмечены следующие могильники: 1) Рутениеки (Latviešu kultura senatnē. Rīga 1937, табл. IV); 2) Айзупе Кандавского р-на (Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga 1896, Riga 1896, № 36 и 48); 3) Кандава Кандавского р-на; 4) Тамас Тукумского р-на (Latviešu aizvēstures materiāli II, Rīga 1936, стр. 9 и 10, № 28 и 32); 5) вероятно, имелось погребение еще и в Тояти (Валгале) Кандавского р-на, где обнаружены обломки шнуровой керамики и некоторые изделия из кремня (Latviešu kultura senatnē. Rīga 1937, табл. V, 9—16).

² Ср. Senove IV, Kaunas 1938, стр. 20. В Турлоишкис, вблизи г. Калварни, обнаружены в 1947 и 1949 гг. в торфянике 2 скелета и при них два каменных проушных и два роговых топора. Место, к сожалению, научно не исследовано, но не исключена возможность, что мы тут имеем дело с захоронениями на стоянке, как в Тамула в Эстонской ССР. Несколько погребений обнаружено в пределах бывш. Клайпедского уезда: 1) одно погребение в Ланкупенай (Ланкупшен) близ Клайпеды и 2) четыре погребения на Куршской косе в Иуодкранте (Шварцорт). Несколько погребений обнаружено далее в юго-западной части Куршской косы (С. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, Königsberg 1935, стр. 342).

³ См. топографию могильников Арду и Кунила, стр. 55 и 57 упомянутой статьи Янитса (КСИИМК, XLII).

естественных пастбищ. Многие погребения впущены неглубоко в грунт (на 20—30 см), но нередко и глубже (до 1 м и даже до 1,5 м). Покойник положен обычно на бок в скорченном положении и в отдельных случаях в вытянутом положении на спине. Для мужских погребений характерны хорошо отшлифованные сверленные каменные топоры ладьевидной формы и четырехгранные каменные долота; встречаются плоские кремневые ножи, костяные гарпуны и т. п.; при женских попадаются ожерелья из просверленных зубов животных, шиферные или янтарные украшения в виде колец и т. д. Характерно, что керамика в этих могилах в Прибалтике встречается сравнительно редко. Сосуды плоскодонны, некоторые из них близки по форме кубку, причем верхняя часть украшена веревочным орнаментом или нарезным узором в «елочку» (рис. 3—1). Подобной керамикой наиболее богата Куршская коса, но там она найдена большей частью не в могилах, а, по видимому, на местах поселений (рис. 3—2).

Среди ладьевидных топоров можно различить несколько местных вариантов. Наряду с топором так называемого типа кюласема, который отличается более или менее округлым, вернее овальным, поперечным разрезом, который встречается по всей Прибалтике, считаясь наиболее древним вариантом, характерна для территории Эстонии особая форма ладьевидного топора — тип Карлова. Топоры этого типа имеют более или менее ярко выраженный многогранный разрез, втульчатое удлинение проуха и на конце обуха расширение или «шляпку». В Эстонии, особенно в ее материковой части, встречается еще третий вариант — острообушный топор¹. Наличие особого местного варианта наблюдается и на территории Латвийской ССР. Острообушная форма топоров и тип Карлова выработались, очевидно, под влиянием фатьяновских форм, с которыми оба эти варианта имеют некоторые сходные черты. О непосредственных связях с фатьяновской культурой свидетельствуют находки отдельных фатьяновских топоров на территории Латвии и Литвы. Сравнительно часто встречается в Прибалтике, в особенности в ее восточной части, еще одна форма сверленного топора, так называемый топор с плоской спинкой (рис. 4—1), который распространен в Приволжье и Приднепровье.

В Прибалтийских музеях имеется свыше 200 экземпляров случайных находок ладьевидных топоров разного типа. Есть основания полагать, что значительная часть их происходит из разрушенных могил.

Описанные могильники, совершенно очевидно, являются памятниками племен, живших небольшими общинами и в хозяйстве которых важное место занимало скотоводство. Разводились, главным образом, мелкие домашние животные, овцы и козы, а также свиньи и, по видимому, в меньшей мере, крупный рогатый скот. Эти племена вели, в основном, оседлый образ жизни. Но, как показывают незначительные размеры и непродолжительное существование могильников, поселения должны были носить сравнительно недолговременный характер. Вероятно в связи с поисками новых пастбищ, нередко менялись и места обитания. Появление специального боевого оружия в виде тщательно отшлифованных топоров говорит о частых военных столкновениях между племенами из-за обладания пастбищами. Уровень развития этих племен соответствовал, в общем, развитию фатьяновцев. У тех и других, вероятно, уже совершился переход к отцовскому роду. В Прибалтике не было таких обширных естественных пастбищ, в особенности заливных пойм, какими отличается Поволжье, поэтому прибалтийские первобытные скотоводы были, по видимому, малочисленней и по своей материальной культуре несколько беднее, чем фатьяновцы. Это можно заклю-

¹ Названные формы топоров изображены на рис. 18—1—3 упомянутой статьи Янитса (КСИИМК, XLII).

чить из того, что прибалтийские могильники меньше фатьяновских и их инвентарь не содержит металла, а носит еще неолитический характер. Единственный металлургический предмет, бронзовый серп, датируемый последними веками II тысячелетия, найден в позднем могильнике Кивисааре (Выйзику) в Эстонии¹.

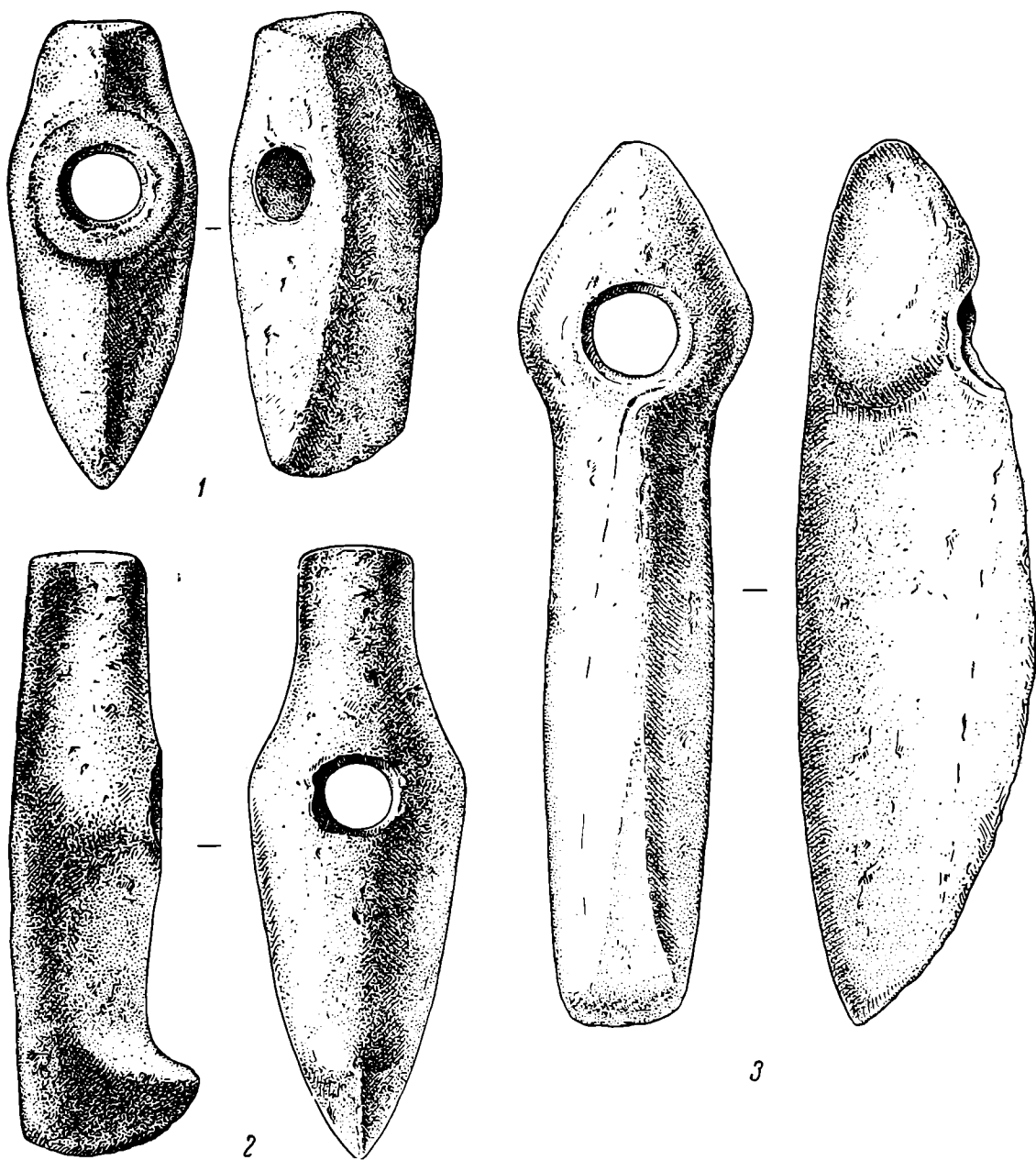

Рис. 4. Каменные орудия (Латвийская ССР)

1 — топор с плоской спинкой; 2 — ладьевидный топор; 3 — мотыга восточнобалтийского типа (Лапмеждземс Тукульского р-на)

Поселения скотоводческих племен, обнаруженные пока лишь на Куршской косе, дали значительное количество шнуровой керамики (рис. 3—2), однако они пока не достаточно изучены² и их характер остается поэтому еще не выясненным. В остальной Прибалтике поиски соответствующих поселений не дали никаких результатов. Объясняется это, повидимому, кратко-

¹ См. рис. 15—6 в названной статье Янитса (КСИИМК, XLII).

² См. статью «Kurische Nehrung», M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. VII, Berlin 1926, стр. 197.

временным характером поселений, а следовательно, мало мощностью культурных наслоений. К тому же они располагались, как можно судить по топографии могильников, в противоположность охотничье-рыболовческим стоянкам, не на берегах рек или озер, а несколько в стороне от водоемов, на возвышенных местах, которые позже не получали защитного покрова в виде отложений торфа или наносов песка. В более поздние времена места этих поселений, очевидно, распахивались под поля.

Для понимания характера хозяйства и быта населения Прибалтики в последней половине II тысячелетия до н. э. представляет исключительный интерес торфяниковое поселение в Сарнате Алсунгского района, на юго-западе Латвии¹. Оно обнаруживает большое сходство с Горбуновским и Шигирским поселениями. При вспашке Сарнатского торфяника на поверхности показалось около 30 песчаных пятен, которые обозначали, как показали произведенные в 1938—1940 гг. и в 1949 г. раскопки, места древних очагов. Часть их находилась на глубине 20—30 см от поверхности торфяника, другие же залегали в 2—3 раза глубже.

Под каждым очагом находился настил из положенных крест-накрест жердей. На настиле разложена береста, и на нее насыпан слой песка толщиной в 10—20 см, на котором разводился огонь. Поверхность торфяника, очевидно, была временами до того топкой, что под очагами должны были сооружаться особые настилы, а песок предотвращал загорания торфяника. С течением времени очаги с настилами, повидимому, постепенно погружались в болото. Сооружался новый настил с новым слоем песка. Некоторые очаги были таким образом обновлены до шести раз. В торфе, окружающем очаги, сохранились остатки построек. Их стены состояли из вбитых в торф жердей, перекрытых плетенкой из ветвей и лучин и уплотненной травой. Снаружи стены, очевидно, были покрыты еще древесной корой. Вокруг одного из очагов обнаружилось остатки постройки с многоугольным основанием, площадью в 31—35 кв. м. В другом месте выявлено основание четырехугольной постройки с очагом перед ней.

Керамика представлена главным образом черепками круглодонных, реже плоскодонных сосудов. Первые орнаментированы ямками или довольно грубой штриховкой, что напоминает соответствующую керамику Горбуновского торфяника. На основании керамики поселение может быть датировано второй половиной II тысячелетия. Из мелкого инвентаря упомянем кремневые скребки и наконечники стрел, янтарные подвески разных форм, а также отбросы, указывающие на изготовление янтарных предметов на месте. Необходимо отметить, что встречаемые обычно в поселениях кости животных в Сарнате, как и в Горбуновском поселении, отсутствовали. В силу каких-то особых условий в торфе они не сохранились.

Особый интерес представляют деревянные предметы хорошей сохранности (рис. 5) и другие органические остатки, служащие доказательством того, что обитатели поселения занимались земледелием, собиранием растительной пищи, охотой и рыболовством. Им, без сомнения, известно было и скотоводство, но из-за разрушения костей прямых доказательств этого мы не имеем. Из орудий для обработки земли сохранились две деревянные мотыги, сходные по своей форме с каменными мотыгами, нередко находимыми в западных районах Литвы и Латвии (рис. 3—3). О том, что наряду с земледелием играло известную роль собирательство, свидетельствуют обнаруженные местами целые кучи скорлупы лесных и озерных орехов. Для разбивания скорлупы служили деревянные колотушки, экземпляры которых

¹ Л. В. Ванкина. Торфяная стоянка в Сарнате. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г., М., 1951, стр. 28, 29. См. также журнал *Senatne un Māksla* 1940, I, Riga 1940, стр. 41 и след.

прекрасно сохранились. Из охотничьих орудий найдены два копья, сделанные целиком из ясеневоего дерева; их острия обожжены в целях «закалки». К снаряжению охотников относятся и лыжи, свидетельствующие о том, что зимняя охота достигла новой, по сравнению с предыдущими периодами, более высокой ступени развития. Из рыболовецкого снаряжения обнаружена мережа из лучин, поплавки из сосновой коры и каменные грузила от сетей.

Сюда относятся также лодка-однодеревка и весла, причем некоторые из них отличаются очень хорошей сохранностью. Наконец, укажем, что в Сарнате были найдены два совершенно сходных с горбуновскими деревянных ковша с утиными головками, а также фрагментарные резные скульптурные изображения птиц. Сарнатское поселение представляет собой, несомненно, один из самых замечательных археологических памятников лесной зоны СССР.

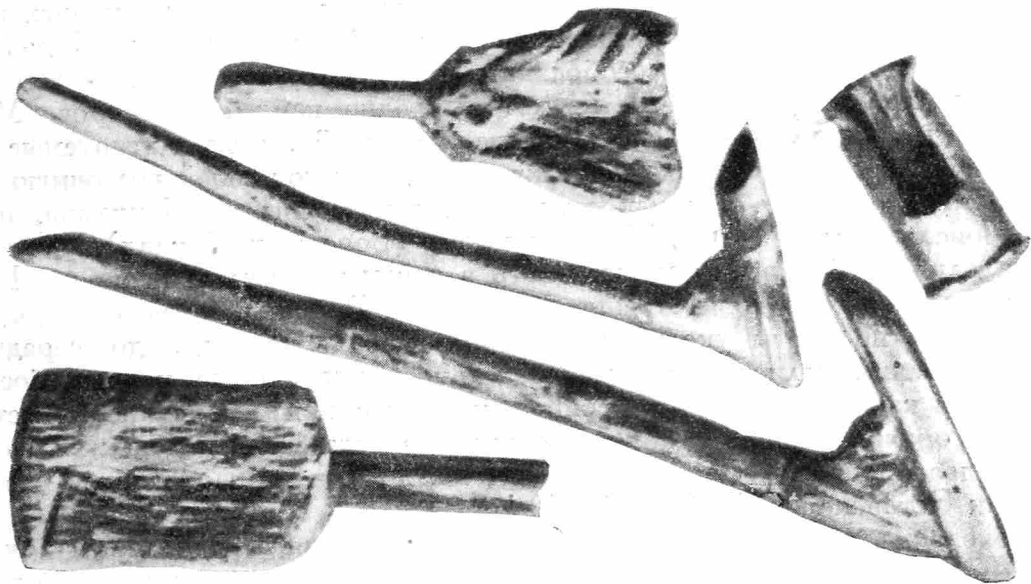

Рис. 5. Деревянные изделия из Сарнате (Алунгский р-н Латвийской ССР)

Примерно в середине II тысячелетия до н. э. в Прибалтике появляются первые предметы из бронзы. Появление бронзы не означает на первых порах ни в производстве, ни в развитии общественных отношений чего-либо нового. Число бронзовых предметов очень невелико¹. И хотя в течение последующих веков количество их постепенно возрастает, из-за отсутствия местного металла и слабо развитого обмена оно продолжает оставаться незначительным. Вплоть до конца последнего тысячелетия до н. э. основная часть орудий труда изготовлялась из камня, кости и дерева. Бронзовые предметы обнаружены, главным образом, в западных районах Литвы и в юго-западной Латвии. Большая часть бронзовых находок в северной Прибалтике, относящихся к периоду до XIII—XII вв. до н. э. и даже несколько дольше, состоит из привозных изделий. Только позднее начинают чаще появляться бронзовые предметы, изготовленные на месте.

Большинство бронзовых изделий этого периода сходно с соответствующими металлическими предметами из нижнего Привисленья и, судя по этому, проникло в Восточную Прибалтику оттуда². Таковы, например, раз-

¹ До настоящего времени металлических предметов эпохи бронзы обнаружено: на территории Литовской ССР — 140, Латвийской ССР — около 40, Эстонской ССР — 27.

² Укажем следующие работы, в которых приведены данные по памятникам эпохи бронзы: Senove IV, Kaunas 1938, стр. 25 и след., A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, I, Tartu 1922, стр. 71 и след., Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1932, Tartu 1935, стр. 245 и след.

ные варианты топоров с закраинами, в частности так называемый восточно-прибалтийский топор с лезвием в виде полукруга (рис. 2—7), идентичные экземпляры которому встречаются в нынешней Калининградской области, в Западной Литве и Юго-Западной Латвии. Для тех же районов является общим проушной топор, вернее секира т. н. типа Нортюкен (рис. 2—4). Одиночное явление представляет аллебарда в виде кинжала, прикрепленного с боку к бронзовой рукояти, найденная в Литве в Велионис близ Каунаса (рис. 2—9). Эта аллебарда является оружием, характерным для юго-западной и средней Европы. В частности, данный экземпляр представляет собой вариант, встречаемый в средних частях Польши (так называемая Великопольша). Возможно, что некоторые бронзовые предметы, обнаруженные в северной части Прибалтики, на территории Эстонской ССР, проникли сюда из Скандинавии через Финляндию (топоры типа рис. 2—3).

В Прибалтике найдены и некоторые предметы восточного происхождения, так, например, вислобушный топор из Вашкай около г. Биржай в Литве (рис. 2—2). Два своеобразных втульчатых наконечника копья с петлей на втулке (рис. 2—1), из которых один найден на острове Муху в Эстонии, а другой — в Грибжиняй в Западной Литве, датируемые последними веками II тысячелетия, также представляют собой восточную или юго-восточную форму, так как аналогии им известны из Прикамья, нижнего Поволжья и Сев.-Зап. Причерноморья (Бородинский клад).

Изделия из бронзы не могли иметь в рассматриваемый период в Прибалтике какого-либо хозяйственного значения. В большинстве случаев это оружие или предметы украшения. Если в начале периода, до середины II тысячелетия, были характерны тщательно полированные ценные боевые топоры из камня, то к концу периода, наряду с ними, появилось и металлическое оружие, топоры и копья. Орудиями труда среди находок являются только два бронзовых серпа XIII—XII вв. до н. э., обнаруженные на территории Эстонской ССР (рис. 2—5)¹.

Появление, начиная с середины II тысячелетия, среди инвентаря из камня и кости некоторого числа бронзовых предметов может служить главным образом признаком известного расширения обмена. Уже для первой половины II тысячелетия характерно увеличение количества привозных предметов. Найдены, например, долота и тесла из зеленоватого олонцецкого шифера и изделия из кремня. Нередко встречается янтарь, шедший с юго-восточного побережья Балтийского моря и проникавший из Прибалтики в другие, более восточные области лесной полосы.

Так как ни на одной из стоянок с ямочно-зубчатой керамикой не прослеживается постепенного возникновения скотоводства и памятники скотоводческого населения не только расположены обособленно от охотничье-рыболовческих стоянок, но характеризуются к тому же совершенно отличным инвентарем, в особенности иной керамикой, то приходится полагать, что появление памятников скотоводов, т. е. погребений с боевыми топорами и шнуровой керамикой, знаменует собой проникновение в Прибалтику новых этнических элементов, а именно балтийских или летто-литовских племен.

Поскольку балтийские языки близко родственны славянским, вопрос происхождения балтийских племен теснейшим образом связан с вопросами древнейшего этногенеза славян. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания не только дали возможность освободить разработку этих проблем от марровских лженаучных «теорий», но одновременно открыли для разрешения их совершенно новые перспективы. Мы не будем подробнее разбирать сложной проблемы древней славянобалтийской общно-

¹ Один из них изображен, как уже упоминалось, на рис. 15—6 вышеупомянутой статьи Янитса (КСИИМК, вып. XLII).

сти, в частности вопроса о территории, на которой имела место эта общность, а ограничимся лишь указанием на то, что по нашим археологическим материалам, эту территорию нужно искать вероятнее всего на юго-западе, в бассейнах Вислы и Одера. Некоторые детали каменных боевых топоров, в особенности же шнуровая керамика, находят себе ближайшие аналогии именно в этих областях. Другими словами, наш материал позволяет поддержать гипотезу о происхождении балтийских и славянских племен, выдвинутую П. Н. Третьяковым¹, за которую на основании лингвистических данных высказался также известный исследователь балтийских языков Я. Эндзелин².

Проникнув примерно в начале II тысячелетия в Южную Прибалтику, балтийские племена продолжали продвигаться в северные районы нынешней Латвийской ССР и в земли Эстонской ССР, достигнув даже юго-западной части Финляндии. В восточном направлении они проникли, вероятно, в пределы нынешней Ленинградской и Псковской областей. На всей указанной территории появляются в начале II тысячелетия могильники с боевыми топорами и шнуровой керамикой.

Позже в этой культуре в Прибалтике возникают некоторые местные особенности (топоры типа Карлова в Эстонии, особые типы топоров в Латвии и Финляндии и т. д.).

Как показывает существование стоянок с ямочно-зубчатой керамикой в местностях богатых памятниками, оставленными скотоводческим населением, пришельцы не вытеснили прежних обитателей, а поселились среди охотничье-рыболовецких племен. Судя по находкам на стоянках (Ича, Акали и др.) шнуровой керамики и некоторых предметов, характерных для культуры боевых топоров, между обеими этническими группами установился мирный контакт.

Наше предположение о подобном проникновении в Прибалтику балтийских племен находит себе поддержку и в лингвистическом материале. Наличие в эстонском и в других западно-финских языках слов балтийского происхождения было давно отмечено³. Буржуазные языковеды считали их, однако, сравнительно поздними, относя к середине и второй половине последнего тысячелетия до н. э. Некоторые балтийские слова в западно-финских языках являются несомненно поздними заимствованиями, основную же их массу, имея в виду указание И. В. Сталина о большой устойчивости языковых элементов⁴ и учитывая общее соответствие археологическим фактам, следует относить к весьма далеким временам, начиная с середины и даже первой половины II тысячелетия. О значительной древности их свидетельствует, впрочем, и то, что многие слова успели до того изменить свой звуковой состав, что их форма в периоде заимствования может быть восстановлена только специалистами.

Весьма показательны, что, в соответствии с данными археологии, среди балтийских слов, проникших в западно-финские языки, целый ряд связан со скотоводством (названия козы — эст. *vohe*, барана — эст. *oipas*, вола — эст. *härg*, пастуха — эст.-финск. *raimen*) или с земледелием (название гороха — эст. *hernes*). Важно отметить, что среди заимствований находим ряд слов, относящихся к брачным или родственным связям (названия невесты — эст. *mõrsja*, двоюродного брата — эст. *põbu*), заимствовано также

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г. М. 1951, стр. 7, 8.

² Я. Эндзелин. Древнейшие славянобалтийские языковые связи. Известия АН Латвийской ССР, 1952, № 3 (56), стр. 33 и след.

³ V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København 1890.

⁴ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М. 1950, стр. 18, 44, 54.

название племени (эст. hõim) и, наконец, даже некоторые названия частей тела (шея — эст. kael, зуб — эст. hammas). Восприятие финскими языками слов, обозначающих родственные отношения или, в особенности, части тела, становится понятным только предполагая не простое соседство финских племен с балтийскими, а обитание одних среди других, возникновение в известной мере смешанных языков.

Наиболее северный из балтийских языков, латышский язык, также подвергся воздействию финских языков. Правда, финских слов в балтийские языки проникло немного, но перенесение в латышских диалектах ударения на первый слог и сближение интонаций в латышском языке с финскими могут быть объяснены опять-таки только при предположении обитания тех и других племен когда-то на единой территории.

Таким образом, выводы из языковых данных согласуются с заключениями из археологических фактов. В течение последующих веков разные этнические элементы слились друг с другом. Прежнее финское охотничье-рыболовческое население южнее линии, образуемой примерно реками Даугавой и Абавой, было поглощено балтийскими племенами, в более же северных районах балтийские элементы были ассимилированы финскими племенами.

Антропологических материалов по описываемому периоду пока собрано немного. Поэтому мы лишены возможности сделать на основании их какие-либо определенные выводы. Однако они не противоречат нашим предположениям. Одиночные черепа, обнаруженные в Прибалтике на охотничье-рыболовческих стоянках, представляют собой, повидимому, тех же брахикранных европеоидов, проявляющих некоторые черты монголоидности, которые характерны и для соответствующих более восточных местонахождений (Языково, Каравайха, Южн. Олений остров)¹. В погребениях с боевыми топорами преобладает другой тип: длинноголовые, большей частью широколицые европеоиды, не имеющие монголоидных черт. Он встречается по всей Прибалтике, начиная с нынешней Калининградской области до Северной Эстонии и далее до Ладоги. Вероятно, он и знаменует собой проникшие в Прибалтику с юго-запада балтийские элементы.

II

Последнее тысячелетие до н. э., позднюю эпоху бронзы и начало железного века, следует выделить в качестве особого периода. Этот период характеризуется дальнейшим развитием скотоводства и земледелия. Несмотря на то, что охота и рыболовство продолжали играть важную роль, скотоводство и земледелие, в особенности, повидимому, первое, постепенно получают преобладающее место в хозяйстве. С конца II тысячелетия становится обычной местная обработка бронзы, хотя за пределами теперешней Западной Литвы бронзовые предметы попрежнему редки. В середине последнего тысячелетия до н. э. появляется железо и вытесняет орудия из бронзы, и хотя оно до начала н. э. применялось лишь в небольшом количестве, все же окончательно вытеснило каменные орудия. С начала нашей эры каменными орудиями больше не пользовались. Соответственно с произошедшими изменениями в производстве получает дальнейшее развитие и патриархальный родоплеменной строй.

В этот период, как и в предыдущий, развитие хозяйства и материальной культуры в Прибалтике находилось в основном на том же уровне, как и в других соседних областях лесной полосы, в частности в Верхнем Поволжье

¹ Ср. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948, стр. 87, 89 и след. Н. Н. Чебоксаров. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. КСИЭ АН СССР, вып. XII, М. 1950, стр. 15 и след.

и Приднепровье. Некоторые местные черты объясняются, с одной стороны, природными различиями, а с другой — составляют, повидимому, племенные особенности.

Археологические памятники значительно отличаются от памятников предшествующего времени. Среди них можно различить отдельные группы, принадлежащие разным племенам.

В юго-западной части Прибалтики, в прибрежных районах Литовской ССР и на юго-западе Латвийской ССР вместо прежних небольших грунтовых могильников встречаем теперь группы курганов с захоронениями в глиняных урнах. Наиболее типичный могильник этого рода частично исследован в Курмайчяй, в 4 км севернее г. Кретинга, в местности, где найдено и одно погребение с ладьевидным топором. Курганы (их сохранилось не менее четырнадцати) расположены двумя группами на коренном берегу небольшой р. Акмена¹. Из них раскопано восемь. Наибольший из вскрытых курганов (А) имел диаметр в 12 м и высоту в 1,25 м. Под насыпью, обложенной по поверхности камнями, были выложены на материке три концентрических круга из валунов (рис. 6—1). Средний опоясывал ядро кургана, состоявшее из камней и земли. В этой части между камнями на разных горизонтах найдено 7 погребений, из них 6 трупосожжений и одно трупоположение. В последнем обнаружено в области черепа 2 плоских спиральных височных кольца и 3 спиральные подвески (рис. 7—5, 6). В других погребениях предметов не было. Остальные вскрытые курганы немного меньше описанного. Они имели по одному каменному кругу и состояли из земли или камней. В каждом из них найдено по 1—2 захоронения в урнах. Инвентаря не обнаружено.

Подобные курганы известны также в окрестностях г. Клайпеды (Эглишкай, Слажяй) и, как уже отмечалось, в юго-западной Латвии (Башки Лиепаяского р-на и Дарзниеки Аизпутеского р-на). В одном из курганов в Башки найдена бронзовая фибула позднелатенского типа, т. е. последнего века до н. э. Сходные курганные могильники встречаются и в Калининградской области, где эти курганы появляются уже в середине бронзового века, тогда как на территории Литвы и Латвии позже — в конце бронзового века, т. е. в первой половине первого тысячелетия до н. э., — и продолжают бытовать до начала нашей эры.

Курмайчяйские курганы интересны тем, что к ним непосредственно примыкает грунтовый могильник первых веков нашей эры². Расположенные двумя группами эти курганы принадлежали, очевидно, двум семейным общинам. Примерно на рубеже нашей эры общины, повидимому, распались, так как в I—II вв. н. э. курганы с коллективным характером захоронения уступают место погребениям в одиночных грунтовых могилах.

Иной характер носят могильные памятники этого периода в южной части Латвийской ССР. И тут встречаются курганы, но с массовыми захоронениями. Наряду с курганами в этой части Прибалтики открыты также сравнительно большие грунтовые могильники. Наиболее характерной является группа курганов у Резнес, на северном берегу р. Даугавы (Западной Двины), в 18 км выше Риги. Тут на прежнем острове Даугавы, который и теперь еще во время половодий омывается со всех сторон водой, возвышаются 7 больших курганов диаметром в 20—30 м и высотой в 2—

¹ См. сборник Каунасского музея V. D. Kultūros Muziejaus Metraštis, I, 1941, стр. 24.—Сборник Gimtasai Kraštas, № 31, стр. 32—52.—3. П. Куликаускас. Курмайчяйские археологические памятники и данные их исследования. Автореферат диссертационной работы. Вильнюс, 1949.

² Р. Куликаускас. Kurmaičių (Kretingos raj.) plokštinio kapinyno tyrinėjimai (Исследование грунтового могильника в Курмайчяй). Lietuvos Istorijos Instituto darbai.—Ученые записки Института истории Литвы. Vilnius 1951, стр. 315.

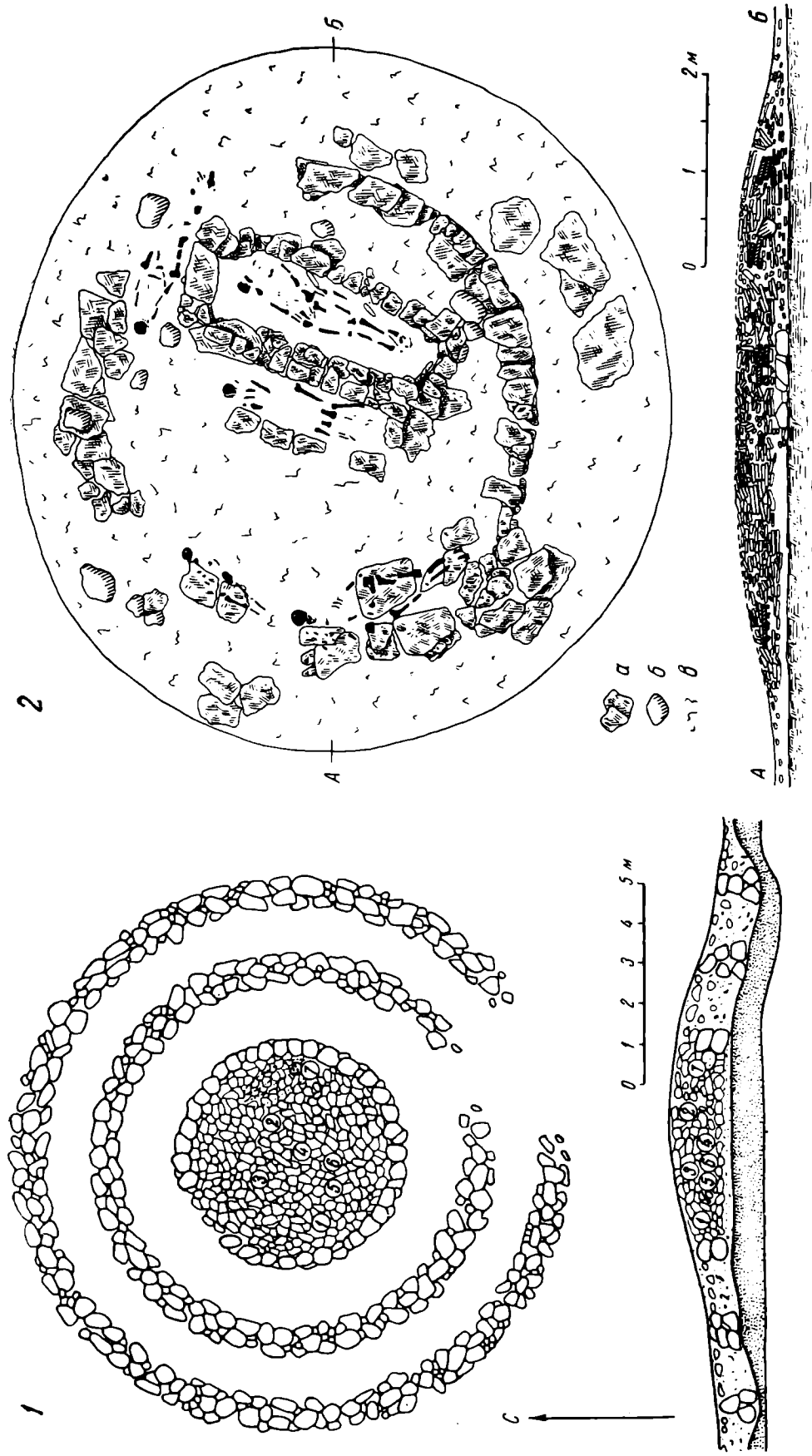

Рис. 6. Планы и разрезы некоторых курганов Прибалтики

1 — курган «А» в с. Курмайский Крестинского р-на Литовской ССР; 1—6 — урны с остатками трупосожжений; 7 — труположенник; 2 — курган в Муукси Локского р-на Эстонской ССР; а — плиты; б — валуны; в — мелкий плитняк и щебень

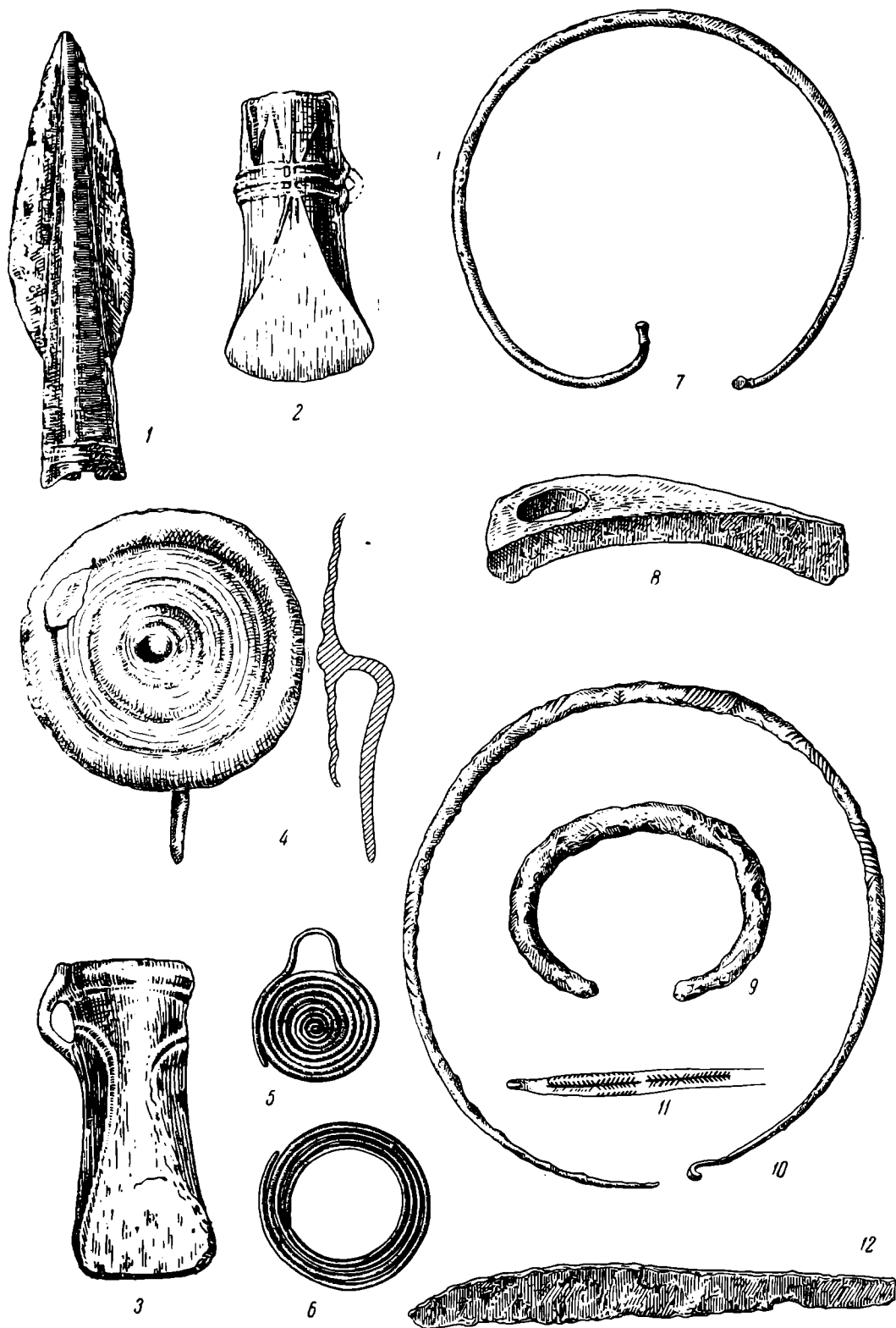

Рис. 7. Некоторые изделия эпохи поздней бронзы и раннего железного века в Прибалтике

1 — бронзовый наконечник копья (Инчукалне Сигулдаского р-на Латвийской ССР); 2 — бронзовый втульчатый топор (Муммусааре близ г. Нарвы Эстонской ССР); 3 — бронзовый втульчатый топор (Пале Алояского р-на Латвийской ССР); 4 — бронзовая булавка с дисковидной головкой (Каали Кингиссепского р-на Эстонской ССР); 5, 6 — бронзовые подвески (5) и височное кольцо (6) из кургана "А" в Курмайчй Кретингского р-на Литовской ССР; 7, 8 — бронзовая шейная гривна (7) и железный узкоклинковый топор (8) из каменной могилы в Страде Кандаваского р-на Латвийской ССР; 9 — железный браслет; 10 — бронзовая шейная гривна; 11 — прорисовка орнамента на конце бронзовой гривны (10); 12 — железный секач (9—12 из каменного кургана в Ябара Кивимыльского р-на Эстонской ССР)

3 м. Во время первой мировой войны все они более или менее разрушены окопами. Вскрыт лишь один курган, уцелевший примерно на две трети¹; при этом обнаружено 310 погребений. Следовательно, весь курган содержал не менее 400 погребений. Погребения — как труположения, так и трупосожжения — располагались в насыпи на разных высотах, образуя 3 яруса. В центре кургана, в сложенном на материке каменном ящике был погребен, очевидно, глава семьи. Большая часть труположений находилась в каменных ящиках, другие были обложены лишь несколькими камнями, между тем как трупосожжения часто уложены без камней, в виде кучи пережженных костей. Вещей найдено в кургане мало, и то только при отдельных погребениях. Из погребального инвентаря упомянем 2 бронзовых шила, 2 бронзовые бритвы и 2 пинцетки, несколько каменных проушных топоров, высверлину из проуха каменного топора, привески из янтаря, маленький глиняный сосуд и т. д. Во многих погребениях найдены лошадиные зубы, служившие, повидимому, амулетами или иными предметами культа. Судя по найденным предметам, курган использовался для погребения в течение 5—6 веков, примерно с XII—XI по VII—VI в. до н. э.

Курганы у Резнес представляют собой, вероятно, усыпальницу если не родовой, то большой семейной общины, просуществовавшей в продолжение многих поколений. Это место, повидимому, отвечало требованиям примитивного скотоводства. Заливаемое во время половодий древнее русло реки не зарастало лесом и представляло собой естественное пастбище. Судя по многочисленным находкам лошадиных зубов, среди домашних животных лошадь должна была занимать видное место. Считая, что община просуществовала на одном и том же месте в продолжение целого ряда веков, можно сделать заключение, что в хозяйстве ее большую роль играло также земледелие.

В 1948 г. стал известен другой курганный могильник, сходный с описанным. Он находится несколько выше по Даугаве в Кальниеша, недалеко от г. Плявинас.

В южных районах Латвии встречаются также большие грунтовые могильники, в которых обнаружены как труположения, так и трупосожжения. Погребения часто заключены в каменные ящики или обложены камнями. Такого рода грунтовый могильник, состоявший по меньшей мере из сотни захоронений, частично исследован на острове р. Даугавы — «Абелюсала», примерно в 3 км ниже г. Екабпилс. Подобные могильники открыты также в долине р. Лиелупе, выше г. Йелгавы². Кроме керамики, здесь не обнаружено почти никакого инвентаря. В одной могиле в окрестностях Йелгавы найдена железная пластинка, указывающая на то, что погребение относится уже к железному веку. Встречаемая керамика также характерна для начала эпохи железа, т. е. для последних веков до н. э. Сосуды, имеющие форму больших банок, толстостенны и изготовлены из глины с примесью крупной дресвы. Они имеют неровную, «щербатую» или «жилистую», поверхность.

Следует отметить, что к некоторым грунтовым могильникам примыкают поселения со сложенными из камней очагами и с такой же керамикой, что и в погребениях. На одном поселении близ Йелгавы раскопано округлое дно жилища полуземляночного типа, диаметром около 3 м.

Открытия поселений и погребений, подобных описанным южнолатвийским, можно было бы ожидать также в Средней и Восточной Литве. Однако достоверных данных о памятниках этих типов там пока нет. Сохранились лишь некоторые старые и неопределенные сведения о погребениях в камен-

¹ См. журнал *Senatne un Māksla* 1936, I, Riga 1936, стр. 70 и след.

² Журнал *Senatne un Māksla* 1940, I, Riga 1940, стр. 65 и след.

ных ящиках из окрестностей городов Каунаса и Упите. Каменные ящики, с погребением в глиняных сосудах, найдены Шукевичем на территории, примыкающей с востока к Литовской ССР (Рудня близ Начи)¹, но они не могут быть точно датированы.

Особый характер носят могильники северных частей Латвии и Эстонской ССР. Для этих районов типичны группы каменных курганов с захоронениями в каменных ящиках, сложенных на материке. Наиболее известными являются группы курганов у Буллюмуйжа в Северной Латвии и Муукси на северном побережье Эстонии², причем для топографии могильников этого типа характерно расположение вдоль низин, долин рек и озер, т. е. вблизи естественных пастбищ. Обычно эти могильники состоят из 4—5 курганов, но есть группы, в которых число насыпей достигает и нескольких десятков.

В центре каждого кургана бывает по 1—2 ящика, которые обычно окружены еще несколькими (рис. 6—2). Все они обнесены общим каменным кругом или несколькими концентрическими кругами. Каждая курганная группа составляла, очевидно, усыпальницу семейной общины.

В ящиках находятся чаще всего труположения, но встречаются и трупосождения. Погребальный инвентарь каменных курганов, как и вообще всех могильников этого периода, весьма скуден. Изредка находятся предметы из металла — бронзы или железа и небольшое количество керамики.

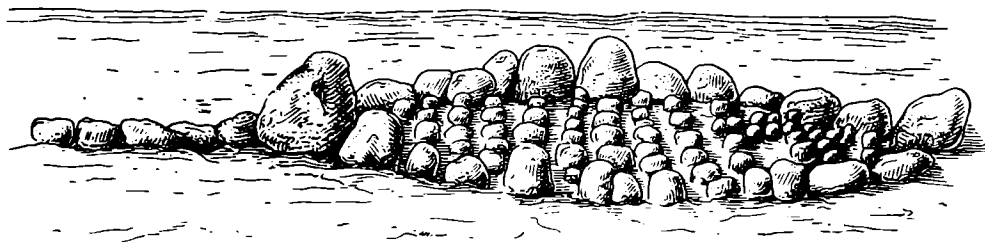

Рис. 8. Ладьевидная каменная могила (Плинтини Дундагского р-на Латвийской ССР)

В отдельных случаях, особенно в Северной Эстонии, встречаются предметы из кости, в частности костяные проколки или булавки для застегивания одежды.

Из остальных находок можно упомянуть пуговицы из янтаря, скребки и наконечники стрел из кремня. На основании инвентаря эти курганы датируются серединой и второй половиной последнего тысячелетия до н. э., а отчасти и первым веком н. э.

Укажем, что антропологический материал, добытый в курганах с каменными ящиками на севере Эстонской ССР, имеет тот же облик, что и грунтовых могильников предшествующего периода³.

Особое место среди других погребальных памятников Прибалтики занимают так называемые «Вялна лайва» (чертовы ладьи), встречаемые в небольшом числе в Латвии, на юго-западном побережье Рижского залива, в Талсиском и Дундагском районах, и в Эстонии на самом южном конце о-ва Сааремаа у дер. Люлле. Это плоские сооружения в форме ладей, сложенные из валунов на поверхности земли. Их контуры обозначены обычно крупными валунами, а поверхность выложена камнями меньших размеров (рис. 8). Их длина колеблется примерно от 5 до 16 м, в отдельных же

¹ См. ИАК, вып. 12, стр. 26.

² Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1937, I, Tartu 1938, стр. 304 и след.

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948, стр. 156.

случаях достигает 23 м. В средней части ладьи в небольших каменных ящиках или в глиняных сосудах-урнах, поставленных в ящики, обнаружены остатки трупосожжений.

Ладьевидные могильники появились в Прибалтике в первой половине последнего тысячелетия до н. э., бытовали здесь недолго и представляют собой явление, чуждое для Восточной Прибалтики. Как сами эти сооружения, так и обнаруженная в них керамика имеют аналогии на другой стороне Балтики, на островах Готланде и Эланде, а также в шведской провинции Эстергёталанд. Эти памятники свидетельствуют, без сомнения, о поселениях, пришедших с одного из этих островов, скорее с Готланда, на территорию современной Латвии и Эстонии, но лишь на короткое время.

Из археологических источников этого периода заслуживает особого внимания еще вид памятников — укрепленные поселения, или городища. Из них особенно известны два, являющиеся в то же время наиболее западными ранними городищами Прибалтики. Одно из них, так называемое Клангюкалнс, расположено в 20 км к востоку от Риги, на 0,5 км южнее р. Даугавы¹. Другое находится на территории Эстонии в восточной части острова Сааремаа, у деревни Асва². Оба городища по расположению и характеру инвентаря имеют много общих черт. Оба лежат на невысоком естественном возвышении в низменной местности, окруженные невысоким валом, на котором находились деревянные оборонительные сооружения. Площадь, обнесенная валом, была занята жилыми и хозяйственными постройками. Характер построек пока детальнее не выяснен. Полагают, однако, что на городище Клангюкалнс постройки имели округлые очертания. Культурный слой значительной толщины насыщен костями домашних и диких животных. Кости домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь) составляли в Асва четыре пятых всех костей. В Клангюкалнсе костный материал содержит сравнительно еще больше остатков домашних животных. Скотоводство, таким образом, уже значительно преобладало над охотой.

Из предметов, найденных на этих городищах, назовем ряд орудий и изделий из камня: сверленные топоры и высверлины из проухов топоров, кремневые скребки и ножи; большое количество костяных изделий, в том числе топоров, шильев, разного рода булавок и других предметов. Обломок бронзового кельта, найденный в Клангюкалнсе, показывает, что по крайней мере в период появления городищ применялись еще бронзовые орудия. Об обработке бронзы на месте свидетельствуют тигли для плавки металлов и обломки глиняных литейных формочек. Большинство же металлических орудий сделано уже из железа. Чаще всего попадаются железные ножи. Находки отдельных серповидных орудий и зернотерок свидетельствуют о наличии земледелия. Глиняные сосуды плоскодонны и толстостенны, с неровной, часто со штрихованной поверхностью. Имеются сосуды баночной формы, но нередки и так называемые острореберные. Прядение и ткачество засвидетельствованы наличием текстильной керамики и находками пряслиц. Интересно, что керамика с городища Асва, несмотря на то, что оно расположено западнее, сходна с керамикой дьяковских городищ. Но в керамике Асва и Клангюкалнса наблюдаются и некоторые лужицкие элементы. По характеру находок оба описанных городища датируются серединой и второй половиной последнего тысячелетия до н. э. Городище Асва использовалось, вероятно, еще и в первых веках н. э.

Появление подобных городищ объясняется, очевидно, усилением борьбы между племенами за естественные пастбища, которых в Прибалтике было, по сравнению, например, с Приволжьем, немного.

¹ Журнал *Senatne un Māksla* 1936, I, Rīga 1936, стр. 57 и след.

² Сборник *Muistse Eesti linnused*, Tartu 1939, стр. 17 и след.

Несколько иной характер носят городища в восточных частях Латвии и Литвы¹. Они расположены чаще всего на обособленных возвышенностях, холмах, подступ к которым затруднен со всех сторон крутыми склонами. Нередко для них использовались выступающие в долины мысы с крутыми склонами; с напольной стороны такие мысы отделялись рвом и валом. От более поздних городищ эти ранние укрепленные поселения отличаются насыщенностью культурного слоя костным материалом и керамикой, а также незначительностью оборонительных сооружений.

В Литве ранние городища, расположенные на обособленных холмах, иногда укреплены рвами и валами у подножия; рвы вырыты, очевидно, с целью увеличения крутизны склонов. Для подобных городищ характерна мощность культурного слоя, который иногда, в особенности по краям площадки, достигает толщины в несколько метров и насыщен углем, керамикой и разными отбросами. Без сомнения, городища были обитаемы в течение продолжительного времени. По расположению, форме и по характеру инвентаря эти городища во многих отношениях сходны с дьяковскими. В восточной и средней части Латвии зарегистрировано свыше 60 подобных городищ. В особенности известен ряд ранних городищ, расположенных по берегам Даугавы. Прежде других привлекло к себе внимание городище Мукукалнс, на северном берегу Даугавы, в 70 км выше Риги. Оказалось, что в нижних горизонтах культурного слоя большинства городищ, расположенных по Даугаве, имеются следы ранних поселений, начиная с середины последнего тысячелетия до н. э. Так, на городищах Даугмале, Ерсика, Дигная и др., сильные оборонительные сооружения которых возникли значительно позже, в нижних слоях обнаружена ранняя керамика.

В Литве подобные городища, или «пилькалнисы», стали известны благодаря раскопкам Л. Крживицкого². Примером этих городищ может служить исследованное им Петрашунское городище в Рокишском районе. Наличие таких укрепленных поселений установлено в окрестностях городов Зарасай, Швенчионис и Укмерге. Самые западные из них расположены вблизи г. Кедайнйя. Больше всего материал имеется с городищ в Великушкой и Возгелай близ г. Зарасай. В культурном слое этих городищ обнаружено множество очажных камней, большое число предметов из кости, в особенности булавок и шильев, а также много грубой керамики, изготовленной из глины с примесью дресвы. Изучение костного материала Петрашунского городища показало, что он содержит до 76% костей домашних и лишь 24% костей диких животных. Из костей домашних животных 26% принадлежит крупному рогатому скоту, 23% — свинье, 10% — лошади, 10% овце или козе³. О земледелии свидетельствуют зернотерки. Все эти явления прослеживаются и на ранних городищах Белоруссии, с которыми восточно-литовские городища имеют немало общих черт. На Великушском городище (в Дусятском районе) обнаружены как на площадке, так и на склонах трупосожжения последних веков до н. э. и первых веков н. э. В западных районах Литвы и Латвии мы соответствующих укрепленных поселений пока не знаем.

Общей чертой как для рассматриваемых восточных городищ-пилькалнисов и более западных типа Асва, так и дьяковских является обилие в культурном слое костей домашних животных и разных изделий из кости: булавок, проколов, долот, рукоятей от ножей и т. д. и наличие керамики с заштрихованной поверхностью. Особенностью пилькалнисов, отличающей

¹ Некоторые данные о ранних городищах в Латвии приводит Н. Моога, Die Eisenzeit in Lettland, I. Opetatud Eesti Seltsi Toimetused XXV, Tatu 1929, стр. 15 и 186 и след.

² Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. Москва, 1913, стр. 301 и след.

³ Wiadomości Archeologiczne, tom XIV, Warszawa 1936, стр. 176 и след.

их как от городищ типа Асва, так и от дяковских, является наиболее распространенная на них керамика, покрытая сплошь вертикальными рядами зашипов, а также керамика с «жилистыми» или другими неровностями на поверхности¹ (типы, характерные и для соседних южно-латвийских грунтовых могильников). Как в Латвии, так и в Литве на этих городищах встречаются и каменные орудия, долота, сверленные клиновидные топоры и, довольно часто, — высверлины из втулок каменных топоров.

Начиная с последних веков до н. э., некоторые из укрепленных поселений прекращают свое существование (например, городища Иру и Асва в Эстонии, Меланское городище в Рокишском районе в Литве), другие же превращаются в убежища, в которых население появлялось только временно, спасаясь от нападения врагов.

Предметы из бронзы встречаются в этот период чаще, чем в предшествующие века, но все же за пределами западных районов Литвы они чрезвычайно редки. Бронзовый инвентарь, обнаруженный на территории Литвы и южной части Латвии, аналогичен соответствующему материалу, найденному на территории древнепрусских племен и в Привисленье. В качестве примеров приводим втульчатый топор и наконечник копья (рис. 7—1, 3). Оба имеют ближайшие аналогии среди находок из Калининградской области. В северной Прибалтике, в северных районах Латвийской ССР и на территории Эстонской ССР обнаружены отдельные бронзовые изделия юго-западного облика². Чаще тут все же (в особенности в прибрежной полосе) попадаются бронзовые вещи скандинавских типов: наконечники копий, бритвы, пинцетки, булавки (рис. 7—4). Отдельные предметы из бронзы поступали в Прибалтику также с востока, из Волго-Камья (ср. рис. 7—2). На территории Литовской ССР обнаружена бронзовая статуэтка малоазиатского происхождения³. Она относится к первой половине или середине последнего тысячелетия до н. э. и попала в Прибалтику, вероятно, через Кавказ и Северное Причерноморье.

Археологический материал середины и второй половины последнего тысячелетия до н. э., т. е. начала эпохи железа, свидетельствует о связях племен Прибалтики с соседними племенами на юго-западе. Одновременно же ослабевает и их общение с восточными и юго-западными соседями. В археологическом материале последних веков до н. э. прослеживаются некоторые общие черты даже с так называемой южновосточной культурой в Приднестровье (например, топоры типа рис. 7—8, ножи с загнутым черенком, булавки с загнутой в виде петли головкой и т. д.⁴). Обитатели территории Эстонии продолжали поддерживать некоторые связи со Скандинавией (находки шейных гривен, рис. 7—10).

В отдельных случаях можно, начиная уже с рубежа II и I тысячелетий, наблюдать некоторое увеличение употребления предметов из бронзы. Главным образом в западных частях Литвы и Латвии обнаружены отдельные клады бронзового века и начала эпохи железа, состоящие из ряда ценных бронзовых вещей, из роскошного для того времени оружия и предметов украшения. Так, например, на юго-западе Латвийской ССР вблизи г. Лиепая найден клад из 7 прекрасных проушных бронзовых топоров. В Баудей, в окрестности г. Алитус в Литовской ССР, обнаружен клад, состоя-

¹ См. Senove IV, Kaunas 1938, табл. XIV, рис. 23 и КСИИМК, вып. XLII, рис. 5—3, 4.

² Некоторые новые находки эпохи поздней бронзы и раннего железа, обнаруженные в Эстонии, описаны в Opetatud Eesti Seltsi Aastraamat 1937, I, Tartu 1938, стр. 365 и след.

³ Журнал Senatne un Raksla 1938, II, Riga 1938, стр. 56 и след.

⁴ Е. И. Горюнова, Городище Торфель, КСИИМК, вып. XXXI, стр. 148 и след., рис. 54—31, 32, 35.

вший из большой бронзовой булавки, двух спиральных браслетов и трех бронзовых блях¹. Клад бронзовых вещей найден и на о-ве Сааремаа (Эстония). Эти клады, вероятнее всего, принадлежали главам отдельных семейных общин или другим представителям родовой знати.

Несмотря на то, что памятники рассматриваемого периода, в особенности его первой половины, изучены еще весьма слабо, уже полученные с них материалы все же позволяют сделать некоторые общие, хотя и предварительные, выводы. Прежде всего, можно заключить, что население Прибалтики в последнем тысячелетии до н. э. в основном занималось первобытным скотоводством и земледелием. Охота и рыболовство окончательно отошли на второй план. В начале тысячелетия прекращают свое существование последние охотничье-рыболовческие стоянки. Население сосредоточивалось в бассейнах водных систем, рек или озер, где имелись естественные пастбища. Было бы, однако, односторонне утверждать, что выбор мест обитания определяли бы только условия скотоводства. Уже один тот факт, что население жило оседло на протяжении веков на одних и тех же местах, свидетельствует о значительной роли земледелия.

Судя по характеру могильников и поселений, можно заключить, что население жило патриархальными семейными общинами. Памятники, располагающиеся в бассейнах известных водоемов более или менее сплоченными группами, принадлежали, повидимому, семейным общинам, входившим в один род. Обособленное обитание отдельных семейных общин указывает на то, что в последнем тысячелетии до н. э. семейная община представляла собой самостоятельную хозяйственную ячейку и что род, таким образом, к этому времени по существу уже расчленился на более мелкие единицы.

Последние века этого тысячелетия знаменуют собой дальнейший этап в развитии древнего общества в Прибалтике. В связи с тем, что земледелие, повидимому, становится основой хозяйства, происходит усиленное освоение новых земель и расселение населения на более широкие пространства. Это привело к опустению в конце последнего тысячелетия до н. э. ряда укрепленных поселений или к превращению их во временные убежища. Немного позже прекращают свое существование многие могильники и возникают новые несколько иного типа, на более широких территориях.

В описываемый период роды жили, повидимому, еще сравнительно сплоченно. Несколько родов, обитавших в пределах известной целостной территории, составляли племя. Наши памятники, располагающиеся определенными группами, отличающимися своими местными особенностями, показывают, что разнородные этнические элементы, обитавшие в предшествующий период смешанно, к середине последнего тысячелетия до н. э. в основном уже слились, консолидируясь на юге в балтийские, на севере в финские племена. Наличие преемственной связи между могильными памятниками разных районов Прибалтики и соответствующими более поздними памятниками, которые, без сомнения, могут быть связаны с определенными племенами, позволяет приписать одни группы памятников летто-литовцам, другие же — ливо-эстонским племенам.

Для западных, прибрежных районов Литовской ССР и для юго-запада Латвийской ССР характерны курганы с трупосожжениями в урнах. На примере Курмайчяйского могильника мы видели, что эти курганы связаны непосредственно с грунтовыми могильниками последующего периода, которые с большой вероятностью могут быть приписаны племенам куршей. Курганы с урнами, таким образом, можно считать памятниками предков куршей.

¹ Senove IV, Kaunas 1938, табл. XIII, рис. 21.

Непосредственная преемственная связь существует также между каменными курганами с захоронениями в ящиках в северной полосе Латвии и на территории Эстонии и более поздними каменными могильниками, которые, несомненно, принадлежат ливо-эстонским племенам. Отсюда можно заключить, что в описываемый период в теперешней Северной Латвии и в Эстонии сложились ливские и эстонские племена. Иной характер носили более южные могильные памятники, расположенные в бассейнах рек Даугавы и Лиелупе и отделенные от памятников северных районов Видземской и Курземской возвышенностями, представлявшими в то время, повидимому, еще незаселенные, поросшие девственными лесами пространства. Хотя прямая связь этих могильников с памятниками последующих времен еще окончательно не установлена, все же можно полагать, что тут перед нами памятники предков древнелатышских племен — земгаллов и латгаллов.

Судя по появлению в западных прибрежных районах Латвийской и Эстонской ССР ладьевидных могильников скандинавского типа, должно было в первой половине последнего тысячелетия в Прибалтике временно существовать и небольшое число скандинавских, т. е. германских, элементов. О соприкосновениях со Скандинавией свидетельствует наличие скандинавских типов вещей, обнаруженных в северных районах Латвийской ССР и на территории Эстонской ССР. С наличием скандинавских элементов в археологическом материале, возможно, следует связать проникновение в эстонский и другие западнофинские языки ряда весьма ранних германских слов (в том числе названия железа — эст. *gaud*, рала — эст. *ader*, поля — эст. *rõld*, овса — эст. *kaeg* и др.). До сих пор германские элементы в западнофинских языках¹ относились лингвистами к первым векам н. э. Археологические факты дают возможность поставить вопрос о значительно более ранней их датировке.

Укажем, наконец, что в новейших работах по изучению эстонского и других западнофинских языков начало взаимных связей между западнофинскими племенами и славянами относится также уже к I тысячелетию до н. э.² Такие слова, как иго (ярмо, эст. *ike*), жердь (эст. *hirs*) и ряд других, проникли в западнофинские языки, по всей вероятности, уже в последние века до н. э. Дальнейшую разработку этих вопросов необходимо проводить комплексно, совместными силами археологов и лингвистов.

---

¹ V. Thomsen. *Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen.* Halle 1870.

² P. Ariste. *Eesti ja vene rahva sõbralkud suhted keeleteaduse valguses.* (Дружественные взаимоотношения эстонского и русского народов в свете языкознания). «Rahva Hääl» nr. 252, Tallin 1951.

Р. Б. АХМЕРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Хотя в археологической литературе уже немало написано о памятниках ананьинского времени, количество научных статей, посвященных им, увеличивается с каждым годом. Объясняется это тем обстоятельством, что ананьинская культура простиралась на обширные районы Прикамья и Приуралья, переплетаясь и скрещиваясь с другими древними культурными очагами Восточной Европы. Советскими археологами, а иногда и случайно, при различных земляных работах, открываются новые и новые памятники, дополняющие наши знания о различных сторонах материальной и духовной жизни людей ананьинского времени. В настоящее время памятники ананьинского времени известны и на территории Башкирской АССР и в особенности по долинам рек Белой и Уфимки. На основании новейших открытий установившаяся в археологической литературе точка зрения, что только узкая полоса Прикамья является территорией распространения ананьинской культуры, подлежит пересмотру. Условное понятие «ананьинская культура» является теперь слишком узким для столь обширной культуры, существовавшей в древности в лесных и лесостепных районах Восточной Европы.

Не имея возможности в настоящей статье остановиться на тех археологических памятниках Башкирии, которые предшествовали ананьинской культуре, мы постараемся сжато обобщить уже известные в литературе и вновь полученные за последние годы материалы об ананьинской культуре на территории Башкирии.

К наиболее ранним памятникам этой культуры относится могильник, случайно открытый в Уфе в мае 1950 г. учащимися 15-й средней школы, заметившими в невысоком обрыве человеческие кости и некоторые предметы погребального инвентаря. Часть вещей, найденных учащимися, поступила в Краеведческий музей. К сожалению, о находках мы узнали с большим опозданием через преподавательницу этой школы Р. Баймуллину. Учитывая опасность уничтожения памятника, мы поспешили произвести раскопки на месте находки. Во время раскопок 1950 г. обнаружены только два сохранившихся погребения.

Могильник находится в окрестности г. Уфы около железнодорожного разъезда Правая Белая, за приусадебными участками домов № 6—8 по ул. Большая Тракторная. Расположен он у подножья Уфимской возвышенности, над луговой террасой. Можно полагать, что основная часть могильника

уничтожена еще при строительстве Самаро-Златоустовской железной дороги, в конце XIX века.

Погребение № 1 было обнаружено по пяточным костям покойника со стороны обрыва, где хорошо прослеживалась и стратиграфия. Дернового слой имел толщину до 30 см; под ним залегал слой глины, смешанной с черноземом и известняковыми включениями толщиной 10 см; ниже шла глина с известняковыми включениями толщиной 20—25 см. В дерновом слое встречались отдельные человеческие кости и мелкие обломки глиняных сосудов, вероятно, выброшенные сюда из разрушенных соседних погребений. В насыпи изредка встречались куски сажи и угля.

Могильная яма имела форму прямоугольника с округленными углами. Длина ямы — 1,85 м, ширина — 70—75 см. Хорошо сохранившийся костяк длиной в 1,7 м залегал на глубине 70—75 см от поверхности земли.

Умерший был похоронен, вероятно, в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток, лицом на север; ноги обращены к реке, что, по мнению А. В. Збруевой, является характерной чертой для всех могильников ананьинского времени, связанной с представлением о путешествии по воде во время «переезда» из страны живых в страну мертвых¹.

При костяке найдены следующие вещи: около черепа — бронзовый предмет в виде трубочки с тремя кружочками и круглая бронзовая бляха; около локтевой кости левой руки — бронзовый кельт с остатками деревянной рукоятки и 7 наконечников стрел (один бронзовый и шесть костяных); у локтевой кости правой руки — костяное шило. С левой стороны костяка найден резец бобра с частью нижней челюсти и кость, вероятно, коровы. Как известно, бобровые резцы встречаются во многих могильниках ананьинского времени, что, по мнению А. В. Шмидта, связано с религиозно-магическим представлением и с хозяйственным значением охоты на бобра².

При расчистке первого погребения у костей левой ноги неожиданно был обнаружен череп второго костяка, лежавшего в необычной позе. Около него найден единственный предмет — костяное шило. Костяк лежал на спине со скрещенными на груди руками, тазовая часть несколько приподнята, а кости ног находились под грудной клеткой; череп был сильно отогнут назад, челюсти размокнуты. Одна кость правой ноги отсутствовала; очевидно, второе погребение было потревожено. Повидимому, оба погребения совершены одновременно. Обряд Уфимского погребения № 1 не отличается от погребального обряда других могильников ананьинского времени.

Оба черепа, найденные в погребениях № 1 и 2, относятся к брахичефальному, т. е. короткоголовому, типу³. Длина черепа № 1—175 мм, ширина 140 мм, высота 120 мм, черепной долготный индекс равняется 80, высотный индекс 68,5, высота лица 73 мм, ширина 135 мм, верхний лицевой указатель 54,07, емкость черепа 1600 см³. Первый череп принадлежит мужчине около 45 лет, крепкого физического сложения, с хорошо развитой мускулатурой, о чем можно судить по сильному развитию костных выступов и бугров.

Длина черепа № 2 равняется 180 мм, ширина 145 мм, высота 130 мм, высота лица 63 мм, скуловой диаметр 140 мм, черепной долготный указатель 80,5, высотный индекс 61,1, верхний лицевой индекс 45, емкость черепа 1560 см³. Второй череп также принадлежит, вероятно, мужчине (?)

¹ А. В. Збруева. Идеология населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Труды Института этнографии, 1947, стр. 26.

² А. В. Шмидт. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества. Из истории родового общества на территории СССР, М.—Л. 1934, стр. 70.

³ Черепа были исследованы научными работниками кафедры нормальной анатомии Башкирского медицинского института. За оказанную помощь в описании черепов приношу благодарность научным работникам медицинского института проф. С. Э. Лукманову и доц. Г. Ш. Сюндюковой.

в возрасте около 50 лет, крепкого физического сложения с хорошо развитой мускулатурой.

Череп уфимских погребений в основном однотипны с черепами из Ананьинского могильника и, повидимому, относятся к одной монголоидной расе. Сравнительно большие грубые черепа с выступающей челюстью и нависшими надбровными дугами составляли характерную особенность человека ананьинского времени.

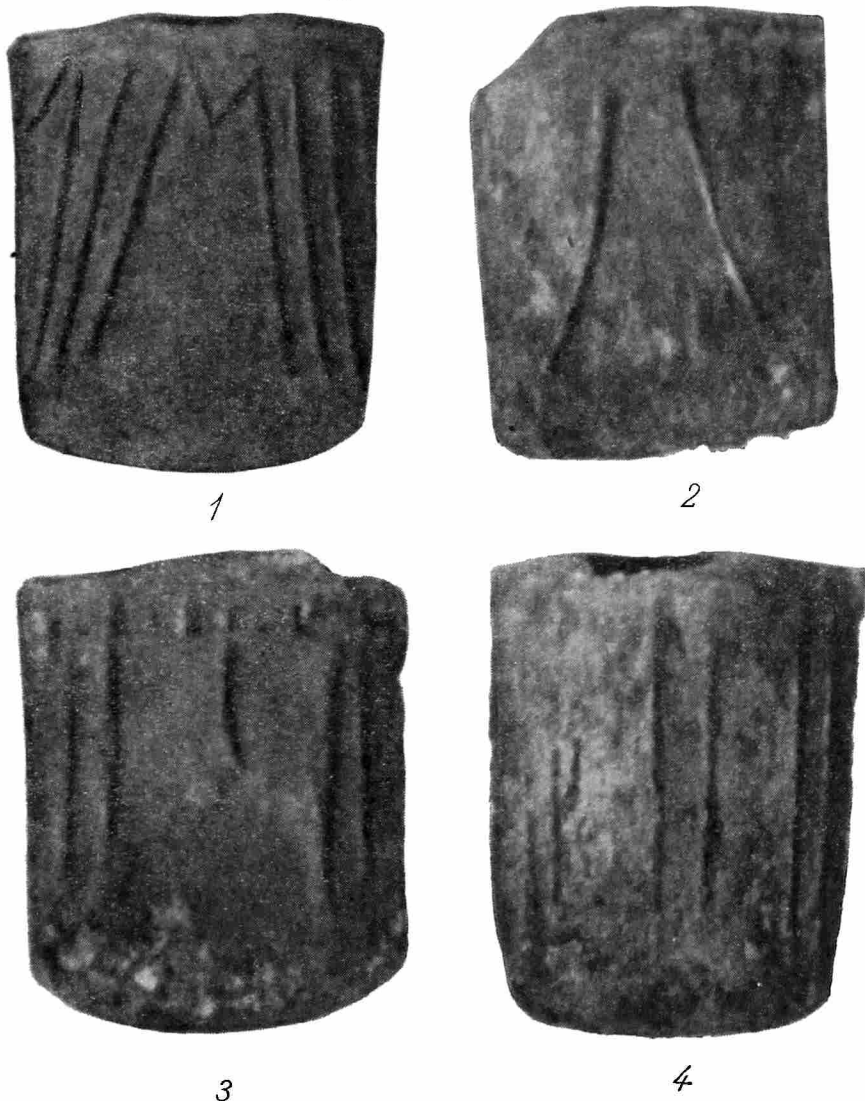

Рис. 9. Бронзовые кельты из Башкирии

Перейдем к характеристике вещевого материала. Из найденных предметов как в этих двух погребениях, так и раскопанных учащимися 15-й школы наиболее характерными являются кельты. Всего их обнаружено четыре экземпляра. Первый лежал около костяка погребения № 1 (рис. 9—1), второй в верхнем слое насыпи (рис. 9—2), два взяты у школьников (рис. 9—3, 4). Все 4 орудия сделаны, видимо, из чистой меди или из бронзы с незначительной примесью олова. Верхние края втулки как снаружи, так и изнутри овальные. Орнамент состоит из косых и прямых рельефных линий, расположенных с обеих сторон орудия. Кроме того, у двух кельтов в верхней части между вертикальными орнаментальными полосами расположены рельефные крестики и равнобедренные треугольники. Наруж-

ные края втулок обведены рельефными ободками. У трех экземпляров ширина втулки и лезвия почти одинакова, один к лезвию сужается. У двух кельтов лезвия со значительным округлением, у одного округление почти незаметное, и у одного лезвие почти прямое. Ширина орудий 5,4—5,6 см, высота их от 6,5 см до 7,3 см. Различия в орнаментации, толщине стенок, размерах свидетельствует о том, что все они сделаны в различных литейных формах.

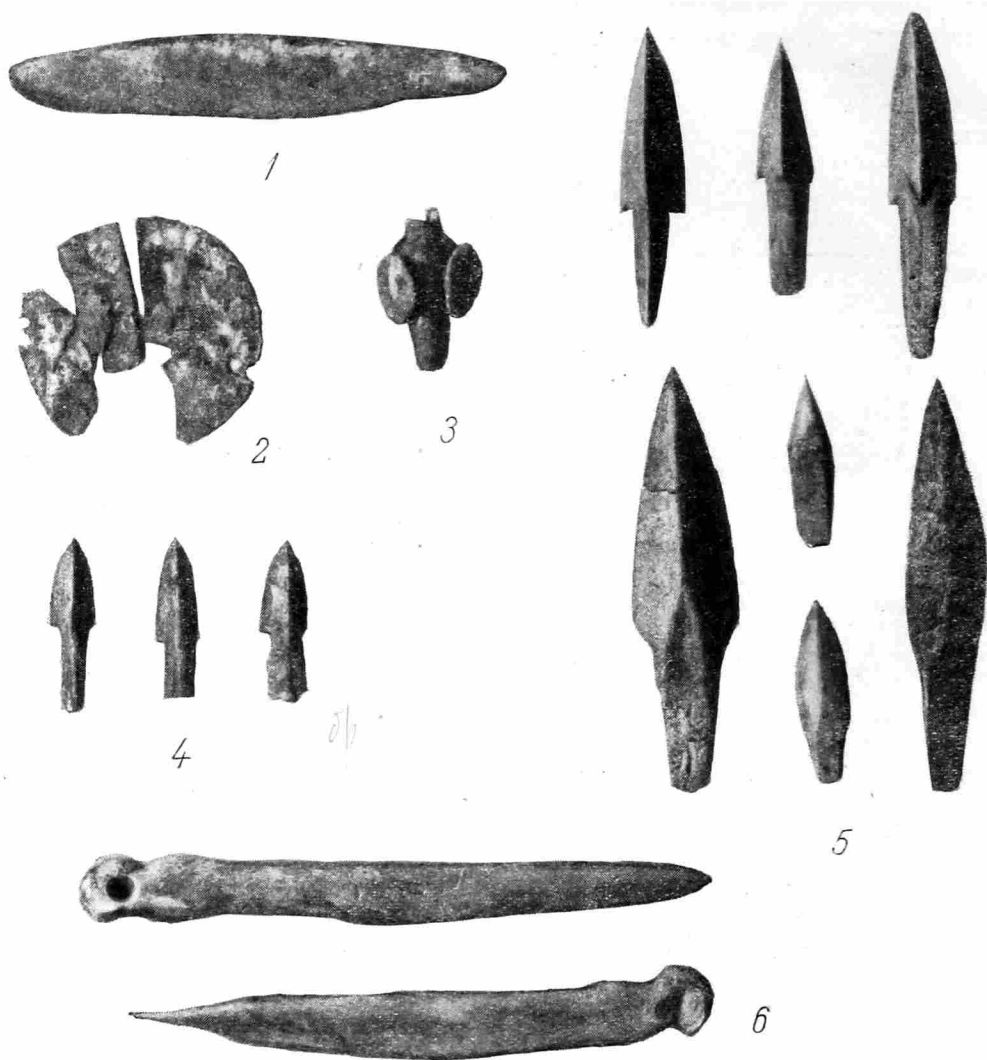

Рис. 10. Вещи ананьинского времени из Башкирии

1 — нож, 2 — бляха, 3 — трубочка с кружочками, 4 — наконечники стрел, 5 — наконечники стрел, 6 — иглы (1—4 — бронза; 5 и 6 — кость)

В начале существования ананьинской культуры кельты, очевидно, играли универсальную роль, являясь одновременно орудием труда и оружием защиты и нападения. Кельты уфимских погребений по своим формам не отличаются от найденных в Ананьинском могильнике, но имеют некоторое своеобразие в орнаменте. На мысе Толстик в Свердловской области найден обломок литейной формы для отливки кельтов, повидимому, почти однотипных с обнаруженными в уфимских погребениях¹.

¹ П. А. Дмитриев. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 года. КСИИМК, вып. XII, стр. 23.

Вторым интересным предметом является бронзовый однолезвийный нож со слегка изогнутым верхним краем и черенком для насадки в деревянную ручку (рис. 10—1). Длина ножа 10,2 см.

Бронзовая бляха, найденная около черепа погребения № 1, круглая (диаметр 5 см), тонкостенная с парными отверстиями по противоположным краям (рис. 10—2), аналогична обнаруженным среди погребального инвентаря Маклашеевского могильника II и среди материалов Луговского могильника на территории Татарской АССР¹. Судя по всему, такие бляхи нашивались на головные уборы или повязки, носившиеся спереди. Отсюда можно предположить, что они были связаны с культом солнца. Неопределенным является бронзовый предмет в виде трубочки с тремя кружочками (рис. 10—3). Длина его 3,5 см.

В коллекции находок имеются 3 бронзовых и 16 костяных наконечников стрел. Бронзовые принадлежат к двум типам. Один из наконечников трехгранный черешковый, с небольшими выемками в нижней части между лопастями. Его длина 3,9 см. Формочка для отливки таких наконечников была найдена П. А. Дмитриевым на мысе Толстик в Свердловской области². Остальные два наконечника также трехгранные, но втульчатые. Длина их 3,5 см. Между гранями, начиная от нижнего края и до середины, имеются выемки, как бы показывающие продолжение втулки. На середине втулки одного имеется довольно большое круглое отверстие (рис. 10—4). Подобные бронзовые наконечники стрел найдены во время раскопок Котловского могильника и Свиногорского городища в Татарии.

Костяные наконечники стрел длиной от 3,7 до 9,5 см исключительно разнообразны по формам и по размерам (рис. 10—5). Три из них трехгранные черешковые с шипами, подражающие бронзовым. Все остальные — черешковые, с ребристым утолщением вдоль середины, ромбовидные или овальные в сечении; имеются широкие и узкие, крупные и очень маленькие экземпляры. Один большой наконечник, очевидно, был обломан, а потом очень прочно склеен. Разнообразие стрел служит доказательством того, что в это время большое значение имела охота и, повидимому, они были предназначены для добычи разной дичи и птицы.

В погребениях № 1 и 2 были найдены целые костяные шила или вязальные иглы для плетения рыболовных сетей (рис. 10—6). Одно из них с круглым отверстием и рубчиком на толстом конце, у другого имеется только рубчик для привязывания. Длина их 12,5 и 13,5 см. От учащихя были получены еще два фрагмента таких же орудий.

На месте могильника учащимися был найден целый глиняный сосуд, который был тут же разбит и заброшен. В наши руки попали лишь 2—3 небольших фрагмента. По форме закраины можно предположить, что это была небольшая круглодонная, сравнительно тонкостенная чашечка со слегка отогнутым бортиком и круговым ямочным орнаментом ниже венчика. Глина серая, плотная с примесью толченой раковины. На поверхности видны следы лощения.

Таков комплекс находок Уфимского могильника, случайно открытого летом 1950 г.

Отсутствие железных предметов позволяет считать Уфимский могильник примерно одновременным Котловскому могильнику и датировать его VII—VI вв. до нашей эры³.

¹ А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. КСИИМК, вып. XXIII.

² П. А. Дмитриев. Указ. соч.

³ Отсутствие железных предметов не может служить основанием для отнесения могильника к числу ранних. Дате VII—VI в. противоречат формы бронзовых наконечников стрел. Могильник относится ко времени не ранее V в. до н. э.—Прим. редакции.

Памятники ананьинского времени, расположенные по берегам рек Белой и Уфимки, встречаются только в районах Башкирии, относящихся к лесным и лесостепным зонам, которые, начиная, примерно, от Стерлитамакского района, идут вдоль берега р. Белой по течению и охватывают прибрежные полосы Гафурийского, Кармаскалинского, Архангельского и Иглинского районов, лишь несколько расширяясь в устьях рек Инзера, Сима, Зилима и Уршака. С Уфимского района сфера ананьинской культуры еще больше увеличивалась, распространяясь не только на прибрежные полосы рек Белой и Уфимки, но и на прибрежные полосы их притоков и других водоемов. Следовательно, в северных, северо-западных и северо-восточных районах Башкирии памятники ананьинской культуры, могильники и городища встречаются гораздо чаще.

По неполным данным, в этих районах выявлены 20 городищ и 3 могильника. Самыми крупными из них являются городища Курман-Тау в Гафурийском районе, Аташ в Иглинском, Чертово городище в Уфимском, Кара-Абыз в Благовещенском, Петр-Тау в Илишевском и др. Кроме того, зафиксированы памятники под названием Ногайские валы, большинство которых относится тоже к ананьинскому времени. При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что большинство памятников ананьинской культуры Башкирии не изучено, за исключением Уфимского Чертова городища и городища Кара-Абыз.

Городище Кара-Абыз было исследовано археологической экспедицией Академии Наук СССР в 1928 г. под руководством А. В. Шмидта. Результаты раскопок были опубликованы в 1929 г.¹

Городище расположено на левом берегу р. Белой к СЗ от дер. Городок, в 11 км от районного центра г. Благовещенска. Место городища низкое, отлогое, что является необычным для памятника ананьинского времени. Со стороны суши городище укреплено двойными валами и рвами. Толщина культурного слоя местами достигает 2 м. По описанию А. В. Шмидта, материальная культура городища характеризуется следующими чертами: 1) наличием примитивного, вероятно, мотыжного земледелия, о чем можно судить по находкам обломков двух зернотерок в виде плоских подчетыреугольных камней; 2) развитием скотоводства, подтверждающегося многочисленностью костей домашних животных: лошади, коровы, овцы, свиньи; 3) значительной ролью рыболовства и охоты в жизни населения (обилие рыбьей чешуи и костей диких животных).

Обитатели городища были уже широко знакомы с железом, что подтверждается находками боевого железного чекана, железных ножей, наконечников копий и железных шлаков. В ходу были бронзовые изделия; найдены: кельт, секира, наконечники стрел, круглая бляха — пуговица. Глиняные сосуды были круглодонные, тонкостенные с лощеными поверхностями или покрытые ангобом; глина сосудов серая или темносерая с включением толченой раковины и шамота. Орнамент в большинстве случаев — углубленно-ямочный накол вдоль шейки сосудов; встречаются штрихи, штамп и реже — шнур.

Остатков жилищ в виде землянок или полуземлянок во время раскопок не обнаружено, что, по мнению А. В. Шмидта, объясняется тем, что жилищем кара-абызцам служили шалаши, балаганы и т. п. легкие постройки, не оставившие никаких следов². Однако подобное утверждение не совсем соот-

¹ А. В. Ш м и д т. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Издание Госплана БАССР, Уфа 1929.

² Там же, стр. 12.

ветствует действительному характеру жилищ на поселениях ананьинского времени, что мы увидим ниже на примере Уфимского городища.

Местоположение кладбища кара-абызцев тоже пока осталось не выясненным.

Останавливаясь на вопросе о том, к какому времени и к какой культуре следует отнести находки из городища, А. В. Шмидт совершенно правильно отмечал, что трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа с внутренней втулкой, серповидный железный нож, выпуклая пуговица с дужкой, железный чекан, бронзовый кельт, бронзовая секира — все эти предметы являются типичными для ананьинской эпохи¹. Раскопки на городище Кара-Абыз «...вскрыли поселение, хронологически близкое ананьинскому могильнику и примерно одновременное уфимскому могильнику»².

Конкретизируя эту мысль А. В. Шмидта, мы можем сказать, что Кара-Абызское городище по своим культурным остаткам, вероятно, относится к среднему периоду существования ананьинской культуры, что, примерно, можно определить V—IV вв. до н. э.

По керамическим материалам к этому времени могут быть отнесены селища близ разъезда Воронки около гор. Уфы, городище Курман-Тау в Гафурийском районе и, возможно, Охлебнинское, Бирское и Дюртилинские городища. Городище Петр-Тау в Илишевском районе, очевидно, относится к более раннему времени, что окончательно выяснится в результате будущих археологических раскопок.

Уфимское Чертово городище и могильник расположены на правом берегу р. Уфимки, близ ее впадения в р. Белую, на высоком выступе Лысая гора. Со стороны суши оно укреплено земляным валом и рвом. В 1910—1912 гг. городище и могильник были раскопаны и изучены В. В. Гольмстен. В печати опубликован только отчет о могильнике³, а полный отчет по всем материалам раскопки сохранился в виде рукописи В. В. Гольмстен⁴. Изучая результаты работ 1910—1912 гг., В. В. Гольмстен отмечала, что среди находок с городища встречены материалы более раннего и более позднего времени. В частности, среди керамики, по ее словам, имеются фрагменты, типичные для сосудов бронзовой эпохи. К такому разряду она относала круглодонные сосуды небольшого размера с веревочным и чеканным орнаментом на высоких и прямых шейках и плечах. Воздерживаясь от общих заключений, она полагала, что они, вероятно, являются пережитками старого. Большинство сосудов были круглодонными, с ямочным орнаментом и с примесью раковины или песка в глине. Кроме керамического материала, на городище найдено много костяных наконечников стрел, глиняные пряслица и грузила; части жернова; железные ножи, наконечники стрел, пряжки, серп, замок, огниво; топор и долото, точильные бруски, костяной крючок, просверленный зуб медведя и костяные поделки. Собрано значительное количество костей домашних и диких животных, в том числе лошади, коровы, свиньи, овцы, лося, оленя, медведя, дикого кабана и изредка рыбы и птичьих кости.

Самым важным открытием на Уфимском городище явилось жилище в виде землянки или полуземлянки с каменным очагом (рис. 11⁵).

¹ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 14.

² А. В. Шмидт. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9—10, стр. 26.

³ В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. Москва 1913.

⁴ Рукопись находится в библиотеке Башкирского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в г. Уфе.

⁵ План землянки дается по В. В. Гольмстен.

Аналогичные полуземлянки обнаружены на стоянке у хутора Астраханцева и на Луговской стоянке на Каме¹.

В траншеях 2, 3 и 5 открыты очаги, оставшиеся, повидимому, от наземных жилищ; сложены они были из крупных камней подобно очагу в землянке. Форма очагов — неправильно круглая, диаметр до 140 см.

В результате разреза валов установлено, что они состоят из насыпи чернозема и известняковых пород. Длина вала около 87 м, ширина от 2 до 6,4 м, высота 4,25 м. Въезд на городище (ворота) имел ширину около 4 м. Ширина рва, окружавшего городище, 2—3 м. Интересен тот факт, что в насыпи выявлены слои и гнезда обожженной глины, посредством которой закрепляли в древности вал для предохранения его от разрушения. На древнем слое вала прослежены остатки деревянных укреплений в виде тына и столбов.

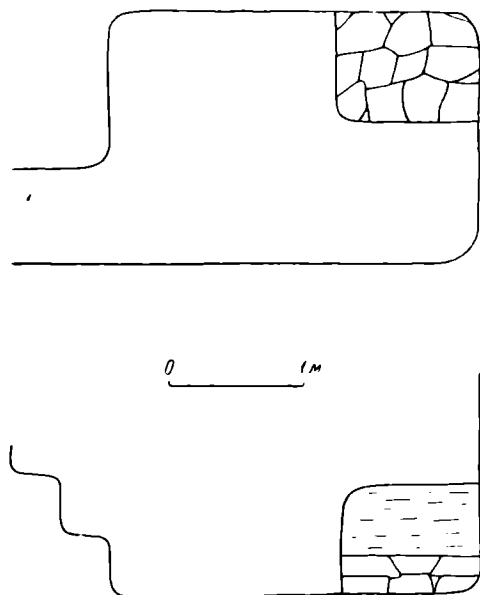

Рис. 11. План и профиль землянки

Беглый обзор материалов Уфимского городища позволяет утверждать, что оно относится к поздним памятникам ананьинской культуры и, вероятно, было обитаемо вплоть до середины I тысячелетия н. э., на что указывают железные замки, пряжки, огниво. Возможно, что на месте городища до его основания была стоянка более раннего времени, о чем свидетельствуют фрагменты глиняных сосудов, по словам В. В. Гольмстен, типичных для бронзовой эпохи.

Подробнее остановимся на характеристике могильника, находящегося на высоком берегу реки Уфимки, примерно в 100 м на СЗ от Чертова городища². Всего было раскопано 14 погребений, из них 7 мужских, 3 женских, 3 детских и одно неопределенное³. 12 погребений сопровождалось вещами, а два были без вещей. Могилы, очевидно, имели прямоугольную форму. Глубина могил колебалась от 45 до 105 см. Положение костяков — вытянутое, на спине. К ритуальным особенностям следует отнести мелкие угли в насыпи и под костяками. В двух случаях костяки оказались окруженными своего рода рамкой из некрупных плоских известняковых камней, уложенных на дне могилы. Ориентировка костяков крайне неустойчива и разнообразна; преобладает положение головой на юг и северо-запад; ориентировка на восток совершенно отсутствует.

Длина мужского костяка 152 см и женского 144 см показывает на небольшой рост погребенных. Неустойчивая ориентировка костяков Уфимского могильника — явление своеобразное и почти не присущее другим могильникам ананьинского времени.

При мужских костяках обычно находилось оружие: железные наконечники копий и ножи, бронзовые наконечники стрел и др. В двух случаях обнаружены железные крючки, на которых, вероятно, привешивались кол-

¹ А. В. Збруева. Памятники эпохи бронзы в западном Приуралье и Ананьинская культура. Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, ГИЗ, 1948.

² Описание могильника дается по В. В. Гольмстен для того, чтобы сделать соответствующие выводы о памятнике в целом.

³ В. В. Гольмстен производила раскопки могильника в 1911 и 1912 гг. Всего было вскрыто 28 погребений. Материал из раскопок 1911 г. хранится в Музее краеведения БАССР и в Гос. Историческом музее в Москве; последний не издан.

чаны. Наконечники копий лежали в ногах костяков, наконечники стрел у левого колена, ножи у бедра или колена с правой стороны, железные крючки и бронзовая обоймица у пояса; около одного костяка оказался просверленный лисий клык — амулет.

В инвентаре женских погребений преобладают украшения из бронзы, и только в одном найден железный нож. Голову одной из погребенных украшал венчик из бронзовых полых шариков, к которому прикреплялись бронзовые восьмеркообразные привески. В ушах были серьги в виде несомкнутых колец с заходящими друг на друга концами, причем кольцо одной серьги оканчивается змеиной головкой. На шее находились гладкие гривны, на руках (у локтя) браслеты с заходящими друг на друга концами, на пальцах каждой руки по одному спиральному кольцу. У пояса были привески в виде колокольчиков, бронзовая пуговица, бронзовые крючки, железный предмет в виде трубочки. Кроме того, в женских погребениях найдены бляхи с изображением животных. На двух одинаковых бляхах изображены стоящие сильно стилизованные олени с рогами в виде спирали, изогнутыми спинами и повернутыми назад мордами; на третьей изображены два грифона, стоящие на задних лапах в геральдической позе, лицом друг к другу, и опирающиеся передними лапами на ствол дерева; от четвертой сохранился обломок, представляющий, повидимому, голову.

В детских погребениях обнаружены пастовая бусинка, золотая и несколько бронзовых обоймиц и бисер. Сосудов в могилах не найдено.

Отдельные захоронения значительно различаются по инвентарю. Из мужских самым богатым оказалось погребение № 7, а самыми бедными — № 2 и 10. Из женских по своему богатству выделяется погребение № 13, где наряду с другими предметами украшения обнаружены вышеописанные бляхи. В двух погребениях Уфимского могильника никаких предметов не найдено.

Таким образом, по инвентарю погребений Уфимского могильника можно судить о некоторой имущественной дифференциации среди членов патриархально-родового коллектива. С другой стороны, бросается в глаза и тот факт, что в Уфимском могильнике этого времени золотых и иных привозных вещей обнаружено мало: небольшая золотая обоймица и пастовая бусинка, найденные в детском погребении. Заимствованными являются сюжеты стилизованных оленей и грифонов в геральдической позе. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что предметы, найденные на территории городища и в могильнике, в основном являются изделиями местного производства, что, может быть, свидетельствует о сравнительно слабом развитии обмена с другими племенами.

Таков комплекс погребального инвентаря Уфимского могильника. Теперь рассмотрим его с точки зрения датировки и принадлежности к одной из археологических культур.

В. В. Гольмстен правильно отмечала, что некоторые предметы Уфимского могильника аналогичны материалам из Ананьинского и Пьяноборского могильников и костеносных городищ. В частности трехгранные наконечники стрел, серповидные железные ножи, наконечники копий, бляхи с изображением животных, колокольчикообразные привески, железные и бронзовые крючки позволяют установить сходство между уфимскими и ананьинскими могильниками. Особенно близкое сходство между восьмеркообразными привесками, спиралевидными перстнями и очковидными спиралями, найденными в Уфимском и в Зуевском могильниках¹. Но между Уфимским и Ананьинским могильниками существует и значительная разница, как в обрядах погребения

¹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., Ленинград, 1933, табл. VI, рис. 14, 28, 29.

бения, так и в характере предметов. Прежде всего, в Уфимском могильнике нет таких бронзовых орудий, как кельты, секиры и др., а предметы украшения — браслеты, серьги, перстни и др. имеют свои особенности, которые отсутствуют в предметах Ананьинского могильника. Кроме того, ориентировка костяков Уфимского могильника значительно отличается от ориентировки костяков Ананьинского. Учитывая все это, В. В. Гольмстен пришла к выводу, что Уфимский могильник относится к неизвестной еще в русской археологии культуре¹. В то время, когда археологические памятники Башкирии не были достаточно изучены, трудно было определить, какой культуре принадлежал могильник. Даже в советский период среди некоторых археологов существовали разногласия по этому вопросу. А. В. Шмидт, правильно определяя культурную принадлежность Уфимского могильника, считал, что его специфические особенности вызваны территориальными факторами². Такое объяснение не в состоянии полностью раскрыть сущности поставленного нами вопроса. В настоящее время сложилось уже правильное мнение о том, что Уфимский могильник относится к поздней поре ананьинской культуры и датируется примерно IV—III вв. до н. э. Тем не менее, требуется уяснить вопрос, связанный со специфическими особенностями этого памятника, и попытаться объяснить причины, которые их вызывали.

Вполне понятно, что с течением времени изменялся уровень производительных сил, что в свою очередь не могло не вызвать соответствующих изменений в быту и нравах ананьинских племен.

Но, кроме фактора времени, немалую роль сыграло передвижение на север южных кочевых племен со специфическими чертами их быта и культуры. Здесь имеется в виду, прежде всего, передвижение с юга на север сарматских племен, которые в III—II вв. до н. э. появились в бассейне рек Белой и Уфимки, где жили ананьинские племена. Не случаен тот факт, что некоторые предметы Уфимского могильника имеют прямую аналогию с предметами, найденными в сарматских курганах. Так, например, бронзовые браслеты с заходящими друг на друга концами, шейные гривны и спиралевидные перстни могут быть сопоставлены с браслетами и шейными гривнами, обнаруженными в группе Прохоровских курганов³. Совпадение заключается в том, что те и другие имеют заходящие друг за друга концы, иногда оформленные в виде змеиных головок. Очковидные спирали и завитки на обкладке ножен из Прохоровских курганов повторяются в орнаментальных мотивах блях из Уфимского могильника. Трехгранные бронзовые наконечники стрел и серповидные железные ножи нам кажутся также однотипными. Южная ориентировка костяков Уфимского могильника не противоречит вышесказанному. Таким образом, устанавливается взаимосвязь между Уфимским могильником и Прохоровскими курганами не только по характеру погребального инвентаря, но и по некоторым признакам обряда. Конечно, из этого нельзя еще сделать вывода о том, что между ними нет никакого различия. Такое суждение было бы глубоко ошибочным. Сходство говорит о том, что Уфимский могильник, относясь к рубежу IV—III вв. до н. э., сочетает в себе некоторые элементы как позднеананьинской, так и раннесарматской культуры. Племена, жившие по среднему течению и в низовьях рек Белой и Уфимки, примерно с III—II вв. до н. э., т. е. с начала пьяно-

¹ В. В. Гольмстен. Раскопки могильника близ Чертова городища под г. Уфой летом 1911 г. Вестник Оренбургского учебного округа, 1912, № 2, стр. 111.

² А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Уфа, 1929, стр. 15.

³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, табл. 2, 3, 4; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА № 1, стр. 132, рис. 10-а. В экспозиции Чкаловского краеведческого музея имеются браслеты, перстни и серьги с заходящими концами из кургана у хутора Белошапочного Халиловского р-на.

борской эпохи, были поглощены сарматами, о чем свидетельствуют курганные памятники сарматского времени в этих районах. Ф. Д. Нефедов в конце XIX в. писал, что «город Уфа построен на курганах. При новой распланировке улиц в курганах постоянно нападали на бронзовые изделия, янтарные бусы и человеческие костяки; до 50 курганов сохранилось еще и теперь на высоком берегу, где здание духовной семинарии и магометанское кладбище»¹.

Один большой из 18 курганов, расположенных на татарском кладбище, был раскопан Р. Г. Игнатьевым в 1867 г. Там найдены железные и серебряные предметы и бусы². П. А. Дмитриев, исследовавший курган у с. Кишки, близ г. Уфы, относил его к группе прохоровских³. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что передвижение сарматских племен с юга на север имело существенное значение в процессе формирования народностей Южного Урала и несомненно накладывало свой отпечаток на материальную культуру местных племен того времени⁴. В те времена на Каме процветала пьяноборская культура, которая, очевидно, подвергалась влиянию сарматов, но сохранила в основном самобытные черты ананьинской культуры уже в новых условиях общественного развития.

Итак, на примере уже известных памятников мы сможем установить некоторые этапы развития ананьинской культуры в пределах Башкирии. Раскопки и исследования новых памятников в будущем безусловно дадут очень интересные и пока неизвестные материалы, на основании которых можно будет сделать более широкие выводы.

---

¹ Отчет об археологических исследованиях в южном Приуралье.—Материалы по археологии восточных губерний, т. III, 1899 г.

² Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Справочная книжка Уфимской губ., 1883 г., стр. 348—349.

³ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 137.

⁴ А. П. Смирнов в своей статье «Могильники пьяноборской культуры» тоже высказывал мнение о том, что в предметах Уфимского могильника имеются элементы сарматской культуры. См. КСИИМК, вып. XXV, стр. 23.

С. Н. БИБИКОВ

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ В ТРИПОЛЬЕ

Расчищая остатки жилища № 5 в Луке Врублевецкой, мы встретили там в небольшом углублении пола (участок бг) несколько костей ребенка. Приведем антропологическую характеристику костей, данную антропологом Института этнографии Академии Наук СССР В. П. Якимовым:

«I. Поступивший материал включает следующие костные остатки: 1) диафиз правой плечевой кости, верхний конец ее несколько разрушен; 2) нижняя (дистальная) половина диафиза левой плечевой кости; 3) диафиз правой лучевой кости; 4) дистальная половина диафиза левой лучевой кости; 5) обломок диафиза левой локтевой кости (приблизительно $\frac{2}{3}$ длины кости); 6) правая подвздошная кость.

II. Разрозненность и фрагментарность остатков скелета и особенно отсутствие черепа лишают возможности точно определить возраст захороненного ребенка.

Приблизительное определение возраста погребенного ребенка можно было осуществить только путем сравнения костей его скелета с костями современных детей. В качестве сравнительного материала было взято несколько детских скелетов, хранящихся в Музее кафедры анатомии Военно-медицинской академии им. Кирова и в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

Сравнение показало, что по степени развития и по размерам кости ребенка из Луки Врублевецкой более всего сходны с соответствующими костями новорожденных детей или детей первого месяца послеутробной жизни (см. прилагаемую таблицу 1).

По данным М. Т. Тиханова¹ длина плечевой кости у исследованных им 20 скелетов новорожденных детей колеблется от 74 до 91 мм, длина лучевой кости от 50 до 63 мм (кости измерялись в свежем состоянии с хрящевыми частями). В сумме длина плечевой и лучевой (длина руки без кисти) равна 124—154 мм.

У ребенка из Луки Врублевецкой отсутствуют хрящевые концы длинных костей, которые у просмотренных в музеях скелетов в целом равны 16—18 мм для плечевой кости и 6—8 мм для лучевой кости. Следовательно, полная длина костей ребенка из захоронения (с учетом отсутствующих хрящевых частей) должна равняться: плечевая кость — 76,4—78,4 мм, лучевая кость — 57,9—59,9 мм.

¹ М. Т. Тиханов. Об энергии роста конечностей и позвоночного столба до 14-летнего возраста. Диссертация, СПб., 1894.

Таблица 1

Измерения, мм	Ребенок из Луки Врублевской		Новорожденные									
			Военно-медицинская академия						Музей антропологии и этнографии АН СССР			
	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость												
Длина диафиза	60,4	—	61,0	61,0	59,0	—	60,0	59,3	60,1	61,0	60,8	60,2
Поперечный диаметр середины диафиза	5,1	5,3	5,2	5,1	4,8	—	4,1	4,5	5,1	5,3	4,9	5,1
Передне-задний диаметр середины диафиза	5,5	5,9	5,4	5,4	4,6	—	4,4	4,6	5,1	5,3	4,6	4,8
Ширина нижнего конца диафиза	15,8?	16,0	16,4	16,7	15,1	—	16,0	16,1	16,2	16,2	15,6	15,6
Лучевая кость												
Длина диафиза	51,9	—	50,9	51,0	48,1	—	50,1	50,8	50,1	49,3	50,1	50,5
Поперечный диаметр середины диафиза	4,0	3,8	3,8	4,1	3,7	—	3,1	3,4	3,5	3,9	3,4	3,8
Передне-задний диаметр середины диафиза	3,8	3,3	3,1	4,0	2,8	—	2,9	2,6	3,2	2,5	2,9	3,1
Ширина нижнего конца диафиза	9,2	8,5?	9,7	10,0	9,1	—	8,3	8,9	10,1	9,6	9,0	9,1
Локтевая кость												
Длина кости (без хрящевых концов)	—	57,8	58,9	58,2	56,1	—	58,8	58,6	58,4	57,8	57,7	58,1
Подвздошная кость												
Наибольшая высота	31,6	—	29,3	29,1	27,9	29,6	29,4	28,8	29,7	30,1	27,1	28,1
Наибольшая ширина	34,6	—	32,6	33,1	29,8	31,7	33,8	34,2	34,5	33,0	33,1	32,9

Длина верхней конечности (без кисти) составит приблизительно 135—137 мм.

Близость полученных данных к данным М. Т. Тиханова еще раз подтверждает указанные выше определения возраста ребенка из Луки Врублевской».

Неполнота скелета и возраст погребенного не дают оснований для сколько-нибудь развернутых антропологических выводов. Но сам по себе факт захоронения в жилище чрезвычайно интересен и имеет большое значение для характеристики религиозного мировоззрения у ранних трипольцев. Несмотря на неполноту костяка, все же не остается никаких сомнений в преднамеренности захоронения. Однако не только в этом заключается значение погребения.

Первые исследователи трипольских поселений не раз отмечали находки костей человека при раскопках площадок. Об этом сообщали Хвойко, Штерн и другие исследователи. В сущности говоря, подобные находки захоронений в виде ли сохранившихся костей или же остатков трупосожжения и послужили одним из поводов для интерпретации площадок как мест, связанных с погребальным культом. Так, например, Хвойко неоднократно встречал кости человека в ряде пунктов раскопок: в Веремье, Триполье, Щербанивке, Крутобородинцах. В одних случаях это были остатки

трупосожжения, помещенные в урны (Веремье, Триполье, Щербанивка, Крутобородинцы), в других — остатки труположения (Веремье) и даже частичные захоронения в виде отдельных черепов или частей черепов (Веремье, Триполье) ¹.

Не совсем ясными остаются погребения, встреченные Хвойко в киевских землянках. Он называет их впускными. Однако расположение костяков в землянках заставляет сомневаться в правильности определения Хвойко ². Только в одном случае можно согласиться с мнением о впускном характере погребения ³.

Урны с пеплом находились при раскопках и в Петренах ⁴. Ф. К. Волков и Н. Ф. Беляшевский, ссылаясь на несовершенство методики раскопок Хвойко, решительно отрицают связь погребений с трипольскими комплексами. После того как мнение Хвойко и Штерна о погребальном назначении площадок было отвергнуто, снят и вопрос о погребениях на площадках и в землянках. Только В. А. Городцов, рассматривая нижнедунайскую культуру в Болгарии, вновь попутно обратился к погребениям, встреченным на раннеземледельческих поселениях Болгарии, и сопоставил их с захоронениями, обнаруженными в развалинах Трои, Анау и поселениях трипольской культуры ⁵.

Т. С. Пассек, подтвердившая значение глиняных площадок как жилых сооружений, отрицает одновременность площадок и найденных на них в раскопках Хвойко костей человека и возможность преднамеренности таких захоронений ⁶.

На самом же деле сейчас уже трудно отвергать факты присутствия костей человека в жилищах на ряде поселений ранних земледельцев. В Луке Врублевецкой, кроме остатков погребения в жилище № 5, разрозненные кости человека, сначала не обратившие на себя внимания, были найдены в заполнении жилища № 2 ⁷.

В позднетрипольском поселении Паволочь (Киевская обл., Попелянский р-н) при раскопках М. Л. Макаревича (1947 г.) найдены 8 костей человека, принадлежавших по крайней мере двум индивидуумам.

В отчете С. С. Гамченко о раскопках в б. Балтском уезде имеются указания на присутствие на трипольских поселениях раздробленных костей взрослых и детей ⁸. В Коломыйщинском комплексе был найден в жилище обломок черепа, который, как полагает Т. С. Пассек, «может быть был в жилище как предмет, связанный с какими-то магическими обрядами, а не

---

¹ В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Труды XI археол. съезда, т. I, 1901, стр. 779, 780, 783, 786, 794, 795. Его же. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах Летичевского уезда Подольской губ. и вблизи с. Веремье Киевского уезда и губ. Древности. Труды Моск. археол. об-ва, том 22, вып. 2. М. 1909, стр. 285, 288, 290, 293, 295.

² Хвойко. Каменный век, стр. 761—763.

³ Там же, стр. 776.

⁴ Э. Р. Штерн. Донисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII археол. съезда, т. 1, 1907, стр. 17—19, 35.

⁵ В. А. Городцов. Нижнедунайская культура в Болгарии. Новый Восток, № 14, М. 1923, стр. 311.

⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, М.—Л., 1949, стр. 231.

⁷ Во время посещения в 1946 г. с. Озаринцы Юго-Подольской экспедицией местные жители рассказали, что на участке поселения были выявлены два погребения вместе с расписной керамикой (М. Артамонов. Південноподільська експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, т. 1, Київ, 1949, стр. 260).

⁸ Отчет Археол. комиссии за 1909 и 1910 гг. Подольская губ. СПб., 1913, стр. 176—179.

результатом захоронения»¹. О находке трех фрагментов женских черепов во Фрумушице (Румыния) говорит и Матаса².

Далее нельзя не отметить известных погребений, размещавшихся в ямах-землянках, обнаруженных в ранних слоях Винчи³.

Не менее интересны сведения о погребениях в болгарских раннеземледельческих поселениях. По сообщению Р. Попова, в Коджа-Дермене так же, как и на поселении близ Саламаново⁴, в разное время находили кости детей и подростков. В пещере Големата, среди типичного раннеземледельческого комплекса, вблизи очага было найдено пять фрагментов черепов и другие человеческие кости⁵. Кости ребенка и взрослого найдены также в Подграда⁶. Другой исследователь, В. Миков, указывает на присутствие погребений вблизи жилищ на поселениях Балбунар, Мечкюр, Ямбол и Топра-Асар⁷. На поселении Русе, по данным Д. Костова, вместе с костями животных найдены кости человека⁸. Погребения в жилищах или на поселениях раннеземледельческой поры отнюдь не представляют собой явления, характерного только для юго-востока Европы. Такие захоронения довольно широко распространены среди раннеземледельческих культур южного пояса. Мы встречаемся с ними в Фессалии (Зерелиа), в древних слоях Трои, напластованиях холма Алишар, в поселениях энеолитической гасульской культуры (Палестина) и даже далеко на востоке — в Анау. Интересно, что под жилищами на Гасульских холмах обычно находили детские погребения⁹. То же самое было отмечено при раскопках в Анау в старые годы и совсем недавно в Намазгар-Тепе (Туркменская ССР). В Намазгар-Тепе в 1950 г. был раскопан многокамерный дом, построенный из сырцового кирпича, под полом и стенами которого оказалось 10 захоронений грудных детей. Хронологически время захоронения их, видимо, совпадает с этапом Анау III¹⁰. Из серии археологических фактов, относящихся к значительно более позднему времени, можно указать на детские погребения в глиняных корчагах, неоднократно встреченные под полом или фундаментом стен в Неаполе Скифском.

Появление этого древнего обряда в прямой или видоизмененной форме даже в этнографической славянской среде, кажется, можно объяснить живучестью традиции, пришедшей в юго-восточную Европу вместе с трипольскими, точнее раннеземледельческими племенами, из южных широт. Так, например, в б. Галиции, как сообщил нам А. Я. Брюсов, наблюдались случаи погребения детей в палисаднике, у дома. Факты погребения детей под полом или порогом дома или последа под полом хаты общеизвестны. Совершенно аналогичным для славянской обрядности явлением служит и пример захоронения некрещеных детей под полом жилища у современных фелла-

¹ Т. С. Пассек. Трипільська культура, Київ, 1941, стр. 79.

² С. Matasa. Frumurișca, Бухарест, 1946, стр. 25, 43.

³ М. Васић. Предисториска Винча II. Белград, 1936.

⁴ Р. Поповъ. Коджа-Дерменская могила при гр. Шумен. Известия Болгарского археологического дружества, т. VI, 1916—1918. София, 1919, стр. 151—152.

⁵ Его же. Големата и Мелката пещеры при Дреновския Монастир. Изв. Българск. Археол. инст., т. XII, София, 1939, стр. 33.

⁶ Его же. Материали за прочување на селището «Под-Града» при Мадара. Изв. Българского археологического дружества, т. III, вып. 1, София, 1912, стр. 93.

⁷ В. Миковъ. Селищната могила при с. Балбунаръ. Там же, т. IV, София, 1927, стр. 278.

⁸ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе. Годишникъ на народния музей за 1922—1923 гг. София, 1926, стр. 70.

⁹ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. ВДИ, 3—4, 1940, М., стр. 28.

¹⁰ Раскопки производились под общим руководством М. Е. Массона и начальника отряда Б. А. Литвиненко. Сведения о погребениях любезно сообщил сотрудник экспедиции В. М. Массон.

хов-христиан в Египте¹. Каковы же общественные идеи, породившие этот странный обряд? Р. Попов объясняет присутствие костей человека в жилищах каннибализмом, причем свое предположение он подкрепляет совершенно неаргументированным наблюдением о якобы следах насильственной смерти, имевшихся на костях². Позднее к мнению Р. Попова примкнул Д. Костов, тоже видевший в находках костей свидетельство антропофагии³. В. А. Городцов держится иной точки зрения. Он объясняет присутствие костей человека в жилищах в разрозненном состоянии перестройками, нарушавшими захоронения⁴. Мнение В. А. Городцова снимает домыслы Р. Попова и Д. Костова. В. Миков предложил свое истолкование для находок значительного числа скелетов людей, обнаруженных в близком соседстве с жилищами на поселении Балбунар. По его мнению, погребения в Балбунар указывают на существование культа мертвых, на единство представлений о земном и загробном существовании⁵. Действительно, в определенной части мнение В. Микова находит свое подтверждение в самой психологии родового общества, отражающей родовую связь между членом рода и сородичами, ту кровную общность, которая объединяет живущих и усопших у одного очага. Но главное звено в этих представлениях лежит все же в идее возрождения, обратимости, в конечном счете вполне созвучной с идеей плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его. Может быть, этим объясняются погребения в доме чаще всего молодых индивидов. Погребение поседа под полом хаты и посыпание его зерном, посыпание зерном покойника или места, где лежал покойник, как называемое поминальное посыпание зерном на могиле, только подчеркивают связь этих обрядов с культом плодородия⁶. В свете культа плодородия, может быть, найдут свое объяснение крайне интересные погребения людей в зерновых ямах, встреченные П. Н. Шульцем при раскопках Неаполя Скифского, а еще ранее на Варваровском поселении на Буте, напротив Николаева (IV—III в. до н. э.). Имеются сведения о заботливом захоронении человека в зерновой яме и на поселении около Инкермана (VII в. до н. э.), обнаруженных Е. В. Веймарном и его сотрудниками в 1950 г. При раскопках хозяйственных ям на поселении кизилкобинской культуры у дер. Нейзац в Крыму Г. А. Бонч-Осмоловский тоже встретил в одной из ям разрозненные кости ребенка⁷. Однако рассмотрение этого типа захоронений составляет специальную и еще не разработанную тему, которая лишь косвенно затрагивает интересующий нас вопрос.

В обряде погребений именно в жилищах с точки зрения исторической

¹ М. Э. Матъе. Коптские и египетские магические женские статуэтки. Гос. Эрмитаж, Труды Отдела Востока, т. I, II, 1939, стр. III.

² Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила, стр. 151—152. Е го же. Големата и Малката пещеры..., стр. 331.

³ Э. Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе... стр. 70.

⁴ В. А. Городцов. Нижнедунайская культура..., стр. 311.

⁵ В. Миковъ. Селищната могила при с. Балбунаръ, стр. 278.

⁶ М. К. Каргер сообщил нам ряд исключительно интересных фактов, указывающих на определенную связь погребальных обрядов с культом плодородия, бытовавших в древнеславянской среде. В Киевском некрополе в 90-х годах XIX в. в усадьбе Софийского собора строительными работами было разрушено древнее погребение с сожжением. Хвойко отмечает, что на погребальном кострище были найдены поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями. С. С. Гамченко при раскопках в б. усадьбе Трубецкого обнаружил погребение X—XI вв., причем погребенный был обильно посыпан льняным семенем около черепа, возле обеих рук, по сторонам тазовых костей и у ступней обеих ног. Обычай сыпать в могилу хлебные зерна известен и по другим древнерусским некрополям. Так, под некоторыми костями, обнаруженными А. В. Арциховским у церкви Ильи Пророка на Славне в Новгороде (захоронения датируются XV в.) были обнаружены хлебные зерна. (Извлечение из монографии М. К. Каргера. Древний Киев, глава Некрополь. Подготовлена к печати).

⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культы Крыма. Журн. «Крым», № 2, М., 1926, стр. 93.

преимственности нет ничего удивительного. Начиная с эпохи палеолита, мы постоянно встречаемся с погребениями на месте жилья (пещеры и открытые местонахождения).

В неолите в ряде памятников-поселений лесной полосы отмечается тоже присутствие погребений. М. Е. Фосс специально изучала этот вопрос, получивший в ее работе свое освещение¹. Таким образом, погребения в раннеземледельческих жилищах воскрешают очень древнюю традицию, восходящую еще к палеолитическому периоду.

Но здесь в условиях раннеземледельческого быта система представлений, связанных с погребением в жилище, была, видимо, иной, причем возможно, что погребения в жилищах имели жертвенное значение.

Во всем только что сказанном мы пытались объяснить лишь одну из сторон погребального культа у ранних земледельцев юго-востока Европы, вовсе не претендуя на разрешение всей проблемы погребального ритуала. Вместе с тем наше изложение имело и другую цель — объяснить находки костей человека в целом ряде правобережных трипольских местонахождений, оставшиеся до сих пор загадочными.

В свете приведенных материалов представляется возможным заключить, что в трипольскую эпоху существовал определенный культ, связанный с идеей плодородия, культ, выразившийся в определенной обрядности — погребения в жилищах. Кажется вероятным, что формы этого погребального ритуала или обрядности могли быть различны: в виде трупосожжения², трупоположения и даже частичного захоронения. Возможно также, что в жилищах предпочтительно хоронились умершие подростки и дети.

Конечно, изложенное, повторяем, не решает всей проблемы погребального ритуала у ранних земледельцев правобережной Украины, так же как и не исчерпывает существа древних представлений, связанных с идеями плодородия. К последним мы еще вернемся при рассмотрении скульптуры из Луки Врублевецкой, что же касается погребения в жилище № 5, то научное значение его из всего изложенного становится, как нам кажется, вполне очевидным.

---

¹ Труды ГИМ, т. VIII, М., 1938.

² В. В. Хвойко в статье «Обряд погребения с сожжением и его древность» (Киев, 1906, стр. I—II) высказал ряд интересных идей. Опираясь на раскопки трипольских местонахождений, он полагает, что обряд трупосожжения возник в юго-восточно-европейской (Прикарпатской) древнеземледельческой среде и отсюда вместе с передвижением трипольских племен распространился на Балканы и далее на юг. В этой же статье В. В. Хвойко попытался дать классификацию ритуалов, связанных с трупосожжением. В настоящее время указанная работа В. В. Хвойко устарела, но для своего времени сыграла большую роль, внося историческое содержание в проблему Триполья.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*П. И. БОРИСКОВСКИЙ***РАБОТЫ АМВРОСИЕВСКОГО ОТРЯДА В 1950 г.**

Амвросиевский отряд был организован Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР¹. Работы отряда складывались из двух разделов: 1) раскопки Амвросиевской верхнепалеолитической стоянки и 2) археологические разведки в Приазовье по течению рек Крынки и Миуса.

Раскопки Амвросиевской стоянки

Открытая в 1935 г. В. М. Евсеевым² Амвросиевская стоянка находится на территории Амвросиевского района Сталинской области Украинской ССР, в 2 км от впадающей в р. Миус речки Крынки (рис. 12).

В результате раскопок 1949 г., которыми руководили И. Г. Пидопличко и П. И. Борисковский, в Амвросиевке была раскрыта значительная часть костяка — огромного скопления костей зубров, принадлежащего примерно тысяче особей и заполняющего небольшой древний овражек. На основании изучения материалов из раскопок 1949 г. можно утверждать, что костяк носило культовый характер. Верхнепалеолитические охотники складывали здесь в одном месте все кости убитых ими зубров, веря, что таким путем они обеспечат возрождение животных и удачную охоту на них в будущем³.

В 1950 г. было намечено раскопать связанную с Амвросиевским костяком Амвросиевскую верхнепалеолитическую стоянку. Стоянка находится на плато, возвышающемся на 100 м над августовским уровнем Крынки, на мысу, образованном балкой Казенной и впадающим в нее справа оврагом. Костяк залегает у самой стрелки этого мыса, а стоянка — в 200 м к востоку от костяка (рис. 12—1, 2). В этом направлении рельеф местности слегка повышается и поверхность современной почвы на участках, где находится стоянка, примерно на 8 м превышает уровень современной почвы на участках, где расположено костяк.

В балке Казенной, на расстоянии около 300 м от стоянки и от костяка, находится источник питьевой воды, которым могли пользоваться и в древ-

¹ Отряд работал в следующем составе: П. И. Борисковский (начальник отряда) и студенты-практиканты Ленинградского университета им. А. А. Жданова.

² В. М. Евсеев. Палеолітична стоянка Амвросіївка. Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947.

³ П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

ности. С территории стоянки открывается широкий обзор окрестностей. Эти условия благоприятствовали выбору данного места для стоянки верхнепалеолитических охотников на зубров.

В 1950 г. на территории стоянки было заложено два раскопа и несколько разведочных шурфов, общей площадью около 100 м². Площадь же стоянки, как показали шурфы, равняется примерно 600 м². Стоянка тянется на 40 м

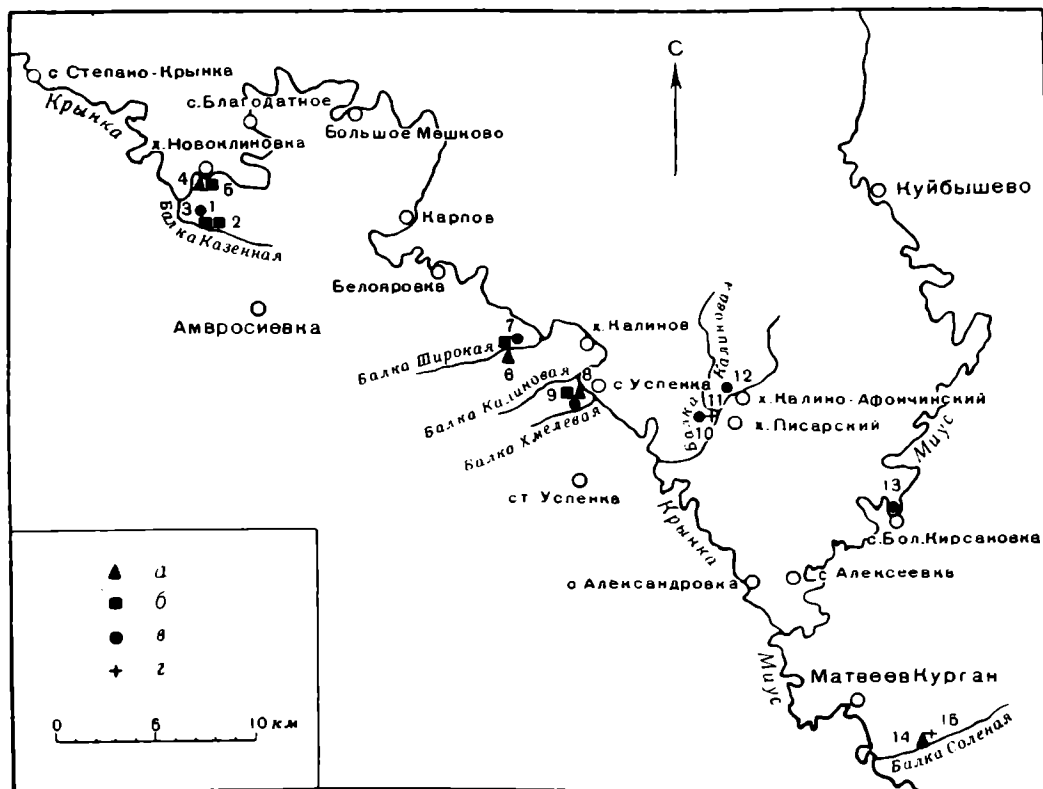

Рис. 12. Размещение археологических памятников по берегам рек Крынки и Миуса (по материалам работ амвросиевского отряда в 1950 г.)

1 — Амвросиевское костыше; 2 — Амвросиевская стоянка; 3 — мезолитическое местонахождение Новоклиновка III; 4 — находка мустьерских кремней Новоклиновка II; 5 — верхнепалеолитическая кремневая мастерская Новоклиновка II; 6 — находка мустьерских кремней у Белояровки; 7 — верхнепалеолитическая и неолитическая кремневая мастерская у Белояровки; 8 — находка мустьерских кремней у Успенки; 9 — верхнепалеолитическая неолитическая кремневая мастерская Успенка — Белая гора; 10 — неолитическая кремневая мастерская Успенка — Кремнинная гора; 11 — стоянка II тысячелетия до н. в. у хут. Писарский; 12 — неолитическая кремневая мастерская у хут. Калино-Афончинский; 13 — неолитическая кремневая мастерская у Большой Кирсановки; 14 — находка мустьерских кремней у Матвеева Кургана; 15 — вольты Матвеева Кургана. а — мустьерская эпоха; б — верхний палеолит; в — мезолит и неолит; г — находки других эпох

в направлении с востока на запад, вдоль берега впадающего в Казенную балку овражка. В направлении с севера на юг культурные остатки встречаются на протяжении 10—15 м.

Обработанные кремни, подобные найденным в культурном слое стоянки, в значительном количестве попадают на поверхности слегка понижающегося к стрелке мыса. Площадь распространения кремневых орудий — около 20 000 м². В черноземе над культурным слоем в раскопках также обнаружено значительное количество палеолитических кремней тех же типов и той же степени патинизации, что и в культурном слое, что может быть объяснено по преимуществу деятельностью землероющих животных. В отличие от находок кремней в черноземе, приуроченных только к территории стоянки, кремни, встречающиеся на поверхности, распространены далеко за пределами стоянки, в западном направлении, в сторону понижения мыса, что связано с размыванием, которому подверглась стоянка вскоре после оставления ее людьми и главным образом в недавнее время.

Палеолитический культурный слой стоянки, содержащий большое количество находок — обработанных кремней, осколков костей, кусочков охры, — выражен плохо. В стенке раскопа он не отличается по окраске от вышележащих и подстилающих отложений; не имеет определенной плоскости, «пола» — древней поверхности, ниже которой находки прекращаются. Редкие палеолитические кремни встречаются в темнопалевом суглинке вплоть до глубины 1 м от поверхности. Количество их по мере углубления постепенно убывает, пока они не исчезают вовсе.

Больше всего обработанных кремней залегает на глубине 0,35—0,55 м от поверхности — в самой нижней части чернозема и верхней части подстилающего его суглинка. Здесь вместе с кремнями впервые встречены многочисленные осколки костей зубра, а также кусочки красной и желтой охры. Этот горизонт залегания находок и может считаться культурным слоем в собственном смысле слова; характер его обусловлен, по нашему мнению, главным образом топографией стоянки, расположенной на плато, на водоразделе крупных оврагов. Накопление отложений на ее территории шло крайне медленно; сильнее действовали процессы размыва.

О том, что сделанные на территории стоянки находки не переотложены, свидетельствует залегание в культурном слое на всех глубинах, наряду с массивными нуклеусами и нуклеидными орудиями, множества мельчайших чешуек кремня, осколков костей, миниатюрных бусинок и кусочков охры, нескольких интенсивных скоплений кремней и осколков костей, обнаруженных в раскопе, а также довольно строгая локализация культурного слоя. В отличие от подъемного материала, распространенного весьма широко, палеолитические находки в суглинке прекращаются за пределами площади в 600 м². Наконец, показательное полное отсутствие находок восточнее территории стоянки, в том направлении, откуда могли бы быть смыты культурные остатки.

Но если палеолитический культурный слой Амвросиевки не был переотложен, то все же размыву и разрушению он подвергался, с чем и связана нечеткость его границ.

Культурный слой Амвросиевской стоянки имел в общем однородный характер на всем протяжении обоих раскопов. При раскопках особенно часто встречались обработанные кремни по несколько сот на каждый квадратный метр, причем преобладали мелкие чешуйки, получившиеся в результате вторичной обработки. Были представлены в каждом квадрате также нуклеусы и орудия. Целые определяемые кости почти вовсе отсутствовали, найденные были сосредоточены главным образом в двух местах: на юго-восточно-восточной и северо-западно-западной периферии стоянки. Всего в результате раскопок 1950 г. извлечено не больше двух десятков целых костей, принадлежащих, по определению В. И. Бибиковой, исключительно зубру (*Bison priscus deminutus* Gromova). Этим стоянка разительно отличается от костяка, сплошь состоящего из целых костей. В значительном количестве в культурном слое стоянки найдены небольшие осколки трубчатых костей зубра, обычно носящие следы древних сколов и срезов. Осколки встречались на всех участках культурного слоя в среднем по 20—30 экземпляров на один квадратный метр. На нескольких участках в обоих раскопах были расчищены и зафиксированы более насыщенные скопления кремней и осколков костей, имевшие 0,5 м — 1 м в поперечнике и толщиной до 0,15 м. Они имели неправильные очертания и не были связаны с какими-либо конструктивными деталями.

На вскрытой площади стоянки не было обнаружено остатков очагов, но встречены многочисленные находки пережженных потрескавшихся кремней и обломков пережженных косточек. Можно предполагать, что остатки горевших на открытом воздухе, ничем сверху не прикрытых, не связанных со

специальными углублениями костров были легко разрушены и смещены, после того как стоянка была покинута ее обитателями.

Найденный в культурном слое стоянки кремневый инвентарь, сильно отличаясь от кремневого инвентаря, происходящего из костяща, в то же время ничем не отличается от подъемного материала (отличие заключается только в том, что подъемный материал слегка окатан).

Материалом для изготовления орудий служил темносерый прозрачный мелкозернистый желвачный меловой кремнь. Богатое месторождение кремневых желваков в толще мела находится в двух километрах к западу от стоянки. Вероятно, отсюда кремнь и добывался обитателями поселения. В небольшом количестве встречается желтый прозрачный кремнь, вероятно, происходящий из древних галечников. Большая часть кремней из культурного слоя и собранных на поверхности, покрыта белой или голубой патиной.

Состав кремней, происходящих из культурного слоя, свидетельствует о том, что Амвросиевская стоянка не была местом первичного раскалывания кремня. Здесь почти отсутствуют крупные, покрытые коркой желваки, очень редки и крупные отщепы, покрытые сплошной коркой на спинке. Помимо законченных орудий в стоянке преобладают сработанные нуклеусы небольших размеров (в среднем 5—6 см длины) довольно правильных очертаний. Нередко эти нуклеусы при помощи легкой подправки превращались затем в нуклевидные скобели и резцы. Еще в большем количестве представлены миниатюрные чешуйки и пластинки, имеющие до 2 см в поперечнике и получившиеся главным образом в результате ретуширования и обивки орудий. Состав кремня позволяет предполагать, что на стоянку приносились подготовленные где-то в ином месте заготовки в виде пластин, при помощи вторичной обработки превращавшиеся в резцы, скребки и другие орудия. Приносились сюда и уже сформованные нуклеусы, от которых затем отделялись пластинки. Таким образом, стоянка являлась местом вторичной обработки кремня, производившейся в широких размерах, о чем свидетельствует обилие чешуек, краевых отщепов резцов и неотретушированных пластин, находимых в культурном слое.

Среди кремневых орудий Амвросиевки преобладают резцы (несколько сот экземпляров). Большинство их изготовлено на отщепках неправильных очертаний и на нуклевидных кусках кремня. Боковые резцы, изготовленные на небольших удлиненных пластинках, столь характерные для среднемадленских и позднемадленских стоянок (Тимоновка, Гонцы, Боршево II), здесь встречаются в виде исключения. Преобладают срединные и нуклевидные формы с образованным двумя или несколькими резцовыми сколами лезвием, часто расположенным несимметрично, скошенным в ту или другую сторону. Нередко эти орудия изготовлялись при помощи нескольких сколов на сработанных нуклеусах.

В значительном количестве встречены резцы на углу сломанной пластины, а также атипичные, плохо выраженные с одним резцовым сколом. Много типичных краевых отщепов резцов.

Обилие в Амвросиевке орудий обработки кости — резцов следует сопоставить с обилием в культурном слое осколков и кусков кости, получившихся в результате обработки последней.

Большим количеством экземпляров представлены в Амвросиевке и нуклевидные орудия. Сюда относятся нуклевидные резцы и скобели. Последние представляют собой сработанные нуклеусы довольно правильной призматической или конусовидной формы, со следами скалывания ряда узких, тонких пластинок с параллельным ограничением. Полукруглый край площадки такого нуклеуса подправлен со стороны пластинчатых сколов мелкой ретушью; при ее помощи образовано массивное полукруглое скобящее лезвие скобеля. Функционально амвросиевские нуклевидные скобели,

вероятно, были близки к резцам, но предназначались и для более грубой работы, может быть, для нанесения ударов.

Скребок в Амвросиевке значительно меньше, чем резцов. Они разнообразны. Среди них много атипичных.

Наконец, последнюю группу кремневых орудий образуют миниатюрные

острия с затупленным краем, в точности напоминающие экземпляры, найденные в костище и, вероятно, служившие вкладышами в наконечники охотничьего оружия. Их длина 2—4 см, ширина 0,3—0,5 см. Мелкой, крутой затупливающей ретушью у них обработан длинный прямой край, а противоположный, слегка изогнутый, обработан так лишь у самого острия. В то время как в костище почти все острия найдены целыми, в культурном слое стоянки обнаружены только обломки разных частей этих орудий.

Костяной инвентарь Амвросиевской стоянки представлен двумя небольшими обломками острий веретенообразных наконечников (рис. 13—2, 3). Таких же наконечников найдено свыше двух десятков в костище. Находка их обломков в стоянке является новым аргументом в пользу одновременности стоянки и костища. И опять-таки здесь имеет место то же, что и с кремневыми вкладышами. В костище большая часть костяных наконечников сохранилась целиком (рис. 13—1), в то время как в культурном слое стоянки найдены только обломки костяных наконечников.

Вероятно, амвросиевские костяные наконечники и кремневые вкладыши изготовлялись на территории стоянки. Об этом свидетельствует обилие в культурном слое стоянки мелких кремневых чешуек и небольших осколков трубчатых костей зубров со следами древних сколов и срезов. На месте производства орудий могли сохраниться куски наконечников и вкладышей, сломанных в процессе изготовления, в то время как целые орудия использовались в другом месте.

К предметам украшения относятся довольно массивная плоская округлая каменная подвеска (рис. 13—5) и найденные на разных участках куль-

турного слоя четыре миниатюрные бусины, плоские, круглые, с отверстием в центре (рис. 13—4). Их поперечник 0,7—0,8 см. Они изготовлены из ископаемых члеников морских лилий (*Crinoidea*)

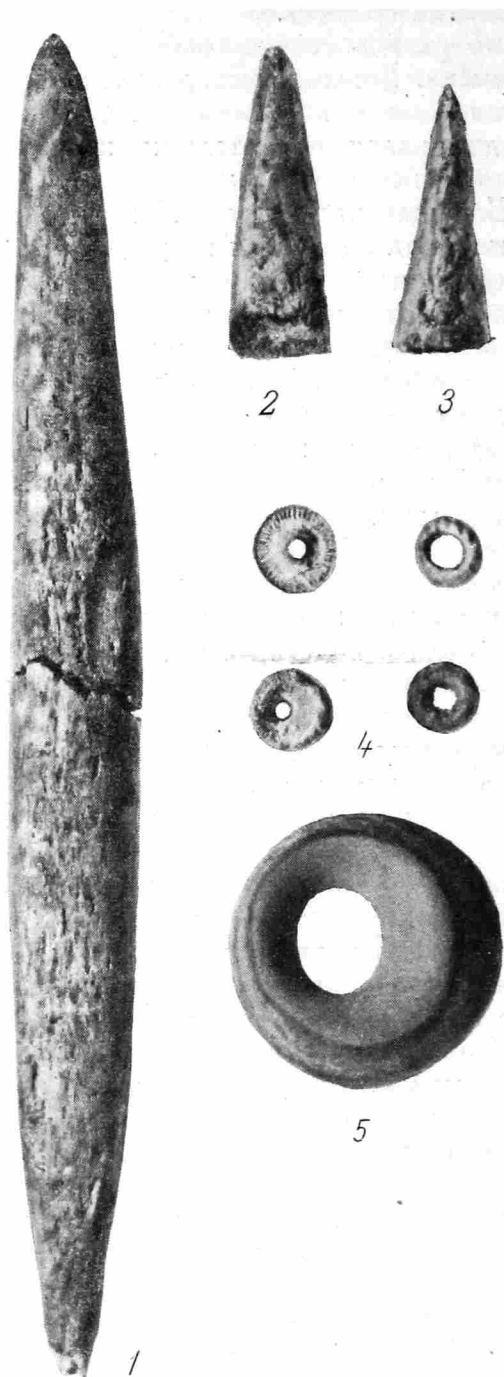

Рис. 13. Амвросиевские костяные наконечники и бусы

1 — наконечник из костища; 2—3 — обломки наконечников из стоянки; 4 — бусы (нат. вел); 5 — каменная подвеска

Рассмотрев материалы из раскопок, мы можем перейти к некоторым общим выводам, касающимся Амвросиевской стоянки.

Нет никаких оснований предполагать наличие на стоянке постоянных долговременных жилищ. Находки вскрывают по преимуществу производственный характер Амвросиевского охотничьего стоябища.

Возраст Амвросиевской стоянки — раннемадленский, тот же, что и обширной группы верхнепалеолитических поселений (Кирилловская, Студеница, Костенки III), кремневый инвентарь которых весьма близко напоминает Амвросиевку.

Каково соотношение Амвросиевских стоянки и костыща? Связывает ли их что-либо, кроме близости расположения?

Материалы раскопок 1950 г. подтвердили предположение об одновременности и теснейшей связи стоянки и костыща, которое представляло собой культовое место обитателей стоянки.

Как мы полагаем, значительные отличия между стоянкой и костыщем, обнаруживаемые в составе инвентаря и в условиях его залегания, объясняются не различным возрастом, а разным происхождением и смыслом этих двух памятников. Важно, в частности, то, что в стоянке отсутствовали «кухонные остатки», а были представлены почти исключительно осколки, связанные с обработкой кости. Вероятно, кухонные остатки специально складывались в костыще, в котором почти вовсе отсутствуют кости со следами древних сколов и срезов.

Об одновременности костыща и стоянки свидетельствуют близкое расположение обоих памятников, присутствие в них исключительно костей зубра, находки и в костыще и в стоянке своеобразных миниатюрных кремневых вкладышей-острий с затупленным краем, а также одинаковых костяных наконечников охотничьего оружия.

Таким образом, перед нами целый верхнепалеолитический комплекс, особенно интересный своей уникальностью. Кроме того, это единственный известный и изученный в настоящее время верхнепалеолитический памятник в Приазовье.

Археологические разведки в Приазовье

Археологическими разведками Амвросиевского отряда в 1950 г. были охвачены оба берега р. Крынки и часть течения р. Миус по маршруту Иловайская — Матвеев Курган.

В результате разведок в этом районе было открыто около 15 разновременных памятников каменного века.

Прежде всего следует упомянуть известное местонахождение эолитов у Матвеева Кургана (рис. 12—15), на левом берегу р. Миус, исследовавшееся около 15 лет тому назад В. И. Громовым, В. А. Хохловкиной и С. Н. Замятниным. Осмотр этого местонахождения и сбор здесь кремней показали, что мы имеем дело с типичными псевдоорудиями, эолитами в собственном смысле слова, которые нет никаких оснований связывать с деятельностью древнейшего человека.

Но здесь же, наряду с псевдоорудиями, нами было собрано несколько кремней, сильно отличающихся от эолитов по характеру поверхности и по следам обработки. Они покрыты густой белой патиной, слегка окатаны и принадлежат к типичным мустьерским формам. Это — небольшое овальное орудие, обработанное двусторонними стесами, и несколько хорошо выраженных отщепов мустьерского облика.

Таким образом, у Матвеева Кургана можно констатировать небольшое мустьерское местонахождение (рис. 12—14).

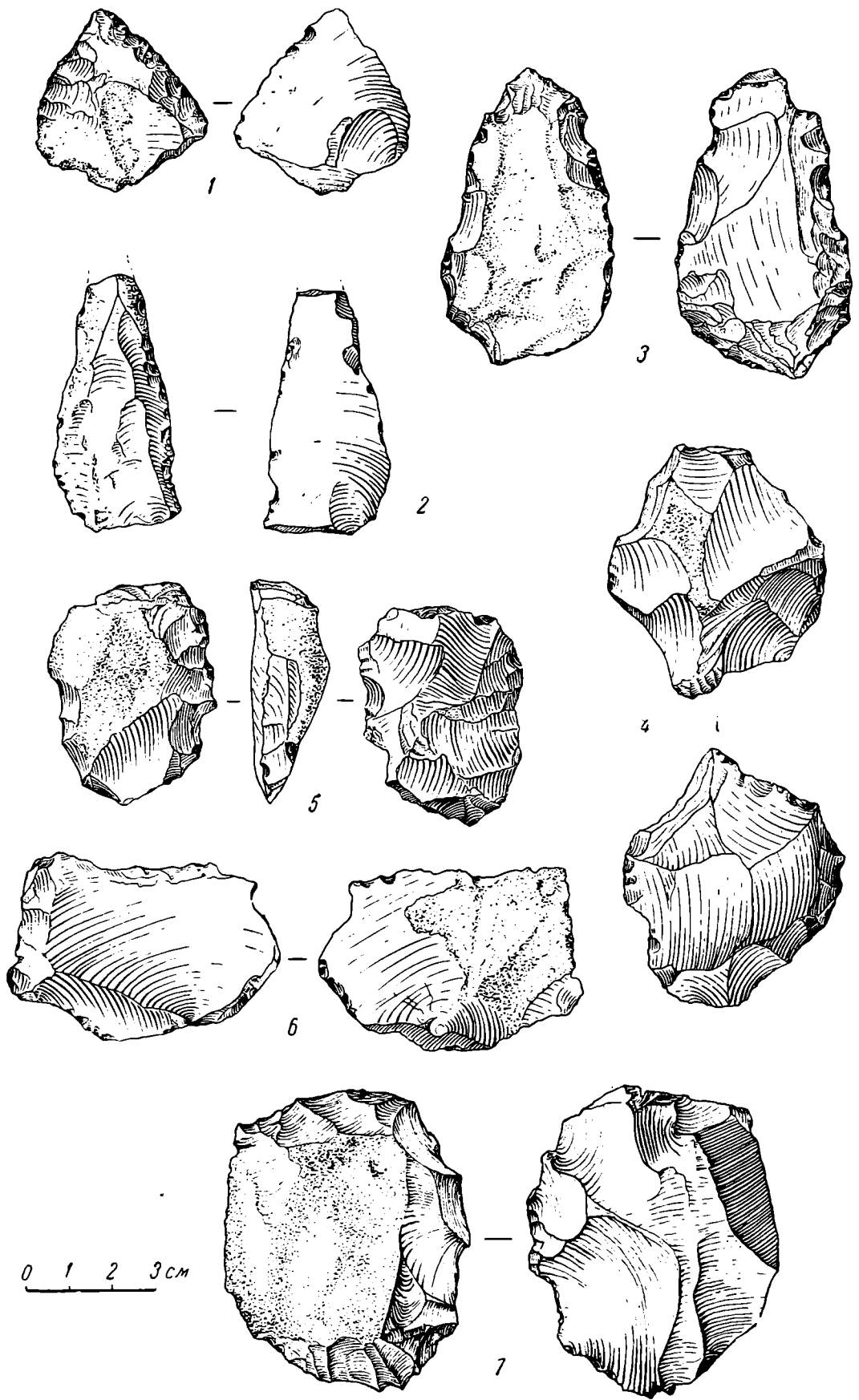

Рис. 14. Орудия из мустьерских местонахождений берегов рр. Крынки и Миуса
 1, 2 — остроконечники; 3 — остроконечник с двусторонней обработкой; 4 — дисковидный нуклеус;
 5 — двустороннеобработанное орудие; 6 — скребловидное орудие; 7 — дисковидный нуклеус. 1, 2, 3,
 6 — Новоклиновка II; 4 — Белоорровка; 5 — Матвеев Курган; 7 — Успенка

Три других подобных мустьерских местонахождения были открыты несколько северо-западнее, по правому берегу р. Крынки, в окрестностях сел Успенки, Белояровки и Новоклиновки (рис. 12—4, 6, 8). Здесь было собрано небольшое количество типичных мустьерских дисковидных нуклеусов, отщепов, остроконечников и скребел (рис. 14). Все мустьерские кремни покрыты густой белой патиной и сильно отличаются от обнаруженных по соседству верхнепалеолитических и неолитических кремней как своими формами, так и характером поверхности.

Открытые в 1950 г. четыре мустьерских местонахождения в Приазовье представляют несомненный интерес для проблемы первого заселения людьми этих территорий. До 1950 г. древний палеолит Приазовья был представлен только находкой Бессергеновского отщепа.

Работами Амвросиевского отряда по течению рек Крынки и Миуса была обнаружена также целая группа кремневых мастерских. Впадающие в р. Крынку овраги прорезают в ряде мест меловые отложения, с которыми связаны богатые месторождения хорошего мелового желвачного и плиточного кремня. Кремневые мастерские располагаются непосредственно у таких месторождений или в более или менее близком соседстве с ними. Это мастерские особого типа — места первичного раскалывания кремня и получения кремневых заготовок. С мастерскими связаны многочисленные находки кремневых желваков, отщепов, пластин, нуклеусов, редкие находки отбойников. Законченные орудия, равно как и «полуфабрикаты» — орудия, начатые обработкой, но не законченные, здесь отсутствуют.

Другой особенностью кремневых мастерских, открытых на берегах Крынки, является длительное существование многих из них, о чем свидетельствуют находки нуклеусов и пластин, как верхнепалеолитического, так и неолитического облика. Видимо, в течение многих тысячелетий берега Крынки систематически посещались людьми разных племен, приходившими сюда, может быть, и издалека специально для добывания кремня. Кремень раскалывался близ его месторождения, а затем полученные заготовки уносились людьми на стойбища.

Из кремневых мастерских на берегах Крынки наибольший интерес представляет мастерская Новоклиновка II (рис. 12—5), датированная нами предположительно временем верхнего палеолита и во всяком случае эпохой не более поздней, чем мезолит. Единственная из всех, она дала не только подъемный материал, но и находки, происходящие из слоя, добытые в результате раскопок.

Другие кремневые мастерские, обнаруженные по берегам рек Крынки и Миуса в 1950 г., в отличие от Новоклиновки II дали только подъемный материал. Условия залегания подъемного материала — на каменистых возвышенностях, покрытых тонким слоем дерна, — исключали возможность и целесообразность шурфовки. Эти кремневые мастерские отличаются от Новоклиновки II также продолжительностью их существования. Собрачный здесь подъемный кремневый материал разновременен.

Всего, кроме Новоклиновки II, по Крынке и Миусу обнаружено и обследовано пять кремневых мастерских. Они располагаются в следующих местах: 1) у с. Белояровки в Широкой балке (верхний палеолит и частично неолит); 2) у с. Успенка на Белой горе (верхний палеолит и частично неолит); 3) у с. Успенка на Креминной горе (в основном неолит); 4) у хут. Калино-Афончинский на Кремневой горе (неолит); 5) у с. Большая Кирсановка на Белой горе (в основном неолит). Первые три кремневые мастерские, как и мастерская Новоклиновка II, располагаются на территории Амвросиевского района Сталинской области УССР, последние две — на территории Матвеев-Курганского района Ростовской области РСФСР (рис. 12—7, 9, 10, 12, 13).

Кремневые мастерские берегов Крынки и Миуса образуют хорошо выраженную группу, объединенную многими общими чертами. Настоятельно необходимы поиски поселений каменного века, обитатели которых приходили сюда за кремнем для своих орудий. Пока можно лишь предположительно связать Амвросиевское поселение с кремневой мастерской Новоклиновка II.

Из других археологических памятников, обнаруженных работами Амвросиевского отряда, назовем раннеолитическое, макролитическое местонахождение Новоклиновка III (рис. 12—3), расположенное недалеко от Амвросиевской стоянки, и стоянку конца II тысячелетия до н. э. в окрестностях с. Успенки.

К. В. ПАВЛОВА

РАСКОПКИ КРЕМНЕВОЙ МАСТЕРСКОЙ
У ХУТ. НОВОКЛИНОВКИ В ПРИАЗОВЬЕ

Одним из разделов работ Амвросиевского отряда в 1950 г. были разведочные раскопки местонахождения Новоклиновка II, обнаруженного в 1949 г. П. И. Борисковским в Амвросиевском районе Сталинской области УССР.

Местонахождение расположено по правому берегу р. Крынки, на небольшой надпойменной террасе в 15—17 м над уровнем реки против западной окраины хутора Новоклиновка, примерно в 3 км к северу от Амвросиевской палеолитической стоянки, но много ниже ее.

Местонахождение представляет собой площадку размером около 5000 м², на которой рассеяны желваки и естественные осколки кремня. Среди них масса кремней, расколотых рукой человека: нуклеусы, отщепы, пластины и обломки желваков. В 2,5 км к юго-западу от места раскопок — залежи мела, разрабатываемые в настоящее время. В мелу в большом количестве попадаются желваки темносерого кремня, залегающие иногда целыми прослоями.

Чтобы выяснить характер залегания кремня, а также для установления границ распространения культурного слоя, было заложено пять шурфов. Все пять дали аналогичный материал и сходную стратиграфию.

Наиболее выразительный материал дал шурф № 1, площадью в 6 м², заложный в 300 м от правого берега р. Крынки.

В шурфе обнаружена масса желваков и более 2700 кремней, расколотых рукой человека. Из них 2100 штук встречено в южной части шурфа. Причем 60—70% всех кремней залегало на глубине 30—70 см от поверхности — в нижнем слое чернозема и верхнем слое подстилающей его супеси. Ниже число находок резко уменьшилось, а на глубине 120—150 см, что соответствует глубине шурфа, находки прекратились. Видимо, южной частью шурфа захвачено центральное место площадки, где происходила первичная обработка кремня. Площадка занимала, как показали другие шурфы, около 3000 м² и располагалась на небольшом мыске, образованном р. Крынкой и впадавшим в нее маленьким овражком.

Наибольшее количество находок на определенной глубине — в слое супеси — говорит за то, что кремни залегают *in situ*. Находки кремня на поверхности и в пахотном слое объясняются деятельностью землероющих животных и выпашиванием.

Кремень на поверхности и в шурфах неокатанный меловой, темносерый, сохраняет корку, покрыт белой и голубой патиной и известковым натеком. Желваки такого точно кремня находятся и в меловых залежах, возможно служивших источником сырья для мастерской, так как других естественных месторождений кремня в ближайших окрестностях не обнаружено.

Среди кремня, извлеченного из шурфов,— целые и расколотые желваки, нуклеусы, отщепы, пластины.

Преобладающее место занимают отщепы и желваки. Нуклеусов и пластин гораздо меньше.

Орудий, заготовок или орудий для раскалывания кремня не найдено, за исключением двух-трех сомнительных отбойников.

Весь материал интересен прежде всего тем, что дает картину последовательности раскалывания кремня. В той же примерно последовательности мы попытаемся дать и описание отдельных групп.

Желваки составляют примерно 15% всего количества собранного кремня. Они разной величины и неправильной формы. Размеры их от 5 до 12 см в поперечнике. Желваки сплошь покрыты известковой коркой и на первый взгляд кажутся не имеющими отношения к деятельности человека. Их можно отнести к культурному слою лишь в совокупности с общей массой обработанных кремней. Другие желваки (рис. 15—1), несут на себе следы одного-двух сколов, как бы подготовки ударной площадки для дальнейшего формирования нуклеуса и удаления корки. Иногда эти сколы нанесены последовательно один поверх другого, часто с двух противоположных концов желвака, в некоторых случаях под прямым углом по отношению друг к другу.

Большую группу составляют желваки лишь с остатками корки или с полностью снятой коркой. Часто на таких желваках трудно уловить какую-либо систему в нанесении сколов. Видимо, «мастеру» важно было очистить желвак от корки, чтобы потом превратить его в нуклеус. Не исключена возможность, что большая часть желваков является отбросами производства — материалом, по той или иной причине забракованным «мастером», непригодным для выделки орудий.

Нуклеусов найдено немного, всего 2—3% от общего количества кремня. Большую часть из них составляют нуклеусы незаконченные, несовершенной формы, представляющие собой желваки кремня, частично или полностью очищенные от корки, на которых ясно видны следы нескольких последовательно и по определенной системе нанесенных сколов. Ударная площадка обычно подготовлена одним сколом. Чаще она ровная и горизонтальная.

Другая группа — хорошо оформленные призматические нуклеусы (рис. 15—2, 3, 4). Они имеют ровную, слегка скошенную ударную площадку. Очень слабые следы подретушовки имеются лишь на 2—3 экземплярах. Несколько экземпляров нуклеусов имеют коническую форму, такие нуклеусы часто встречаются на Амвросиевской стоянке. Отсутствие подретушовки по краю ударной площадки объясняется все той же первичностью раскалывания кремня, лишь предварительной подготовкой нуклеуса.

Ту же картину последовательности раскалывания кремня дают новоклиновские отщепы, составляющие более 60% всего собранного кремня (рис. 15—5—8). Они неправильной или подтреугольной формы, от 2—3 до 6—8 см в поперечнике, покрыты голубой или голубовато-белой патиной и часто значительным известковым натеком. По характеру поверхности их можно разделить на две группы: 1) отщепы, сколотые с естественной поверхности желвака, сохраняющие желвачную корку; 2) отщепы, сколотые с желвака, у которого предварительно была снята корка. И те и другие покрыты патиной, не окатаны, с острыми краями, имеют очень большую ровную ударную площадку, расположенную под тупым углом к плоскости

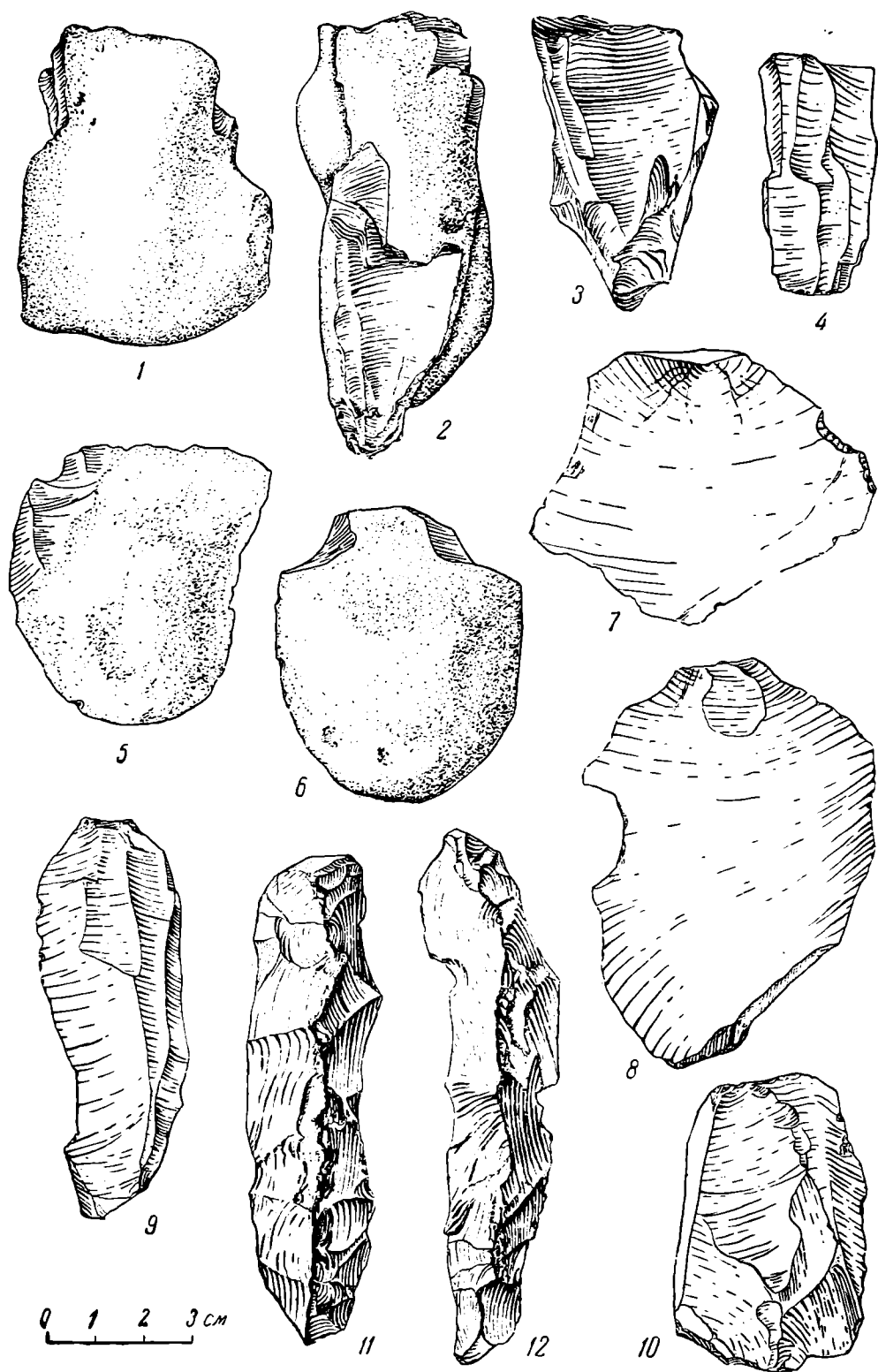

Рис. 15. Кремни из мастерской Новоклиновка II

1 — желвак, начатый оббивкой; 2, 3, 4 — призматические нуклеусы; 5—8 — отщепы; 9, 10 — пластины; 11, 12 — реберчатые пластины

брюшка, и массивный ударный бугорок, занимающий почти половину поверхности брюшка, т. е. несут на себе признаки, которые принято называть признаками древнепалеолитической техники.

Пластин на местонахождении гораздо меньше, чем отщепов,— около 17%. Среди них:

1. Реберчатые пластины (рис. 15—11, 12). Их насчитывается несколько десятков, примерно 5% общего количества кремня. Они двускатные, со следами поперечных сколов на боковых гранях. На ребре следы ретуши или забитость, получающаяся при формировании нуклеуса. Длина пластин от 4—5 до 10 см при ширине 2—3 см.

2. Массивные удлиненные пластины с параллельными краями, составляющие до 12% всего материала. Отдельные экземпляры достигают 11 см длины. На спинке они несут следы двух-трех сколов. Многие экземпляры сломаны в древности. Следов ретуши или забитости, получающейся при употреблении пластин в качестве орудий, на них нет.

3. Тонких ножевидных пластинок около двух десятков. Видимо, большая часть таких пластинок была унесена из мастерской для изготовления из них орудий в другом месте. Совершенно отсутствуют мелкие чешуйки, получающиеся при ретушировании, в процессе окончательной отделки орудий.

Сколов «оживления» нуклеусов всего несколько штук. Это вполне отвечает характеру мастерской, как места первичного раскалывания кремня.

Вызывает недоумение ограниченное количество обнаруженных отбойников. Их найдено всего 2—3 экземпляра. Это куски кремня, имеющие на отдельных участках поверхности звездчатую забитость — группы маленьких выщербинок от многочисленных ударов. Казалось бы, что на месте, где производилось массовое раскалывание кремня, число орудий раскалывания должно быть более значительным.

Кремневый материал из всех шурфов Новоклиновки II дает типичную картину места первичной обработки, а однородность материалов — представление о мастерской в целом. Это мастерская, где желваки кремня отбирались, очищались от корки, превращались в нуклеусы. Нуклеусы и пластины, пригодные для изготовления орудий, уносились на стоянки.

Находки из Новоклиновской кремневой мастерской представляют большой интерес для изучения первобытной кремневой техники и ее особенностей, так как перед нами точно документированный памятник с выразительным кремневым комплексом, залегающим *in situ*.

Возраст Новоклиновского местонахождения на первый взгляд кажется неясным. Мы имеем коллекцию расколотых человеком кремней довольно архаического облика, не окатанных, залегающих *in situ* преимущественно в верхнем слое супеси. Орудий и остатков фауны, могущих быть основанием для датировки памятника, нет. Архаичность форм заготовок не может служить доказательством древности, а скорее объясняется характером мастерской, как места самой предварительной обработки.

Датирующим моментом может служить наличие призматических нуклеусов с характерными для верхнего палеолита скошенными ударными площадками, одной или двумя взаимно наклонными или расположенными под прямым углом одна к другой и со следами скалывания правильных удлиненных пластин.

Нуклеусы Новоклиновской мастерской аналогичны найденным на Амвросиевской стоянке, датируемой верхним палеолитом, а также нуклеусам из мастерских Тимоновской палеолитической стоянки. Нельзя не указать на находку в Новоклиновской мастерской нуклеуса (длиною 4 см) со следами скалывания миниатюрных пластинок. Подобные пластины обнаружены в Амвросиевской стоянке и в костище; это говорит в пользу одновременности ее с мастерской.

Встреченные в Новоклиновке реберчатые пластины тоже характерны для верхнепалеолитической техники. Много аналогичных реберчатых пластин найдено на Амвросиевской, Тимоновской стоянках и других верхнепалеолитических памятниках.

Таким образом, Новоклиновская мастерская может быть датирована верхним палеолитом.

Единственной аналогией Новоклиновке II является местонахождение Миньевский Яр, близ бывшего Святогорского монастыря, на правом берегу Дона у хутора Банковского, открытое в 1924 г. П. П. Ефименко, где было найдено «значительное скопление кремня, состоявшее из грубых крупных пластин и отщепов, которые залегали гнездами на глубине свыше двух метров, под черноземом, в слое желтоватого суглинка. Здесь не было встречено ни скопления костей животных, ни следов кострищ». П. П. Ефименко называет это местонахождение «типичной мастерской для первичной обработки сырого материала» и датирует его поздним палеолитом¹.

Ограниченное число известных в настоящее время мест первичного раскалывания камня можно было бы объяснить не только их малой исследованностью, а и тем, что первобытные охотники брали сырье для своих нужд в разных местах. Археологами же зафиксированы лишь места, которые служили источником сырья длительное время или посещались людьми периодически.

---

¹ П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях Изюма. Старовинности Изюмщины, в. III, стр. 6—7.

А. П. ЧЕРНЫШ

МУСТЬЕРСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

Среднее Поднестровье является одним из самых насыщенных палеолитическими памятниками районов СССР. В настоящее время в пределах Черновицкой, Каменец-Подольской и Винницкой областей УССР известно более 100 палеолитических стоянок и местонахождений, среди которых преобладают верхнепалеолитические, но известны памятники и мустьерского времени (рис. 16).

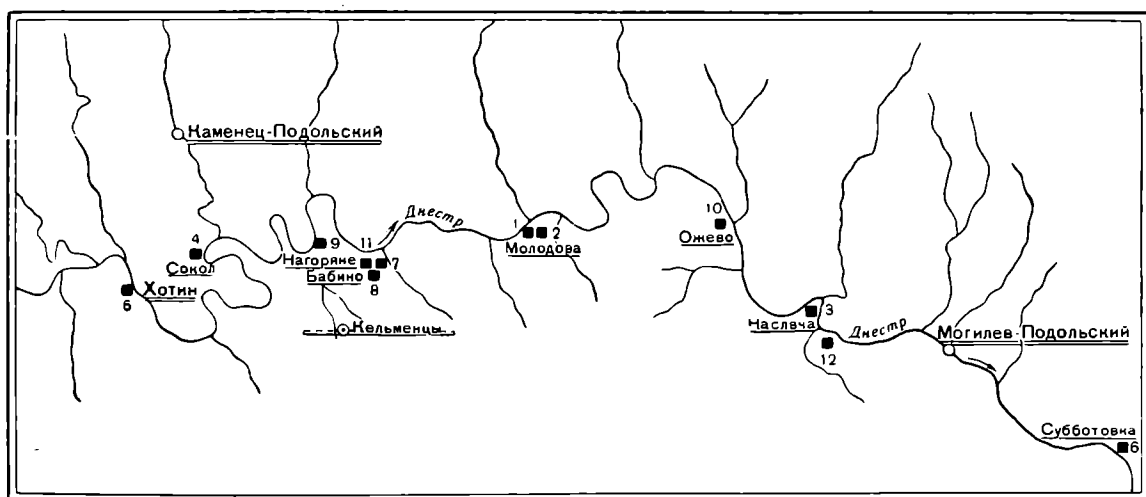

Рис. 16. Схематическая карта мустьерских местонахождений Среднего Поднестровья

1 — Молодова «Байлова Рипа»; 2 — Молодова III; 3 — Наславча; 4 — Сокол; 5 — Хотин; 6 — Субботовка; 7 — Бабин III Магавня; 8 — Бабин VIII Виноградник; 9 — Нагоряне; 10 — Ожево; 11 — Бабин I; 12 — Наславча 1-я терраса

Первые находки материалов, относящихся к мустьерскому времени на Среднем Поднестровье, были обнаружены в 1928 г. румынскими геологами И. Ботецем и Н. Морошаном на правом берегу Днестра в устье оврага Байлова Рипа в центре дер. Молодова Кельменецкого р-на Черновицкой обл. УССР. Здесь на глубине 8,5 м, в песках, покрывающих гравий 10—12 м террасы Днестра, обнаружены остатки костей мамонта (череп и части скелета), около 200 экземпляров кремневых находок, несколько округлых кусков песчаника. Выше песка, в котором находились культурные остатки, была прослежена прослойка галечника, а еще выше — лёссовидный суглинок.

Иногда галечник прослеживался и в слое среди находок. Кремневый инвентарь, который находился преимущественно вблизи костей мамонта, состоял из крупных отщепов с массивными ударными бугорками, грубых массивных пластин, остроконечника, нескольких скребел, двух небольших дисков, двух отбойников и двух удлинённых нуклеусов. Для изготовления орудий употреблялся чёрный просвечивающий или прозрачный кремнь, находки были покрыты патиной чёрной, синеватой или коричневой, иногда они имели блестящую поверхность. Местонахождение названные исследователи датировали позднемустье́рским временем, считая, что оно было обнаружено *in situ*¹.

В 1931 г., продолжая работы на этом пункте, И. Ботец открыл в 4 м выше от места старых находок остатки скелета второго мамонта и мустье́рские кремни. Эти материалы залегали в верхней части песка, в зоне стыка с галечником. Исследователем отмечено, что часть кремней находилась выше уровня горизонта песка и смешивалась с галечником².

Вторым местонахождением мустье́рского времени, открытым на Среднем Поднестровье, является пункт Молодова III. В 1928 г. Н. Морошан обнаружил в стенке оврага, находящегося за церковью деревни Молодова, примерно в 200 м от первого местонахождения, скребло, отбойник из кремнистого песчаника, остатки костей мамонта и благородного оленя. Находки были обнаружены в лёссе³.

Третье мустье́рское местонахождение открыто Н. Морошаном в те же годы у дер. Наславча, Аткакского р-на Молдавской республики. Здесь в овраге, на высоте около 60—80 м над уровнем Днестра, обнаружено несколько палеолитических находок, среди них скребло мустье́рского времени. В отдельных участках этого оврага на различной высоте обнаружены *in situ* кости мамонта, быка, лошади и четвертичного оленя. Кремневые же находки найдены на дне оврага. Они были покрыты сине-серой патиной. Этот пункт датировался временем верхнего мустье⁴.

Четвёртое среднепалеолитическое местонахождение представлено материалами, собранными на левом берегу Днестра у дер. Сокол Каменец-Подольского р-на и области в 1945 г. М. Я. Рудинским, а в 1947—1948 гг. — А. П. Чернышем. Находки обнаружены на поверхности мыса плато, между оврагом у кладбища и обрывом левого берега реки. Среди собранных кремневых находок: два небольших диска, несколько отщепов и кварцитовое скребло (1945 г. М. Я. Рудинский), а также несколько отщепов от дискообразных нуклеусов и небольшой дискообразный нуклеус (А. П. Черныш, 1947—1948 гг.)⁵. Все находки покрыты белой патиной с блестящей поверхностью. Наличие маленьких дискообразных нуклеусов на этом пункте, по видимому, свидетельствует о позднемустье́рском возрасте памятника. Такие же «диски» встречены в позднемустье́рском местонахождении Молодова I, как уже выше отмечалось, и на правом берегу р. Прут на стоянке Ла Извор — пунктах, территориально расположенных не слишком далеко от дер. Сокол.

¹ I. Botez. Recherches de Paleontologie humaine au Nord de la Bessarabie. — Annales scientifiques de Université de Yassi. XVII. Yassi 1933, с. 410, 437—440. N. MORGAN. Le pléistocene et le paléolithique de la Roumanie du Nord-est. Bucaresti. 1938, с. 95—97.

² И. Ботец. Указ. соч., стр. 410.

³ Н. Морошан. Указ. соч., стр. 96; рис. на стр. 98.

⁴ Там же, стр. 82—83, рис. 17—7. Во время разведок автора данной статьи в 1949 г. здесь найдены: зуб мамонта, большая берцовая кость лошади (определение И. Г. Пидопличко) и кремневая, ребристая пластина, покрытая синей патиной.

⁵ М. Я. Рудинський. «З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р.» Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949. А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите Днестра, КСИИМК, вып. XXXII, рис. 6—3.

Пятое местонахождение мустьерского времени представлено материалами, обнаруженными П. И. Борисковским в 1946 г. возле гор. Хотина на бечевнике правого берега Днестра. Среди собранных здесь в количестве около 20 экземпляров находок имеются дискообразные нуклеусы и отщепы. П. И. Борисковский датирует материалы раннемустьерским временем¹.

Шестое местонахождение мустьерского времени открыто этим же исследователем в 1948 г. на левом берегу р. Днестра у д. Субботовка, Могилев-Подольского р-на Винницкой области УССР. Находки были собраны по склону оврага, на высоте около 80 м над уровнем Днестра. Здесь встречены: остроконечник и три небольших овальных орудия с двусторонней обработкой поверхности. Все они покрыты густой белой патиной².

Седьмое местонахождение было прослежено в дер. Бабин Кельменецкого р-на Черновицкой области (А. П. Черныш, 1948) на урочище Магазия, являющемся мысом плато над правым берегом р. Днестра. На поверхности были собраны дисковидный нуклеус, отщепы от дисковидных нуклеусов и одна листовидная пластина (местонахождение Бабин III). Все предметы покрыты толстым слоем желтовато-белой патины³.

Восьмое местонахождение мустьерского времени представлено находками, собранными в окрестностях той же деревни, на урочище Виноградник (пункт Бабин VII), где найдены остроконечник, обломок дисковидного нуклеуса и несколько характерных мустьерских отщепов (А. П. Черныш, 1948)⁴. Дополнительные материалы на двух последних пунктах собраны в 1949 и 1950 гг.

Необходимо также отметить грубую широкую пластину — отщеп с отретушированными краями, являющуюся орудием типа двойного скребла. Она была обнаружена в 1948 г. на плато у дер. Нагоряне Кельменецкого р-на Черновицкой области. Поверхность орудия покрыта глубокой бело-коричневатой патиной⁵.

В 1949 г. во время разведок палеолитического отряда Днестровско-Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР были собраны новые материалы, относящиеся к мустьерскому времени. К краткому описанию этих находок мы и переходим.

На правом берегу р. Днестра у дер. Наславча Атакского р-на Молдавской республики в толще отложений первой террасы Днестра, в слое галечника, обнаружен удлиненный треугольный массивный отщеп — грубая пластинка (рис. 17—7) размером $65 \times 27 \times 10$ мм. Крупный ударный бугорок на брюшке расположен наискось от оси отщепа. Эта пластина-отщеп аналогична отщепам из Молодовы I и других мустьерских местонахождений.

На правом берегу Днестра у дер. Ожево Сокирянского р-на Черновицкой области УССР в 1949 г. было открыто новое местонахождение мустьерского времени. Кремневые находки собраны на поверхности третьей террасы Днестра северо-западнее дер. Ожево. Обнаружены: скребла на отщепе, отщепы от дискообразных нуклеусов и грубые массивные пластины (рис. 17—1—6). Крупные ударные бугорки расположены наискось от оси всех этих отщепов и пластин; поверхность покрыта патиной белого и бело-коричневатого цвета со следами выветривания. Обнаруженное здесь скребло размером $62 \times 47 \times 13$ мм, рабочим краем его является правый, ретушь заходит на вершину отщепа и частично на левый край (рис. 17—6).

¹ П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ, 1948, № 2.

² П. И. Борисковский. Деякі доповнення до археологічної карти середньої Наддністрянщини. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 124—125; табл. 2, рис. 4—6.

³ А. П. Черныш. Указ. соч., стр. 28, рис. 6, № 1—2.

⁴ Там же, рис. 6, № 4—5.

⁵ О. П. Черныш. Розвідки палеоліту на середньому Дністрі в 1948 р. Архив института археологии АН УССР.

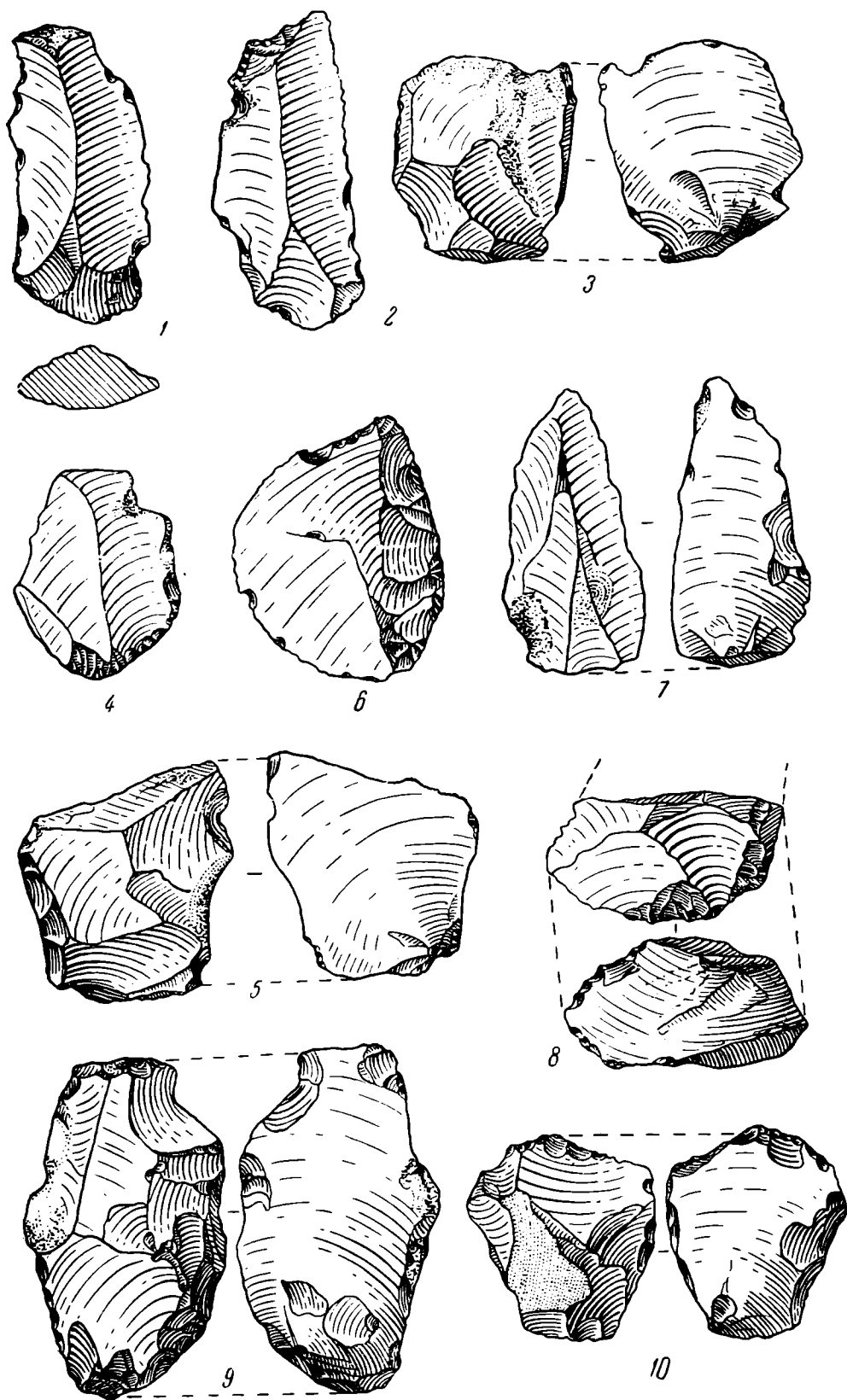

Рис. 17. Кремневые орудия мустьерского времени
 1 — 6 — из Ожева; 7 — из Наславчи; 8 — 10 — из Бабил I

Одна из пластин (размерами $70 \times 32 \times 6$ мм) имеет следы ретуши на конце (рис. 17—2).

Собранные у дер. Ожево находки близки предметам из местонахождений мустьерского времени Сокол, Бабин III, Бабин VII не только по характеру отделения от нуклеусов и по форме, но и по цвету патины. Наличие среди материалов из д. Ожево пластин и в их числе одной со следами ретуши свидетельствует об относительно позднем возрасте этого местонахождения. Грубые массивные пластины, найденные здесь, аналогичны, например, пластинам из Молодова I и стоянки Ла-Извор (правый берег Прута). Кроме того подобные отщепы от дисковидных нуклеусов и грубые пластины встречены среди материалов мустьерской стоянки Касперовцы на р. Серет (бассейн Верхнего Днестра)¹. Фаунистических остатков на этом пункте, как и на большинстве других, не было обнаружено.

Необходимо отметить еще одну группу находок, относящихся к более древнему времени, чем верхний палеолит. Речь идет о немногочисленном материале, собранном во время раскопок палеолитической стоянки Бабин I в 1949 г. Подобные же находки в небольшом количестве отмечены во время раскопок 1950 г. В раскопе № 2 в культурном слое мадленского времени найдены 5 отщепов древнего облика; в раскопе № 1, в позднесолотвейском слое один отщеп; в шурфе № 8 также один (рис. 17—8—10). Эти предметы резко отличаются от остального верхнепалеолитического инвентаря стоянки Бабин I формой, массивностью, характером отделения от нуклеусов и цветом патины. Отщепы имеют крупные ударные бугорки, расположенные наискось или сбоку от оси отщепов; некоторые отбиты под тупым углом к плоскости отбивания. Они сколоты не от призматических нуклеусов, а от дисковидных или же от близких к ним по форме. Самый крупный отщеп удлиненной формы. Его размеры — $70 \times 43 \times 16$ мм (рис. 17—9). Правый край имеет следы обивки. Все предметы этой группы находок покрыты белой блестящей патиной, но следов выветривания нет, ибо находки обнаружены в бурой глине на глубине около 1 м. Они близки к инвентарю местонахождений у дер. Ожево, к мустьерским находкам из дер. Сокол и стоянки Ла-Извор.

Оканчивая краткое описание материалов с мустьерских местонахождений среднего Поднестровья, необходимо отметить, что до настоящего времени памятники мустьерского времени в этом районе представлены пока сравнительно в небольшом количестве. Как возможно заключить на основании приведенных выше данных, большинство местонахождений мустьерского времени на Среднем Поднестровье относится к позднему мустье и лишь одно, у г. Хотина, датируется временем раннего мустье.

Если принять во внимание условия залегания памятников мустьерского времени, то в первую очередь необходимо отметить, что большинство местонахождений обнаружено преимущественно на высоких точках рельефа по отношению к р. Днестру:

1) на поверхности мысов плато (четвертой 80—100-метровой террасы Днестра) — Бабин VII, Бабин III, Бабин I, Сокол, Субботовка, Нагоряне, Наславча (пункт Морошана, обнаруженный в овраге над впадающим в Днестр ручьем);

2) на поверхности третьей террасы Днестра, как, например, местонахождение у дер. Ожево;

3) небольшое число пунктов открыто в более низких местах: местонахождение Молодова III (овраг позади церкви), где мустьерские находки обнаружены в лёссе стенки оврага, прорезающего толщу отложений второй

¹ L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowoschodnieg, Lwów, 1939, tabl. I-A.

террасы Днестра, и Молодова I, где находки открыты в песках, покрывавших гравий первой террасы, и в галечниках, находившихся над этими песками.

К наиболее низко расположенным мустьерским памятникам Среднего Поднепровья относятся Наславча (пункт, открытый в 1949 г.), где находки обнаружены в галечниках первой террасы, и хотинское местонахождение, в котором находки залежали просто на бечевнике р. Днестра.

Расположение большинства известных мустьерских местонахождений среднего Поднепровья на высоте 80—100 м над уровнем реки свидетельствует, что поверхность четвертой террасы Днестра, повидимому, была ближе к реке, чем в настоящее время. Возникает вопрос, не являются ли низко расположенные местонахождения мустьерского времени на Днестре переотложенными с более высоких точек рельефа? Положительный ответ на этот вопрос диктуется следующими соображениями:

1. Находки из наиболее низко расположенных местонахождений имеют следы окатанности (Хотин, Наславча — первая терраса, Молодова I).

2. Материалы с местонахождения Молодова I в 1931 г. были обнаружены не в нижней, а в верхней части слоя песка и в покрывающем его галечнике, что в высотном отношении дает разницу примерно в полтора метра. Следовательно, материалы одного и того же памятника, исследовавшегося в 1928—1931 гг., фактически были обнаружены в различных стратиграфических условиях.

3. Материалы с местонахождения Молодова III (овраг сзади церкви), близкие по времени к находкам с Молодова I, найдены в лёссе, залегавшем гораздо выше слоя песка и галечника, насколько возможно судить по разрезу, опубликованному И. Ботецем. Следовательно, даже в расположенных рядом мустьерских местонахождениях материалы были обнаружены в различных геологических напластованиях.

4. Автор исследований в Молодове I подчеркивает случаи частых обвалов и оползней высоких стенок оврага¹. Любой материал мог легко попасть на дно оврага и быть покрытым значительным обвалом. По наблюдениям последних лет, и сейчас в этом овраге происходят большие оползни.

Советскими геологами (В. И. Громовым и другими) на основании изучения ряда памятников мустьерского времени на территории европейской части СССР определено, что верхняя граница мустьерского времени относится к середине днепровского оледенения². Как мы уже указывали, большинство мустьерских памятников Среднего Поднепровья относится к позднему времени. Следовательно, в то время, когда большая часть территории европейской части СССР была покрыта Днепровской фазой оледенения, человек находил на Среднем Поднепровье благоприятные условия для своего существования. Изложенные в статье материалы позволяют сделать вывод, что мустьерские местонахождения Среднего Поднепровья имели, повидимому, характер открытых стоябищ. Возможно, этим и объясняется тот факт, что на Среднем Поднепровье до настоящего времени не удалось открыть не только ни одного мустьерского памятника пещерного типа, но и вообще ни одной палеолитической стоянки в пещере, хотя на берегах Днестра много пещер. При дальнейших работах в этом районе главное внимание должно быть уделено поискам памятников мустьерского времени и особенно памятников с культурным слоем, которые могли бы быть исследованы путем раскопок.

¹ И. Ботец. Указ. соч., стр. 407, 409.

² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геологических наук, вып. XVII, М., 1948.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПОГРЕБЕНИЯ V—VI вв. н. э. у с. ДАНИЛОВА БАЛКА

На Украине почти неизвестны находки антского времени, происходящие из жилых или погребальных комплексов. Мы говорим в данном случае о памятниках, сменяющих в лесостепной полосе Украины поселения и могильники черняховского типа, существование которых, как правило, можно проследить до IV—V вв. н. э. Попытки изменить датировки памятников культуры «полей погребений», обнаруженных еще В. В. Хвойкой, и поиски новых объектов более позднего времени пока не дали определенных результатов и бесспорных доказательств. Например, Е. В. Махно¹ ставит под сомнение принятые В. В. Хвойкой датировки (II—V вв. н. э.). Причем свои попытки по-новому датировать памятники культуры «полей погребений» черняховского типа автор основывает:

1) на возможности встретить в поздних могилах ранние монеты, как это бывает в кладах (Пустоваривка);

2) на существовании в исследуемых памятниках фибул якобы позднего времени VI—VII вв. н. э.;

3) стратиграфическое расчленение материала на поселениях культуры «полей погребений», по мнению автора, дает возможность выделить ранние и поздние комплексы вещей.

Однако все эти доводы встречают возражения.

Во-первых, если несколько погребений содержат примерно одновременные монеты, как в Черняхове и Маслове (II—III вв. н. э.), то более вероятно предположение, что монеты в общем синхронны погребениям, к тому же комплексы прочего сопровождающего инвентаря не дают оснований для перемещения этих погребений в VI—VII вв. н. э.

Во-вторых, датировки по фибулам могут быть оспариваемы. Какие именно фибулы автор решается относить к столь позднему времени — в статье не сообщено. В настоящее время нам такие фибулы не известны, зато хорошо изучены застежки антского времени², являющиеся фибулами иного типа, чем находимые на поселениях и в могильниках черняховской культуры.

В-третьих, стратиграфическое расчленение находок на поселениях культуры «полей погребений» (Жуковцы, Лука Врублевцкая), залегающих в

¹ Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань Черняхівського типу (Археологія, IV, Київ, 1950, стр. 68—72.

² Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948.

верхних слоях почвы, в распахиваемых горизонтах, является еще менее надежным способом уточнения датировки. Если к тому же вспомним, что в Жуковцах и Луке Врублевещкой жизнь продолжалась и в эпоху Киевской Руси, то станет очевидным, что не стратиграфическое распределение, а прежде всего анализ материала, изучение комплексов находок помогут выделить ранние и поздние группы вещей. Материалов же заведомо VI—VII вв. н. э. ни в Жуковцах, ни в Луке Врублевещкой не имеется.

Правильную мысль о смене трупосожжений и труположений с инвентарем, т. е. тех погребений, которые мы можем назвать типично черняховскими, безинвентарными погребениями позднейшего времени, автор также не смог достаточно обосновать.

Между тем совершенно ясно, как много значит для изучения истории ранних славян исследование памятников, отражающих изменение материальной культуры, образа жизни и обряда погребения в антское время. К сожалению, эпоху, сменившую памятники культуры «полей погребений», мы знаем главным образом благодаря случайным находкам и вещам, обнаруженным в составе кладов. Об этом писал еще в 1926 г. А. А. Спицын, и это же повторяют современные исследователи¹.

Однако древние авторы, и в первую очередь Иордан и Прокопий из Кесарии, знают, что племена антов «бесчисленны», что живут они между Днестром и Днепром и язык у них и у славян один и тот же². Отчего же неизвестны жилища антов и, в особенности, обряд погребения, если основные усилия дореволюционных археологов, целые десятилетия работавших на Украине, были прежде всего направлены на раскопки могил и курганов?

В какой-то мере удовлетворительный ответ на этот вопрос дают пробные раскопки в с. Данилова Балка Ульяновского района Одесской области.

С. С. Гамченко, работая в 1909 г. на Подолии, узнал о существовании в с. Данилова Балка любопытных древних погребений, сопровождаемых сосудами. На месте случайных находок в 1913 г. им были проведены пробные раскопки. В «Отчетах Археологической комиссии» о них было кратко сообщено: «в Данилово-Балкском районе»... «исследовались культурные сооружения, ямы трипольского типа, могильник латенской поры и погребения в материке»³.

Первая империалистическая война прервала исследовательскую деятельность С. С. Гамченко. Подробный отчет так и не был опубликован. В 1949 г. в с. Данилова Балка нами производились работы, организованные Институтом археологии АН УССР.

Опрос сельских старожиллов позволил точно установить место, где копал С. С. Гамченко. Высокий, слегка пологий склон над правым берегом безымянного ручья в настоящее время занят строениями и огородами колхозников. Интересные результаты небольших раскопок на предусадебном участке, принадлежавшем М. Эвенитордскому, подтвердили краткие сведения отчетов Археологической комиссии.

Культурные остатки раннего Триполья свидетельствовали, что могильник был расположен на месте древнего поселения. Прорезавшие культурный слой могилы относились к двум хронологическим периодам. Первую группу составляли могилы типично черняховского типа. Яркую картину являло собой погребение 5 (рис. 18). В обширной с закругленными углами

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь Соболевского, 1926, стр. 492. М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 20; М. Ю. Брайчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст. Археологія, IV, Київ, 1950, стр. 29.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 297.

³ ОАК. 1913—1915, стр. 167.

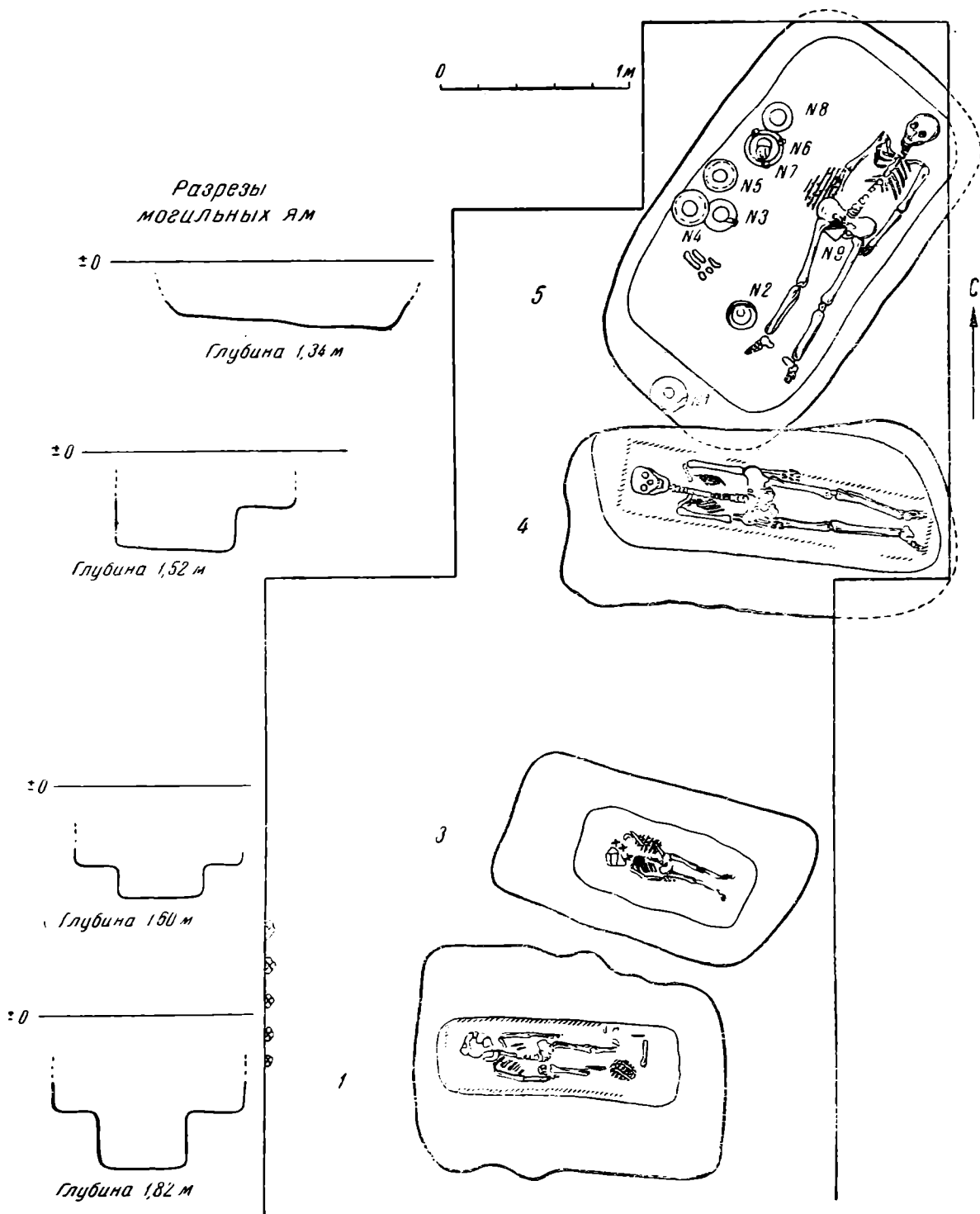

Рис. 18. Данилова Балка. План погребений в шурфе № 3 (раскопки 1949 г.)

1, 3, 4 — «погребения в материке»; 5 — погребение черняховского типа.
 №№ 1—8 — глиняные сосуды в погребении 5; № 9 — железная пряжка (крестами в погребении 3
 обозначены места находок бус; кругом — монета)

яме (2 м 40 см × 2 м 25 см) у юго-восточной стенки лежал скелет мужчины на спине, ориентированный головой на северо-восток. Справа от скелета было расставлено восемь сосудов (рис. 19). Горшок для варки пищи, лощеные и нелощеные миски открытого и закрытого типа, одна миска крупных размеров (высота около 16 см), снабженная тремя ручками, и одноручный кувшин с двумя утолщениями у края — все изготовлены на гончарном круге. Биконический лощеный кубок, украшенный по грани перегиба тулова вдавлениями ногтя, был вылеплен от руки.

Миски были наполнены, по определению В. Н. Кононова, мукой или сваренной мучной пищей.

Около сосудов в могилу было положено мясо, от которого сохранились неопределенные фрагменты костей крупного животного. Железная, сильно поврежденная окислами, пряжка, обнаруженная на тазовых костях скелета, дополняла находки в этом погребении (рис. 19).

Рис. 19. Давилова Балка. Сосуды и железная пряжка из погребения (раскопки 1949 г.)

Типы сосудов и погребальный обряд позволяют отнести могилу к памятникам культуры «полей погребений» черняховского типа. Наиболее вероятная датировка, судя по типам посуды, III—IV век н. э.¹

Вторая группа, более поздняя, представлена тремя могилами (рис. 18—1, 3, 4). Все погребения этого типа залегали глубже, чем захоронения первой группы. Они-то и были названы в отчетах Археологической комиссии «погребениями в материке». Одна из могил второго типа (№ 4) срезала угол могильной ямы описанного выше погребения черняховского времени.

Могильные ямы второго типа имели своеобразное устройство. Во всех трех случаях они врезались в землю обширным прямоугольным колодцем и доходили до желтого лёсса. В нем вырывали узкую неглубокую канавку таких размеров, чтобы в нее мог свободно поместиться труп. В ряде случаев (погребения № 1, 3) труп обставляли довольно толстыми досками (толщиной около 3 см). Доски превратились в порошок, но направление их вдоль боков и позади головы скелета хорошо прослеживалось.

Положение костяков, вытянутое на спине, соответствовало труположениям предыдущей группы, но ориентировка здесь была несколько иной. Все могилы второго типа ориентированы на запад с отклонением к северу.

Могилы этой группы содержали два детских погребения (№ 1, длина костяка около 1 м; № 3, длина костяка 0,65 м) и один скелет, принадлежавший человеку преклонного возраста, челюсти которого были почти

¹ Все материалы раскопок 1949 г. хранятся в Киеве в Институте археологии АН УССР.

лишены зубов (погребение № 4, длина костяка 1,58 м). Все черепа были раздавлены землей.

В двух случаях захоронения безинвентарные, и только в погребении № 3 обнаружены бусы — одна коричневатая округлоуплощенной формы и синие четырнадцатигранные, большая часть которых рассыпалась от прикосновения. Среди бус была помещена потертая римская медная монета, просверленная и превращенная в подвеску. По определению Л. Н. Беловой, монета чеканена при императоре Констанции II (337—361 г. н. э.).

Учитывая потертость монеты, долгое время бывшей в обращении и потерявшей ценность как денежная единица (после чего она и была превращена в подвеску), можно считать, что вторая группа погребений относится по крайней мере к V в. н. э. Датировку подкрепляют и четырнадцатигранные бусы, характерные для этого времени¹.

Ознакомление с документацией работ 1913 г. (отчет С. С. Гамченко хранится в архиве Института археологии АН УССР) позволило дополнить материалы интересующей нас группы погребений².

В своих записях С. С. Гамченко сообщает об исследовании в с. Данилова Балка погребений с трупосожжением «латенского времени». Инвентарь лаконично описанных автором раскопок трех погребений небогат, но сосуществование на могильнике в черняховское время трупосожжений наряду с трупоположениями, подобными погребению № 5, факт довольно обычный.

Особенно важны для нас сведения о группе могил, безусловно сходных с нашим вторым типом. «Глубокие погребения», как называет их С. С. Гамченко, были найдены на территории усадьбы, находящейся по другую сторону дороги от места наших работ. Причем исследователь повторяет, что погребения этого типа были впущены в материковый лёсс. Углубления в виде канавки на дне ямы им прослежены не были, но достаточно четко зафиксированы все прочие детали обряда.

Погребение № 1 принадлежало мужчине. Скелет лежал на спине в вытянутом положении со слегка изогнутой в колене правой ногой. Могила не содержала инвентаря; дно ее находилось на 1 сажень 2 вершка (2 м 22 см) от уровня современной дневной поверхности.

Погребение № 2 представляло собой исключительную картину. На глубине 2 аршин 15 вершков (1 м 89 см) был обнаружен скелет женщины, лежащий на спине в вытянутом положении, обращенный головой на северо-запад. На шею было надето «монисто» из 97 бус сердоликовых и пастовых. Слева и справа от скелета находились два погребения младенцев. Одно из них у левой руки женского костяка ориентировано с отклонением от линии запада на 30°, другое справа — с отклонением на 20°. При этом второе детское погребение залегало на такой же глубине (1 м 89 см), а скелет первого ребенка был погружен в землю на 1 аршин 7 вершков (1 м 73 см).

Несходство ориентировки позволяет считать совпадение уровня залегания скелета женщины и второго детского погребения за чистую случайность. Если бы оно являлось сопровождающим, то ориентировка должна была бы совпасть, что весьма типично для коллективных захоронений эпохи бронзы.

То же самое относится и к другому скелету ребенка, который не только по-иному ориентирован, чем женское погребение, но и уровень дна его могильной ямы совсем иной.

¹ Н. И. Репников. Записки Одесского Об-ва ист. и древн., XXVII, 1907. Судя по описанию, синие стеклянные бусы в земляных могилах занимают одно из первых мест. Среди них много бус граненых, см. стр. 134; Н. И. Репников. ИАК, 19. 1906. Земляные могилы датируются монетами V—VII вв., стр. 32, табл. IV, № 11, 12, 14, 15.

² Архив Института археологии АН УССР. Дело за 1913 г. № 16.

Погребение № 3, придерживаясь нумерации С. С. Гамченко, принадлежало мужчине, положенному вытянуто на спине, головой на северо-запад. С правой стороны у черепа найден стеклянный кубок конической формы.

Таким образом, в раскопках 1913 и 1949 гг. мы насчитываем восемь могил второго типа («погребения в материке», или «глубокие погребения», по С. С. Гамченко).

Их отличительные признаки:

1. Сравнительно большая глубина могил (от 1 м 70 см до 2 м 25 см).
2. Своеобразное устройство могильной ямы с канавкой на дне, куда укладывали труп, иногда обставив его досками (по раскопкам 1949 г.).
3. Ориентировка могил с запада на восток с частым отклонением на север.
4. Покойников клали на спину, с вытянутыми руками и ногами.
5. Сопровождающего инвентаря, как правило, не было. Однако сохранились отдельные предметы. Мы имеем в виду две низки бус, в одной из которых была монета-подвеска, и стеклянный кубок, положенный в изголовье мужского погребения.

В фондах Государственного Эрмитажа хранится коллекция С. С. Гамченко, происходящая из его раскопок в Подольской губернии 1913 г.

В числе прочих предметов в одной секции Отдела Первобытной культуры находится кубок конической формы (коллекция 12/241); в другой секции имеется низка из пяти четырнадцатигранных сердоликовых и 92 стеклянных бус, ошибочно считавшихся пастовыми (коллекция 317/253)¹.

В полевых и отчетных документах С. С. Гамченко нет указаний, что в каком-либо другом из трех обследованных им в 1913 г. районов Подолии был найден стеклянный кубок и подобные бусы (рис. 20). Это обстоятельство, несмотря на то, что в документах поступления нет сведений о точном месте происхождения вещей, дает все основания связывать их с исследуемой группой погребений. Тем более, что в рукописных материалах С. С. Гамченко 1913 г. упомянут кубок именно конической формы, а при описании «мониста» указано количество бус, совпадающее с числом бус, хранящихся в Государственном Эрмитаже (97 шт.)².

Определение кубка и бус из коллекции Государственного Эрмитажа как инвентаря, сопровождавшего погребения, раскопанные в 1913 г. в с. Данилова Балка, дает возможность полнее восстановить погребальные комплексы и, следовательно, расширяет представление о могилах этого типа.

Позволим себе более подробно описать упомянутые находки.

Стеклянный кубок (высота 19,2 см, диаметр края 10,1 см) имеет почти правильную коническую форму, чуть сильнее сужаясь к маленькому, слегка вогнутому дну. Край сосуда незначительно отогнут наружу. Кубок опоясывают два неглубоких орнаментальных желобка, прочерченных на расстоянии 5 см друг от друга. Стекло прозрачное зеленоватое, местами покрытое коркой, образовавшейся при разложении стекла.

Аналогии этому сосуду усматриваются в находках стеклянных кубков, происходящих из франкских погребений. В классической работе А. Киса

¹ Степень изменения стекла такова, что правильность определения С. С. Гамченко этих бус как пастовых, повидимому, не вызвала сомнений. Стекло от времени сделалось пористым и побелело настолько, что первоначальный желтый цвет его сохранился лишь в отдельных местах на зашлифованной поверхности некоторых бус. Определение материала и цвета бус было произведено В. Н. Кононовым.

² Заметим, что сопоставление раннетрипольских материалов, привезенных С. С. Гамченко в 1913 г. из Подольской губернии, также хранящихся в Гос. Эрмитаже, с привезенными в 1949 г. находками этой эпохи, показывает их полное сходство. См. Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка. КСИИМК, XXXIX.

«Стекло в древности» о сосудах такого рода сказано: «Стенки (кубков.— Э. С.) часто дважды изогнуты, у края расширяясь, к донышку утоньшаясь. К концу IV в. встречаются сильно утоньшенные стройные образчики, которые во франкских почти остроконечных кубках в виде рога достигают чрезвычайной степени стройности»¹.

В таблицах форм на некоторых кубках этого типа отчетливо видны две опоясывающие полосы².

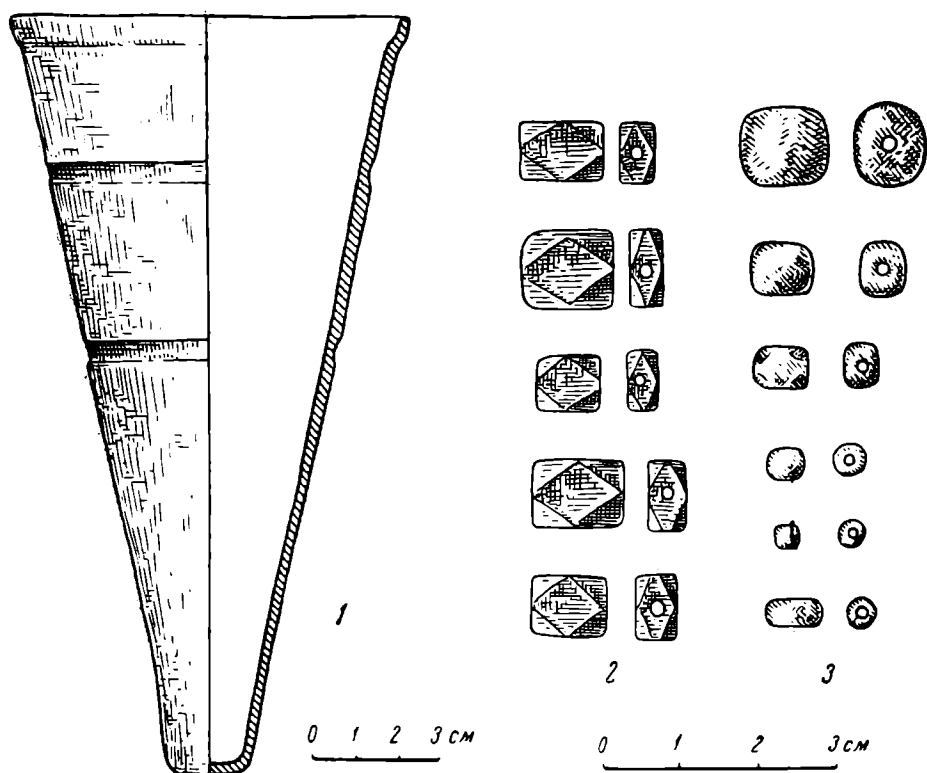

Рис. 20. Данилова Балка. Вещи из раскопок 1913 г.

1 — стеклянный кубок; 2 — бусы из сердолика; 3 — бусы из стекла

Вслед за описанием этой группы автор переходит уже к посуде VI в. н. э., вероятно, считая временем существования кубков, подобных нашему, конец IV—V вв. н. э.

Еще более определенно говорит Морин, специально исследовавший стеклянные изделия римской Галлии. Именно на севере Галлии, говорит он, были очень распространены конические кубки, которые встречаются в погребениях конца Империи и в франкских могилах V—VI веков³.

Р. Шмидт тоже относит такие кубки к V в. н. э.⁴

Следовательно, есть все основания считать эту датировку достоверной и признанной⁵.

Четырнадцатигранные сердоликовые бусы из коллекции № 317/253 имеют уплощенную форму и огранка их небрежна.

¹ A. Kisa. Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, стр. 343 и стр. 205, рис. 102.

² Указ. соч. Formentafel E, № 277, 281.

³ Morin Jean. La verrerie in Gaule sous l'Empire Romain. Paris, 1913, фиг. 189 и стр. 141.

⁴ R. Schmidt. Das Glas. Berlin, 1912, стр. 30, рис. 15.

⁵ Кубок из Керчи, опубликованный в отчетах Археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907, стр. 77, рис. 122, хотя и близок по форме нашему, но имеет закругленное дно и покрыт «накладным узором, исполненным разными красками».

Некоторым стеклянным бусам из этой низки пытались придать сходство с сердоликовыми и на них видны нечеткие грани. Эту же цель подделки под сердолик преследовали при выборе бус именно желтого цвета. Отдельные экземпляры величиной и формой напоминают четырнадцатигранные бусы из погребения № 3 (раскопки 1949 г.).

Другие бусы имеют просто цилиндрическую или уплощенно округлую форму, колеблясь в диаметре от 0,3 до 1,0 см.

Стеклянные четырнадцатигранные бусы мы уже сравнивали с многочисленными находками бус из «готских» земляных погребений, раскопанных Н. И. Репниковым. Среди чрезвычайного многообразия встречаются аналогии и другим формам бус нашей низки¹, хотя желтый цвет не характерен для бус из крымских погребений V—VII вв. н. э., зато синие, подобные найденным в 1949 г., весьма типичны для этих могил. Между прочим, сердоликовые бусы в земляных могилах Крыма немногочисленны, а форма и огранка, как у бус из с. Данилова Балка, в Крыму не встречались².

Таким образом, скромный могильный инвентарь всей группы погребений изучаемого типа указывает на одни и те же неширские хронологические рамки³.

Приведенные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Хронология и территориальное расположение памятника соответствуют данным письменных источников VI в. об антах-славянах, живших на излучине Понта, между Днпром и Днестром, что как будто позволяет обнаруженные погребения считать антскими. К тому же на изучаемой территории в V—VI вв. не известно другого этнического массива, с которым можно было бы связать указанные погребения.

Конечно, окончательно вопрос об антской принадлежности погребений второго типа в Даниловой Балке будет решен после находки в могильном инвентаре или среди вещей типичных антских вещей, которые мы знаем по находкам в составе кладов.

Немногочисленный инвентарь погребений второго типа свидетельствует о южных и западных связях (сердоликовые и стеклянные бусы, римская монета, стеклянный кубок), что опять совпадает со свидетельствами письменных источников о сношениях антов с Империей. Торговля и военные походы против Византии давали возможность антам привозить украшения, сердоликовые и стеклянные бусы, пользоваться драгоценной стеклянной посудой. Как известно, во многих кладах антского времени наряду с вещами местного производства в изобилии встречаются привозные (Перещепинский клад).

¹ Н. И. Репников. ИАК, 19, 1906. Табл. IV, № 5; 10; 8; табл. II, № 51.

² Там же, стр. 47—48. Он же. Некоторые могильники крымских готв (часть II). Записки Одесского об-ва истории и древностей. XXVII, 1907, стр. 135.

³ Задачей последующего времени является изучение в с. Данилова Балка поселений, связанных с обоими типами погребального обряда. К сожалению, материал сборов и раскопок на месте древнего поселения, повидимому, середины I тысячелетия н. э., расположенного вниз по течению ручья в четырехстах метрах от захоронений, более повдний по общему облику, чем характерные находки черняховского времени, и недостаточно выразителен. Полуземлянка с сениями типа жилища, найденного в Максимовке (на западе Украины), также еще не позволяет вполне определенно связать это поселение с могилами второй группы в с. Данилова Балка.

В послевоенные годы значительные достижения в исследовании поселений переходного типа сделаны при раскопках Е. В. Махно в Ягнятине (Е. Махно. Поселения культуры полів поховань на Північно-Західньому Правобережжі. Арх. Пам. УРСР, т. I, Київ, 1949) и М. Ю. Браичевским на Пастерском городище (М. Ю. Браичевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, стр. 162—164). Подробная публикация материалов этих поселений должна помочь изучению селища и в Даниловой Балке.

2. Важным моментом является использование древнего могильника первых веков н. э. в более позднее время. Характерно при этом совпадение отдельных черт погребального обряда типично черняховских труположений (погребение № 5) с погребениями последующего времени.

В оба периода существования могильника умерших клали на спину в вытянутом положении. Ориентировка погребений второго типа мало отличается от ориентировки погребений черняховского типа (на север). Наблюдается небольшое сходство и в выборе погребального инвентаря. Повидимому, только в редких случаях, так же как и в Черняхове и Маслове, в могиле более позднего времени можно встретить монету. Хотя в Даниловой Балке во второй период существования могильника в общем исчезает сопровождающая покойника посуда, но кубок, найденный в мужском погребении (по нумерации С. С. Гамченко, погребение № 3) показывает, что эта традиция еще сохранялась.

Пока данных, указывающих на связь обоих типов погребального обряда III—V вв. и V—VI вв. н. э., немного. Решению вопроса должны способствовать последующие раскопки.

3. Отсутствие вещей в большинстве поздних погребений могильника говорит не только об изменении погребального обряда, но и о социальных изменениях и расслоении общества. Хотя население и продолжало жить «в народоправстве» (Прокопий), но в то же время укрепляется власть племенных вождей и знати. При непрекращающихся походах роль военачальников неизбежно возрастает. Одновременно война влечет за собой накопление богатств у отдельных людей. Появляются представители привилегированного богатого сословия, которые пользуются рабским трудом, наподобие «хозяина Хильбудия», о котором рассказывает Прокопий¹.

Повидимому, представителям низших ступеней социальной лестницы принадлежали не имеющие сопровождающего инвентаря погребения предшествующих эпох. В Корчеватом безинвентарные погребения составляют около 15%, в Черняхове 30%, в Дидовщине 60%². В наших раскопках только три погребения из восьми имели кое-какие вещи (без инвентаря около 63%).

Многие археологи дореволюционного времени не интересовались раскопками почти безинвентарных рядовых погребений антского времени и оставались в неведении относительно погребального обряда антов.

С. С. Гамченко ни в дореволюционное, ни в последующее время не считал нужным опубликовать результаты раскопок в с. Данилова Балка. Материалы могильника казались ему не заслуживающими серьезного внимания. На самом деле раскопки в с. Данилова Балка дают точные хронологические вехи и характеризуют обряд погребения плохо изученной эпохи, повидимому, присущий антскому населению.

Возможно, что термин Б. А. Рыбакова «антские поля погребений»³, в отличие от «полей погребений» черняховского типа, в процессе работ на безинвентарных могильниках, получит вполне конкретное содержание.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 295—296.

² Е. В. Махно. Памятники культуры полів поховань Черняхівського типу. Археологія, IV, Київ, 1950, стр. 65.

Погребения в Дидовщине поразительно напоминают наши могилы второго типа; см. Новіші археологічні досліді на терні Білоцерковщини. Хроніка археології та мистецтва, ч. II, Київ, 1930, стр. 47.

³ Б. А. Рыбаков. Улич. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 12.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ СИНДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Синдская экспедиция 1950 г., организованная¹ Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова при участии Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, имела своей задачей положить начало изучению Боспорской сельскохозяйственной территории (*χωρα*) с находящимися на ней поселениями (*χωμαι*). С этой целью были проведены разведки северо-восточной части Синдики и раскопки небольшого синдского поселения.

Экспедицией обследован один из районов Таманского полуострова, а именно территория к северу, северо-западу, западу и юго-западу от Цукурского лимана. Причем установлено, что ранее опубликованные археологические карты этого района не лишены погрешностей. При обследовании мы пользовались картой В. В. Соколова.

Примерно на месте городища XI, обозначенного В. В. Соколовым к югу от Карabetовой горы, собраны черепки простой посуды, а среди них ножа остродонной амфоры V в. до н. э.

К северу и северо-западу от дороги из станицы Таманской в Сенную, примерно на месте городища V по карте В. В. Соколова, обнаружен подъемный материал. Древнее поселение было расположено у берега Таманского залива на довольно ровном, возвышающемся над ним плато, которое несколько понижается в юго-восточной части. С востока оно ограничено широкой расселиной, прорезанной узким и глубоким руслом постоянно пересыхающего ручья.

С запада от плато находятся глубокий ров и большой вал русской крепости Фанагории, сооруженной А. В. Суворовым. Для крепостного вала был взят грунт из культурного слоя античного времени, как это показал выкид из старых траншей. В выкиде оказались обломки античной керамики: в том числе черепок ионийского открытого светильника, фрагмент ручки расписного сосуда VI в. до н. э. и ручка синопской остродонной амфоры эллинистического времени. Обход по береговому песку северо-западного обреза Суворовской Фанагории показал, что древнее поселение простирается на большое расстояние к юго-западу от вала, занимая значительную часть

¹ Начальником экспедиции был автор отчета. В экспедиции принимали участие: Н. И. Сокольский, руководивший северо-восточным раскопом, Н. В. Анфимов, руководивший южным раскопом, а также М. К. Узунова и Э. О. Берзин. Определение обломков остродонных амфор производилось И. Б. Зеест, а монет — Д. Б. Шеловым.

площади крепости. На плато, за пределами Суворовской крепости, найдены черепки остродонных амфор, среди них часть венца хиосской пухлогорлой и ножки боспорской IV—III вв. до н. э., фрагменты сосудов: ионийского расписного, чернолакового VI в. до н. э., покрытого эллинистическим лаком, краснолакового I в. до н. э. и сосудов из грубой глины. Кроме того, были встречены обломки лутерия и ручки средневекового сосуда.

К востоку от расселины, на пространстве между дорогой и берегом моря, находится второе плато. На поверхности его обнаружены черепки остродонных амфор, в том числе хиосской конца VI в. до н. э., классических, эллинистических и римского времени, обломки простой посуды, а также простой посуды, украшенной рифленным орнаментом, фрагменты сосуда из грубой глины и «мегарской» чаши.

При обходе района к западу от Бугазского соленого озера обнаружены археологические памятники, ускользнувшие от внимания В. В. Соколова и других исследователей. Они находятся примерно на участке между некрополями № 16 и 18, согласно карте В. В. Соколова.

На первом пункте в обресе высокого морского берега обнаружены: черепки остродонных амфор, в том числе пухлогорлой V в. до н. э. и синопской, обломки чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э., боспорского солена и неглубокого кухонного лепного горшка из черной глины со следами копоти снаружи; диаметр устья этого горшка около 25 см, высота более 11 см, толщина стенок 0,6—1,2 см.

Второй пункт находился к востоку от первого. Здесь вдоль края верхней террасы морского берега встречалось значительное количество подъемного материала, что заставляет предполагать наличие на этом месте в древности значительного поселения. Были обнаружены черепки остродонных амфор, в том числе хиосских конца VI—начала V в. до н. э., обломки боспорского лутерия, украшенной белыми полосами чаши из боспорской глины и закрытого лепного горшка из грубой серо-коричневой глины с крупными включениями (высота его более 15 см).

Еще дальше на восток, к юго-западу от Бугазского соленого озера в обресе морского берега, в районе некрополя № 18 по карте В. В. Соколова, обнаружено пятно ямы; поблизости в береговом песке встречались маловыразительные обломки античной керамики.

На северо-западном берегу Цукурского лимана, примерно на месте городища XII по карте В. В. Соколова, встречались маловыразительные обломки глиняных изделий, в том числе амфоры, по всей видимости, гераклейской.

В 1950 г. были произведены раскопки поселения в двух километрах к востоку от станции Таманской. Как мы отмечали, юго-западная часть занята Суворовской крепостью Фанагорией, в силу чего мы назвали это древнее поселение «Суворовским Первым»¹ (рис. 21).

Было разбито два раскопа: северо-восточный и южный.

Северо-восточный раскоп находился над крутым обрывом, ограничивающим плато с востока. Следуя условиям местности, он был вытянут с севера на юг. Длина его 18 м, ширина в южной и средней частях 4 м, в северной (там, где он расширен прирезкой) 7 м; общая площадь равнялась 86 м. Работы были доведены до материка по всей площади раскопа (за исключением частично оставленных неразобранными развалов фундаментов). Материк — желтая глина — обнаружен на глубине от 2,2 до 3,0 м. Раскоп-

¹ Суворовским Вторым названо поселение, расположенное к северо-востоку от Суворовского Первого, по другую сторону широкой расселины. На Суворовском Втором в 1950 г. производила раскопки Т. В. Блаватская. Не исключена возможность, что в древности оба эти поселения были частями одного населенного пункта.

ками выявлено три культурных слоя, не считая верхнего пласта, перекопанного в новое время.

Обнаруженные обломки античной керамики относятся к различному времени, начиная с VI в. до н. э. Однако ранние культурные напластования, не поврежденные позднее, на нашем раскопе не сохранились.

Первый культурный слой, лежавший непосредственно на материке, относится к III—II вв. до н. э. Он состоит из гумированного суглинка, а в нижней части из рушенной белоглазки. Слой залегает на глубине от 1,6—1,9 м (верх) до 2,2—3,0 м (подшва).

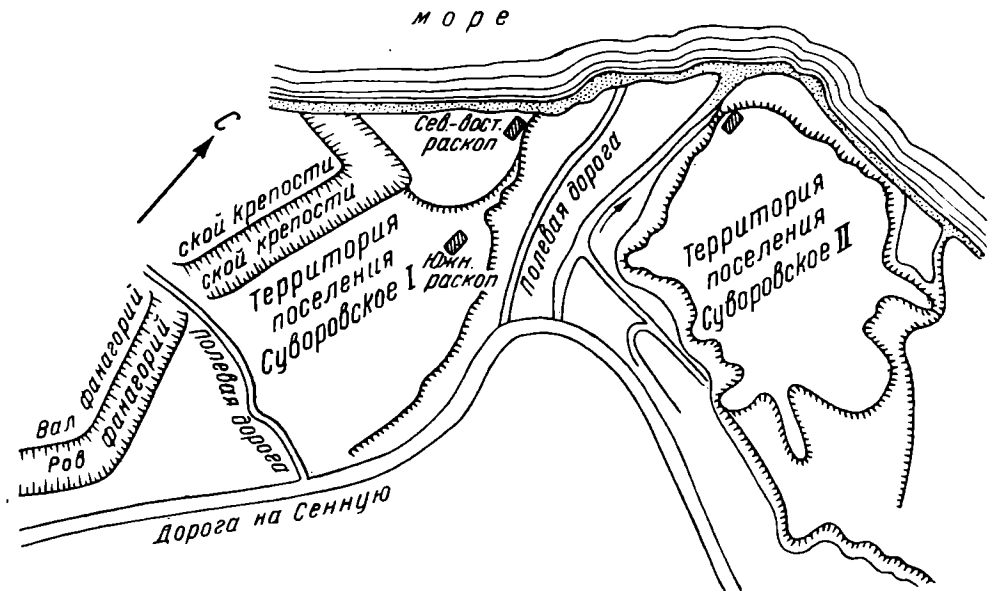

Рис. 21. Схематический план поселения

В первом слое не обнаружено фундаментов стен каких-либо построек. В южной части раскопа открыто сооружение, по всей вероятности, служившее для печения лепешек. Непосредственно на материке был устроен глинобитный очаг, овальный в плане, конусовидный по очертаниям. Наибольший диаметр его 1,30 м, наименьший 1,20 м, высота 0,35 м, глубина подошвы 2,73 м. Контрольный разрез показал, что в основании сооружения, по середине его была положена необработанная каменная плита, размером $0,53 \times 0,52 \times 0,035$ м. Глинобитный очаг подвергался сильному нагреву, вызвавшему плохую сохранность поверхности глины. В силу этого обстоятельства, вероятно, в скором времени после того как первый глинобитный под очага пришел в негодность, в 0,03 м над ним был устроен второй, дошедший до нас в виде плохо сохранившегося развала около 1,15 м длиной, 0,95 м шириной. Мощность пласта развала достигает 0,60 м в толщину. Над этими глинобитными сооружениями лежал слой золы. На горизонте развала верхнего очага в 0,30 м к северу обнаружен нижний жернов ручной мельницы в виде неправильной по очертаниям тонкой плиты из твердого темного камня (рис. 22—1). Длина жернова 0,55 м, ширина — 0,31 м, толщина — 0,04 м. Немного вогнутая, тщательно выровненная рабочая поверхность покрыта частыми неглубокими насечками на подобие «елочки». Одна борозда проведена поперек жернова, по обе стороны ее, под довольно острым углом к ней расходятся многочисленные параллельные борозды. Такое расположение борозд способствовало перемалыванию зерна и постепенному накоплению муки в одном месте — около «корня елочки».

Обломок верхнего жернова — толкача от ручной мельницы аналогичного

типа¹ — был обнаружен на том же раскопе, значительно выше, на глубине 0,75—1,00 м, в средневековом слое. Сохранилась приблизительно четвертая часть прямоугольного жернова, 0,18 м длиной и 0,13 м шириной. Первоначальные размеры, нужно думать, были вдвое больше. Толщина жернова 0,06 м. Сверху в жернове устроено пирамидальное углубление, в которое насыпалось зерно, просачивавшееся вниз через отверстие. Нижняя, рабочая поверхность покрыта часто расположенными параллельными бороздами.

Также к северу от развала верхнего очага, на горизонте последнего (глубина 1,84—2,15 м) обнаружены черепки посуды, занимавшие пространство 1,5 × 2 м; примыкая к нижнему жернову ручной мельницы, они частично его покрывали. Среди черепков отметим: две фрагментированные амфоры — синопскую III—II вв. до н. э. и косскую II в. до н. э., обломки других амфор, часть килика, покрытого эллинистическим лаком, со следами древней починки, фанагорийский глиняный флакон, обломок края кастрюли и осколок сосуда из коричневой глины. Там же среди золы лежали куски жженого сырца (может быть, обломки жаровни), между них обнаружены: фрагмент боспорского красноглиняного тонкостенного сосуда, на котором оттиснуто овальное клеймо с изображением стоящей фигуры, пирамидальное грузило из коричневой глины (рис. 22—3 второе слева) и небольшой булыжник, возможно, метательный камень.

Описанные находки — развал глинобитного очага, ручная мельница, битая посуда, — видимо, относятся к одному хозяйственному комплексу III—II вв. до н. э.

В культурном слое, лежащем на горизонте этого комплекса и несколько выше, обнаружены многочисленные черепки остродонных амфор VI—II вв. до н. э.: хиосских, боспорских, фанагорийских, гераклейских, синопских, херсонесских и родосских; среди них обломок горла гераклейской амфоры с клеймом листообразной формы, а также одна херсонесская и две синопские ручки с клеймами. Далее встречались обломки чернолаковых сосудов V—III вв. до н. э., в том числе со штампованным орнаментом, а также черноглиняных, покрытых черным лаком. Затем следует упомянуть фрагменты сосудов с эллинистическим и красным лаком II (может быть, II—I) в. до н. э., «мегарских» чаш, сероглиняной посуды, в том числе с рельефными украшениями и лощенной, кастрюль из коричневой и черной глины, лепных горшков из грубой черной глины, обломки тарелок из фанагорийской глины и блюд для рыбы боспорской работы, фрагменты синопских лутериев IV—III вв. до н. э. и тонкостенных сосудов, куски боспорских и синопских черепиц. Следует отметить также обломок протомы боспорской работы, отличающейся нечеткостью проработки деталей, два куса мрамора, пантикапейскую медную монету II в. до н. э. (А. Н. Зограф, табл. XLII, 10). Попадались кости животных и раковины устриц.

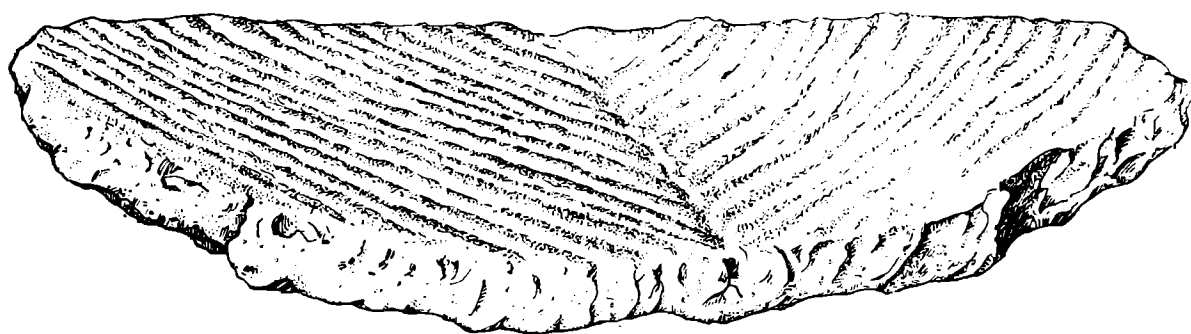
Среди этих находок число ранних VI—V вв. до н. э. сравнительно невелико, значительно больше предметов IV, III и II вв. до н. э.

Вещи II—I вв. до н. э. и I в. н. э. столь немногочисленны², что скорее всего их следует считать случайно попавшими на горизонт древнего слоя при последовавших повреждениях.

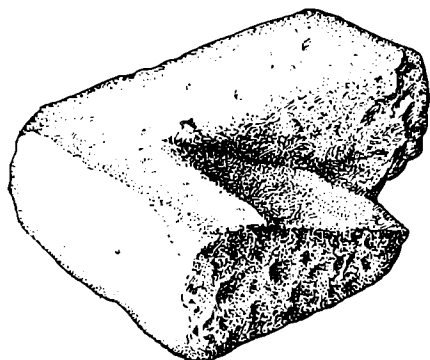
К таким повреждениям относится заполненная золой средневековая яма, прорезавшая древний слой несколько южнее очага. Там, на глубине 1,84—2,05 м, оказались обломки костей животных и рыб, черепки простой посуды, фрагмент лепного сосуда из грубой глины и горло кувшина, вероятно, тму-тараканского времени.

¹ Мельница аналогичного устройства была найдена И. Б. Зеест в Киммерике. КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 99 и сл., рис. 44.

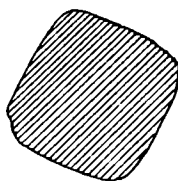
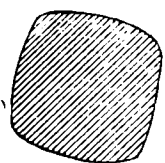
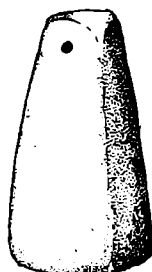
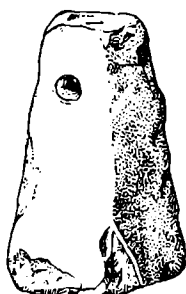
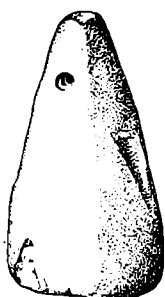
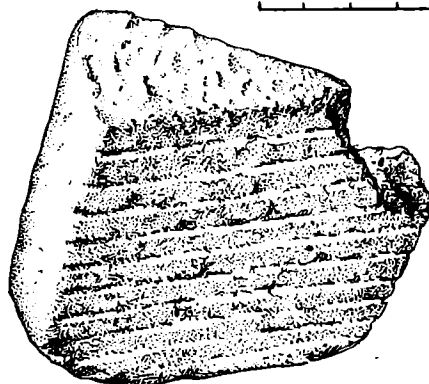
² К I в. н. э. относятся только два черепка: обломок венца синопской амфоры и дно амфоры из коричневой глины.

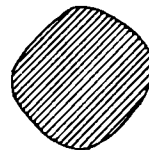
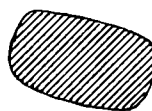
0 2 4 6 8 10 CM

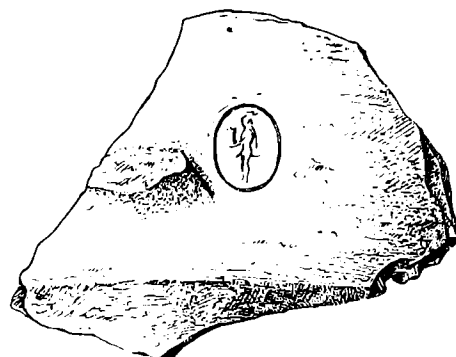
1

3

0 1 2 3 4 5 CM

2

Рис. 22. Жернова ручной мельницы (1), обломок сосуда с клеймом (2) и грузила (3). Второе слева грузило найдено в первом слое, остальные происходят из второго слоя

Второй культурный слой (верхний пласт того же коричневатого суглинка), залегающий на глубине от 1,03—1,40 до 1,60—1,90 м, заключал по большей части такие же находки VI—II вв. до н. э. Отложившийся, нужно думать, также в III—II вв. до н. э., этот слой, видимо, сильно перекапывался в первых веках нашей эры и, кроме того, испытал некоторые повреждения и в более позднее время.

Во втором слое обнаружены многочисленные обломки остродонных амфор: хиосских, боспорских, фанагорийских, гераклейских, синопских, косских и меотских сероглиняных; они относятся главным образом к VI—II вв. до н. э., но встречались также черепки амфор I в. н. э. и позднеантичных (реберчатых). Найдены были фрагменты сосудов: чернолаковых VI—III вв. до н. э. (в том числе коричневой глины), покрытых эллинистическим лаком II в. до н. э., краснолаковых II—I вв. до н. э., «мегарской» чаши, простых тонкостенных (среди них фанагорийской работы), сероглиняных (в том числе лощеных), из коричневой и грубой черной глины и обломки блюда для рыбы из черной глины. Упомянем также куски пифоса, синопского лутерия, черепиц боспорских, синопских, фанагорийских и обломки херсонесского солена. Особо следует отметить находки двух небольших, очень узких пирамидальных грузил и одного обычной пирамидальной формы грузила из боспорской глины (рис. 22—3, все, кроме второго слева). Интересен также обломок боспорской терракотовой статуэтки воина, держащего большой овальный щит. Наконец, отметим находки двух пантикапейских медных монет — середины III и II вв. до н. э. (А. Н. Зограф, табл. XLI, 9 и XLII, 10), бронзовой шляпки гвоздя, астрагалов, раковин *Surgaea mopea*, устриц, мидий и костей животных.

Третий культурный слой относится к средневековому периоду. Он состоит из гумированного суглинка коричневого цвета, залегающего на глубине от 0,22—0,79 м до 1,03—1,40 м. В нем обнаружены сильно поврежденные остатки построек: развалы фундаментов и кучи камней. В расположении их заметна некоторая закономерность: развалины по большей части вытянуты в широтном направлении, один развал (№ 5) — в меридианальном.

Состоящий из рваного камня, известняка и плитняка развал фундамента № 1 обнаружен на протяжении 2,05 м. Глубина подошвы 1 м, высота 0,31 м, ширина около 0,50 м.

Развал № 2 состоит из небольших камней, расположенных в два ряда. Глубина его подошвы 1 м, высота 0,20 м, ширина 0,36 м, в длину он выявлен на 0,40 м.

Группа довольно крупных рваных камней и валунов (№ 3) занимала пространство 1,12 м в длину и 0,74 м в ширину. Глубина ее подошвы 1,10 м, высота 0,45 м. Среди камней обнаружена часть угла корыта, выдолбленного из известняка. Высота, длина и ширина обломка равнялась 0,30 м. Толщина стенок была 0,11 м и 0,16 м, глубина корыта 0,17 м.

Развал фундамента № 4, выявленный на 1,2 м в длину, состоял из камней средней величины и в большей своей части был впущен во второй слой. Ширина достигает 0,80 м, глубина подошвы 1,20 м, высота 0,20 м.

Развал фундамента № 5 из небольших плитняковых камней имеет в длину 1,74 м, в ширину 0,90 м, глубина подошвы 1 м, высота 0,40 м.

Развал фундамента № 6 состоит из небольших известняковых и плитняковых камней. Длина его достигает 2,60 м, ширина колеблется от 0,51 м до 1 м. Глубина подошвы 0,96 м, высота 0,22 м.

В третьем слое обнаружены обломки различных предметов средневекового и особенно античного времени. К ним принадлежали черепки остродонных амфор от конца VI в. до н. э. до позднеантичного времени, а именно: хиосских, боспорских, фанагорийских, гераклейских, синопских,

косских, родосских (в том числе с клеймом), меотских сероглиняных, т. н. «колпачковых», синопских римского времени, реберчатых, рифленых; упомянем ручку амфоры с клеймом в виде кружка. Далее следует отметить фрагменты расписной керамики: ионийской VI—V вв. до н. э. и эллинистической, чернолаковой от VI до III в. до н. э., краснолаковой II—I вв. до н. э., «мегарских» чаш, край сосуда с рельефным орнаментом в виде овов, обломки простой тонкостенной посуды и красноглиняных чаш первых веков н. э., черепки сосудов и кастрюль из коричневой глины, сероглиняных (среди которых также части кастрюль); примечательно, что на одном черепке сероглиняного сосуда имеется сверленное отверстие — явный след древней починки. Кроме того, были найдены обломки синопских лутериев и мисок, фрагменты боспорского лутерия, фанагорийского флакона и довольно большой витой ручки из фанагорийской глины; черепки лепной посуды из грубой черной глины — блюд для рыбы и сосудов, среди которых один с орнаментом по краю в виде насечки, а другой с ямочным орнаментом. Далее отметим куски черепиц: боспорских (одна из которых с клеймом), синопских и фанагорийских, в том числе калиптера, покрытого белой облицовкой, обломки пифосов, светильников (среди которых имеются из фанагорийской глины), а также пряслица, верхнюю часть боспорской терракотовой статуэтки и керамический круглый предмет с отверстием посередине, представлявший собой либо пряслице, либо колесико от терракотовой игрушечной повозки.

К средневековой керамике надо отнести обломки амфор, в том числе верхней части амфоры с вырезанной на ней надписью, по всей видимости, славянской. На черепке другого сосуда процарапано изображение креста. Кроме того, найдены фрагменты средневековых кувшинов и куски браслета из синего стекла.

В этом же слое был обнаружен уже упоминавшийся раньше обломок верхнего жернова-толкача. Наконец, следует упомянуть находки медных монет: двух пантикапейских, второй половины IV и середины III вв. до н. э. (А. Н. Зограф, табл. XLI, 5) и трех не античных, астрагалов и костей животных.

Помимо отдельных повреждений верхние пласты земли по всей поверхности раскопа были основательно перерыты в новое время. Они представляли собой гумированный суглинок коричневатого цвета, содержащий различные находки: античные (главным образом периода Спартокидов), средневековые и нового времени. Большие и мелкие обломки новой черепицы и современного кирпича встречались в значительном числе в северной части раскопа на глубине до 0,79 м, в южной — до 0,22 м. Отдельные повреждения культурного слоя достигали глубины 2,20 м.

Обломки древней керамики в верхнем пласте по большей части сильно измельчены и имеют довольно острые края (окатанные черепки встречаются редко). Найдено много фрагментов остродонных амфор от VI в. до н. э. до первых веков нашей эры, в том числе хиосских, гераклейских, синопских, родосских, фанагорийских, синопских римского времени. Попадались единичные черепки реберчатых и рифленых сосудов. Обнаружен обломок плоской ручки большого сосуда, вероятно средневековой амфоры. В небольшом количестве встречались обломки чернолаковых сосудов VI—IV вв. до н. э., коричневого лака, краснолаковых II и I вв. до н. э., черных лощеных, сероглиняных и в несколько большем числе — из грубой черной и коричневой глины. Особо следует упомянуть черепок местного сосуда из коричневато-красноватой глины, украшенного резным сетчатым орнаментом. Далее следует отметить несколько фрагментов боспорских черепиц, куски сырца, обломок стеклянного браслета, два астрагала и, наконец, кости животных и птиц.

Таким образом, культурные напластования в раскопе сравнительно мало насыщены строительными остатками; развалы фундаментов были обнаружены только средневекового времени. К античному периоду — III—II вв. до н. э. — относится очень интересный хозяйственный комплекс, состоящий из ручной мельницы, очага и битых амфор. Вещевые находки, особенно обломки керамики, довольно обильны, причем наиболее ранние из них относились к концу VI в. до н. э. Встречались также предметы V, IV и особенно III и II (может быть, II—I) вв. до н. э. Находки первых веков нашей эры немногочисленны. Среди всех предметов античного времени заметно выступает значительное количество изделий боспорских городов, а также привезенных из метрополии при весьма небольшом числе обломков местной продукции. Наконец, следует отметить группу средневековых находок — тмутараканского времени.

Южный раскоп был разбит на расстоянии 91 м на юг (с незначительным отклонением к востоку) от северо-восточного раскопа. Прямоугольный по форме раскоп размером 8 × 4 м был вытянут в направлении с севера на юг. Работы были доведены до материка — желтоватого плотного суглинка, обнаруженного на глубине от 0,35 до 1 м. Культурный слой, в основном состоявший из гумированного коричневого суглинка, заключал сравнительно небольшое количество находок античного времени.

Средневековые предметы встречались очень редко единицами. Современные находки (обломки черепицы, кирпича, стеклянной и глиняной поливной посуды, гвозди, часть подковы), попадавшиеся главным образом в верхних напластованиях, доходили до глубины 0,80 м.

На раскопе не было обнаружено остатков каких-либо древних построек и даже сколько-нибудь существенных строительных материалов. Находки представлены почти исключительно керамикой. По всей видимости, все они относятся к одному культурному напластованию, заключившему обломки предметов от VI до II в. до н. э. К ним принадлежали черепки остродонных амфор, главным образом VI—V вв. до н. э. и III—II вв. до н. э., хиосских, фанагорийских, синопских, сероглиняных меотских, простой тонкостенной посуды, сосудов из грубой глины, лутериев, керамики чернолаковой VI—V вв. и III—II вв. до н. э., краснолаковой II в. до н. э., обломков мелкофигурного килика VI в. до н. э. и фрагмент ручки ионийской расписной вазы также VI в. до н. э. Особо следует отметить обломок сосуда из коричневато-желтоватой глины груборифленный, возможно посредством пучка соломы; этот обломок датируется Н. В. Анфимовым VII—VI вв. до н. э. Среди находок упомянем пантикапейскую медную монету II в. до н. э. (А. Н. Зограф, табл. XLI, 12), черепок посуды с средневековой зеленой поливой и кости животных.

Таким образом, наиболее ранние находки относятся к VI—V вв. до н. э. (один черепок VII—VI вв. до н. э.). Предметов конца V—IV вв. до н. э. найдено немного. Значительно больше вещей III—II вв. до н. э. В целом культурный слой весьма беден. Это заставляет думать, что в древности территория, где он находится, вероятно, представляла собой пустырь на окраине поселения.

Произведенные в 1950 г. раскопки затронули сравнительно небольшую площадь поселения (около 118 м²), в силу чего намечаемые выводы не могут быть окончательными.

Единичная находка обломка груборифленного сосуда из коричневато-желтоватой глины, относящегося к VII—VI вв. до н. э., позволяет предполагать, что урочище было освоено синдами еще до возникновения боспорских городов. Остальные находки, несомненно, связаны с поселениями, существовавшими здесь в античную эпоху и в тмутараканское время. Наиболее оживленным рассматриваемое поселение было в конце VI—I вв. до н. э.,

преимущественно в конце VI в. до н. э. и первых десятилетий V в. до н. э. и особенно в III—II вв. до н. э. Позднее (в первых веках нашей эры и, вероятно, в раннее средневековье) жизнь несколько замерла, но, по всей видимости, не прекращалась, оживившись в тмутараканскую эпоху.

Находки позволяют заключить, что в хозяйстве поселения видное место занимало земледелие, для обработки продуктов которого служила и найденная ручная мельница. О скотоводстве свидетельствуют находки костей домашних животных. Кости, большей частью в сильно раздробленном состоянии, являются кухонными отбросами. Согласно определению В. И. Цалкиным костного материала, состав стада представляется следующим:

Крупный рогатый скот	33 кости	от 9 особей
Мелкий " "	23 "	от 8 "
Лошадь	13 "	от 3 "
Свинья	5 "	от 3 "

Кроме того, были найдены кости хорька, птиц и рыбы (4 экз.), а также раковины моллюсков — устриц, мидий и кардиум¹.

О развитии рыбной ловли свидетельствуют находки костей рыб и глиняных грузил, в том числе очень своеобразных — узких, пирамидальной формы.

Следует также отметить находку обломка пряслица, связанную с ткачеством.

Керамический материал античного времени позволяет установить, из каких центров привозились изделия. Прежде всего следует упомянуть об обломках остродонных амфор и иной посуды боспорской и фанагорийской работы и сероглиняных меотских амфор. В значительном числе обнаружены фрагменты амфор хиосских, гераклеиских, синопских, херсонесских, косских, родосских, ионийской расписной посуды, аттической чернолаковой и малоазийской краснолаковой. Заслуживает внимания наличие различных образцов простой красноглиняной боспорской и фанагорийской посуды. По сравнению с керамикой античного типа местная посуда из грубой глины встречается в крайне малом количестве. Сравнительно невелико число кусков черепиц. Однако примечательно, что она доставлялась из различных центров — Боспора, Фанагории, Синопы и в небольшом числе из Херсонеса. Большой интерес представляет обломок фанагорийского калиптера с белой облицовкой — дешевая имитация дорогостоящей мраморной черепицы.

Все обнаруженные монеты — античные, пантикапейской чеканки от IV до II в. до н. э.

В общем находки на исследованном синдском поселении мало чем отличаются от находок в культурных напластованиях окраинных частей больших боспорских городов. Это позволяет предполагать наличие интенсивных экономических связей между городами Боспора и прилежащими сельскими

¹ Вследствие того, что верхние напластования поселения сильно перекопаны и ненадежны в стратиграфическом отношении, пришлось брать для определения только кости из первого слоя, в основном относящиеся к VI—II вв. до н. э.

Незначительное число находок не дает права делать какие-либо статистические заключения. Если же прибавить определенный В. И. Цалкиным остеологический материал с близкого по времени соседнего (Суворовского Второго) поселения, раскапывавшегося в 1950 г., то в целом получится следующий состав стада:

Мелкий рогатый скот	12 особей	(37,5%)
Крупный " "	11 особей	(34,4%)
Лошади	5 особей	(15,6%)
Свиньи	4 особи	(12,5%)

местностями на азиатском берегу во всяком случае в конце VI—II вв. до н. э. Вместе с тем можно думать и об известном сходстве потребления необходимых продуктов и предметов быта рядового (ремесленного, а, вероятно, отчасти и сельскохозяйственного) населения городов и окрестных поселений. Это обстоятельство представляется нам весьма существенным для учета условий, при которых происходило включение синдов в Боспорское государство при Левконе I.

В заключение следует отметить некоторый подъем в жизни поселения в тмутараканский период. Среди находок к этому времени относится верхняя часть амфоры с вырезанной на ней славянской надписью.

С. С. ЧЕРНИКОВ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1950 г.

Восточный Казахстан — территория, расположенная между Алтаем и Семиречьем, уже по своему положению и природным условиям (хорошие и разнообразные пастбища, месторождения металлов и т. п.) играл важную роль в историческом развитии племен и народов степной полосы Западной Азии. В работах последних лет отмечено большое количество памятников древности разных эпох, свидетельствующих о непрерывности и интенсивности протекавшей здесь жизни, начиная с верхнего палеолита, и о своеобразном пути исторического развития общества, ведущей формой хозяйства которого уже с начала I тысячелетия до н. э. было кочевое скотоводство¹.

Задачей экспедиции 1950 г. являлось обследование долины Иртыша от устья р. Бухтармы до оз. Зайсан, с детальной археологической разведкой отдельных участков и выборочными раскопками наиболее интересных памятников разных эпох от палеолита до тюркского времени.

Среди пунктов, где проводились работы, необходимо отметить следующие:²

1. Три верхнепалеолитические стоянки: у дер. Пещеры (на р. Бухтарме в 12 км выше устья), у дер. Ново-Нижольское (на правом берегу Иртыша в 50 км вверх от Бухтармы) и у аула Канай.

Первая расположена на террасе правого берега Бухтармы, у входа в неглубокую карстовую пещеру, вымытую в известняковом массиве (отсюда и название деревни). Перед широким и высоким входом в пещеру, обращенным на запад, был заложен небольшой раскоп размером 8 × 3 м, давший следующее чередование слоев: под тонким (10—15 см) почвенным слоем находился плотно слежавшийся завал обломков известняка, вперемежку с большими глыбами, залегающий непосредственно на материковой скале. Почти у входа в пещеру скала выходит на поверхность, понижаясь по мере удаления от пещеры. В 15 м от нее она круто обрывается книзу и перекрывается желтоватым суглинком, из которого сложена терраса р. Бухтармы. Найденные здесь палеолитические орудия залежали на глубине от 0,6 м (в восточном краю раскопа, ближе к входу) до 1,7 м (в западном), что

¹ См. отчеты Восточно-Казахстанской экспедиции в Известиях АН Казахской ССР (серия археологическая) № 1, 2, 3. Алма-Ата, 1948—1951 гг. и КСИИМК, вып. XXXVII.

² Экспедиция была организована ЛОИИМК АН СССР совместно с Институтом истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. В полевых работах принимали участие также студенты Казахского гос. университета.

соответствует мощности обломочного слоя. Какой-либо закономерности в расположении находок замечено не было, не найдено также и следов кострища, хотя отдельные угольки попадались по всему раскопу. В раскопе обнаружены изделия из камня и кости (рис. 23, 1—6): дисковидный скреблок, миниатюрная прямоугольная пластинка без ретуши, орудие типа остроконечника, отщеп с боковым подретушированным выступом, небольшой нуклеус пирамидальной формы, ножевидная пластинка, отщепы, частью со следами подправки режущего края, узкий обломок трубчатой кости с заполированным от работы острием, три обломка костяных орудий со следами заполировки. Один из них, судя по толщине кости (трубчатой), сделан, вероятнее всего, из кости мамонта или носорога. Найден также пест или терочник, представляющий собой массивную продолговатую гальку со следами работы на обоих концах. Материал каменных орудий — черный кремнь и зеленоватая кварцитовидная порода. В раскопе встречено и небольшое количество костей животных: бизона (*Bison priscus deminutus*), пещерного льва (*Felis spolea*), собаки или волка¹.

Вторая стоянка находится в одном километре на северо-запад от деревни Ново-Никольское. В этом месте долина Иртыша достигает 1 км ширины и сложена аллювиальными суглинками, образующими 3—4-метровый уступ, почти у самой береговой линии.

В раскопе размером 3 × 5 м, заложенном в обрыве берега на месте сухой промоины, образованной вешними водами, выявлено следующее чередование слоев: сероватый суглинок 0,4 м; желтоватый суглинок более плотной структуры 0,4—0,6 м; серые глинистые отложения. Раскоп пройден до глубины 1,7 м. Находки палеолитических орудий залегали в желтоватом суглинке и серой глине на глубине 0,9—1,6 м без всяких признаков культурного слоя. Помимо орудий найдено всего лишь три обломка трубчатой кости млекопитающего, определить которого не удалось. Создается впечатление, что стоянка находилась где-то выше, а содержимое культурного слоя (или части его) было снесено к береговому обрыву вешними водами.

В раскопе найдены следующие орудия (рис. 23—7—19): массивное скребло подтреугольной формы с выпуклым рабочим краем, обработанным грубой ретушью; массивное рубилообразное орудие с режущим боковым краем, сделанное из целой гальки; орудие в виде маленького рубильца с ретушью по одному краю; орудие типа остроконечника с ретушью; отщеп подтреугольной формы с ретушью; призматический нуклеус с ретушью на узкой грани; удлиненные пластинки, сколотые с призматического нуклеуса (16 экз.), одна из них с ретушью; орудие типа остроконечника, миниатюрный нуклеус и отщепы без ретушировки.

Палеолитические орудия также найдены на мысу первой террасы Иртыша в 1 км к западу от аула Канай (в 70 км выше Ново-Никольского). Стоянка, видимо, была полностью уничтожена расположенным на этом же месте позднеандроновским поселением.

Среди случайных находок — скребловидное орудие подтреугольной формы с заостренным концом и ретушью по краю, два отщепа с ретушью, кости бизона (*Bison priscus longicornis*) и оленя (*Cervus canadensis asiaticus* и *Cervus elaphus*). Наличие фауны позволяет ставить вопрос о бывшей здесь когда-то стоянке.

Относительная хронология обнаруженных стоянок еще не вполне ясна, хотя несомненно, что все они относятся к концу верхнего палеолита. Повидимому, стоянка у дер. Пещеры несколько древнее; это можно сказать,

¹ Определение всех костей животных произведено научным сотрудником Института зоологии АН Казахской ССР М. Д. Бирюковым.

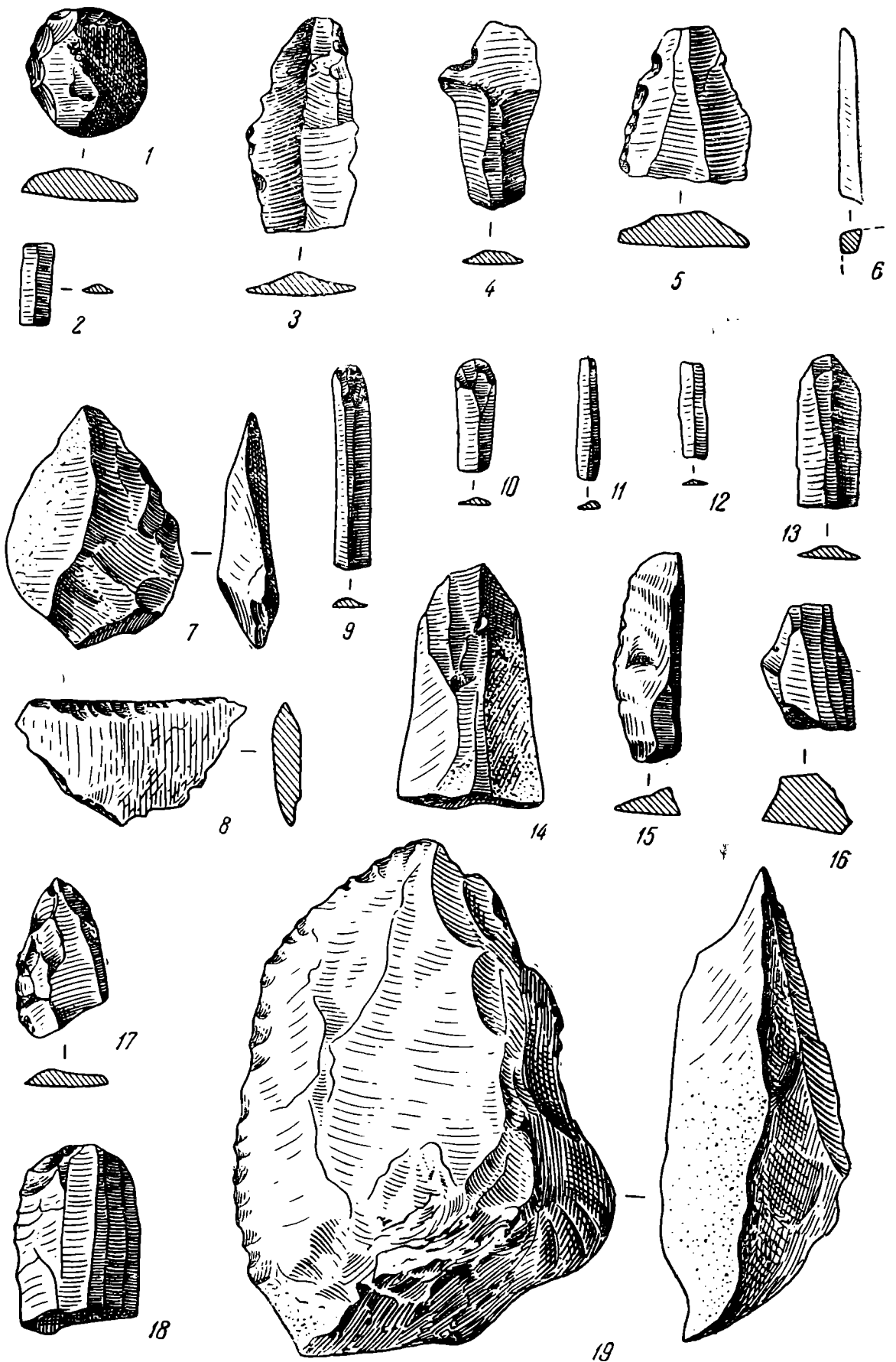

Рис. 23. Палеолитические орудия

1—6 — с местонахождения у дер. Пещеры; 7—19 у с. Ново-Никольского

учитывая ее местонахождение, характер орудий и находку обломка кости мамонта или носорога. Уточнить датировку позволят только дальнейшие раскопки.

Найденные на обеих стоянках орудия имеют ближайшую аналогию в стоянках Сростки на Алтае¹, Афонтовой Горе и Бирюсе на Енисее².

Аналогичны не только отдельные типы орудий, но весь комплекс. И там и здесь мы видим, наряду с мелкими ножевидными пластинками, призматическими нуклеусами и круглым скребочком, массивные грубо обитые скребла. Это является характерной чертой сибирского палеолита и сближает исследованные стоянки с этим кругом памятников.

Мы можем датировать их послеледниковым временем. Долины рек Западного Алтая, в частности Бухтармы, вырабатывались заполнявшими их ледниками и, следовательно, в ледниковый период не могли быть заселены человеком³. Есть все основания предположить, что здесь мы имеем дело с первым заселением Восточного Казахстана. Трудно представить, чтобы заселение этой территории происходило в доледниковую эпоху, когда, вероятно, только заканчивались глыбовые поднятия массивов алтайских гор и тектоническая деятельность должна была быть очень интенсивной.

2. Следы неолитических стоянок были обнаружены у сел Мало-Красноярки, Усть-Нарыма, Кула-Журги, Чистого Яра, Трушникова, Юпитера и на берегу оз. Зайсан (на мысу Куржун). Все они расположены на краю первой террасы Иртыша на дюнах, а на оз. Зайсан у самой береговой линии. Пробные раскопки у Мало-Красноярки и Усть-Нарыма показали, что культурный слой поселений развешен. В чистом песке, главным образом на поверхности и до глубины 0,8—1 м, встречаются каменные орудия микролитических форм, большей частью из черного кремня и реже небольшие, частью полустертые песком, обломки глиняных сосудов. Количество найденных орудий невелико: около ста в Мало-Красноярке и Усть-Нарыме и от 3 до 20 на остальных пунктах.

Типы орудий следующие: ножевидные пластинки, сколотые с призматического нуклеуса, частично с ретушью; скребочки иногда дисковидные, высокие на отщепках, концевые на пластинках; призматические нуклеусы, проколки из сильно подретушированной пластинки, тонкие отщепы неопределенных форм с частичной ретушью. Все орудия размером от 0,5 до 5 см. Обращает на себя внимание полное отсутствие наконечников стрел, характерных для большинства микролитических стоянок Казахстана. Особо нужно отметить находку в Мало-Красноярке двух ножей. Один из них, длиной 11 см и шириной 2,5 см, имеющий форму лезвия финского ножа, сделан четырьмя точными сколами с последующей подретушевкой по краю. Конец лезвия зашлифован от работы. Характер шлифовки позволяет сделать предположение, что нож употреблялся при разделке рыбы. Изготовлен он из зеленовато-серой мелкокристаллической породы. Второй нож той же длины, но шириной в 4 см, сколот с крупного нуклеуса из розового кварцита, гораздо более массивен и более грубой обработки. Конец лезвия закруглен.

---

¹ Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у дер. Сростки на р. Катунь. МИА СССР, № 2, 1941, стр. 109.

² Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора II. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. I, Л., 1932 г., стр. 43; Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа. Сб. Палеолит СССР. Изв. ГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935.

³ В. П. Нехорошев. Древнее оледенение Алтая. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. I, Л., 1932, стр. 23. Его же. Геологическое строение и экономические перспективы бассейна Верхний Иртыша. Записки Семипалатинского отд. Об-ва изучения Казахстана, 1931, т. 2, вып. 19, стр. 49.

Найденные обломки глиняных сосудов немногочисленны, малой величины и не дают возможности определить формы керамики и характер орнаментации. Часть сосудов весьма похожа на андроновские, с отпечатками широкого зубчатого и гладкого штампов, часть орнаментирована рядами мелких вдавлений со сплошным покрытием поверхности отпечатками, напоминающими оттиски неглубокого зубчатого штампа, ногтевыми зажимами и следами затирания поверхности травой. Орнаментация не характерна для андроновской культуры и несомненно относится к более раннему времени.

Археологические материалы неолитических стоянок верховий Иртыша значительно отличаются от материалов стоянок того же типа в Западном и Центральном Казахстане (Кайран-Куль, стоянки Тургая, Кустаная и т. п.). Здесь очень мало пластинок с ретушью, нет наконечников стрел, грубее обработка, большинство орудий из черного кремня, а не из пестроцветных пород.

Однако это такие же кратковременные стоянки рыболовов и охотников, имевших каменные орудия микролитических форм и уже изготовлявших глиняную посуду. Технические приемы обработки камня связаны с приемами предшествующего верхнепалеолитического времени. Верхнеиртышские стоянки относятся к той неолитической культуре, характерные черты которой все яснее прослеживаются на большей части территории Казахстана. Эта культура, общая в своих главных признаках, несомненно имела в разных районах своего распространения локальные и хронологические различия. Один из таких вариантов мы и наблюдаем здесь.

3. Нами также были продолжены раскопки позднеандоновских поселений у Мало-Красноярки, начатые в 1947 г.¹, и обнаружено еще одно поселение у аула Канай выше по Иртышу.

В Мало-Красноярке раскоп 1947 г. был расширен на восток и север (всего раскопано 62 м²). Четких следов землянки обнаружить не удалось. В раскопе найдена большая гранитная ступа, вокруг которой двумя неправильными рядами шли ямки от столбов. Повидимому, здесь была какая-то хозяйственная пристройка. В северной части раскопа зачищены две ямы и четыре зольных пятна. Одно из них имеет вытянутую овальную форму 1,4 × 0,4 м. В центре пятна находится несколько закопченных гранитных плит, вкопанных на ребро и образующих нечто вроде прямоугольного очага.

Культурный слой, почти не отличающийся от материка (беловатый лёсс), равномерно насыщен обломками глиняной посуды и костями животных. Из отдельных находок необходимо отметить: массивное бронзовое тесло пальштабообразной формы, бронзовый нож казахстанского типа с отверстием на рукоятке, обломок каменной зернотерки, цилиндрический каменный пест, 3 обломка «тупиков» из челюсти быка и другие предметы. Характер керамики тот же, что и обнаруженной в 1947 г. Наряду с типично андроновскими мотивами орнаментации, встречаются валики с насечками, только круглые выпуклости, ногтевой орнамент, косые нарезки по венчику, сетка из оттисков гребенчатого штампа. Обнаружены сосуды и без орнамента.

Особо нужно остановиться на находке фрагментированного острореберного сосуда, украшенного по ребру четырьмя близко посаженными продолговатыми вдавлениями. Рядом с ними процарапаны (до обжига) непонятные зигзагообразные знаки. Этот сосуд по своей форме и характеру орнаментации резко отличается от всей остальной керамики поселения (рис. 24).

¹ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г. Изв. АН Казахской ССР (серия археологическая), вып. 2, Алма-Ата, 1950, стр. 37.

Найденные кости животных в процентном отношении распределяются следующим образом: лошадь 25%, бык 25%, овца 42,5%, архар 2,5%, марал 5%; домашних животных 92,5%, диких 7,5%.

Второе поселение находится в 2 км на запад от аула Канай на мысу песчано-суглинистой террасы Иртыша; территория его сильно испорчена современными земляными работами. На мысу заложен раскоп площадью 42 м². На глубине 0,45 м обозначилось зольное пятно размером 3 × 6 м, резко выделявшееся на фоне желтоватого суглинка материка. При расчистке оказалось, что раскопом затронута часть землянки с понижающимся к центру полом (другая часть землянки уничтожена).

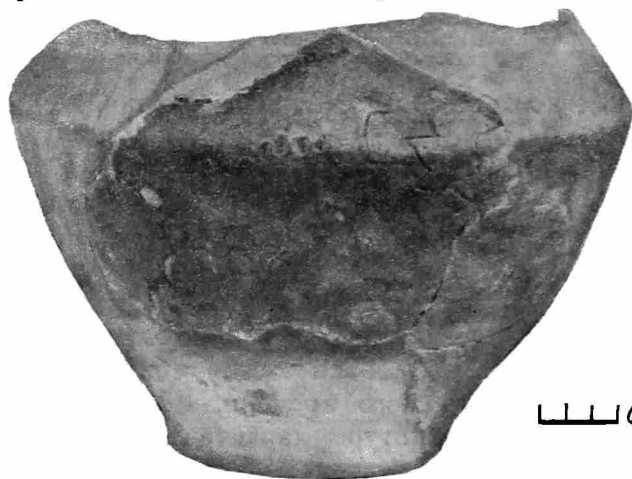

Рис. 24. Сосуд с процарапанными знаками из позднеандроновского поселения у М. Красноярки

На всем пространстве пола большое количество углистых и зольных пятен (следы пожара). Ямок от столбов обнаружено не было. Примерно в центре землянки находилось несколько слегка обожженных

камней. Вход, видимо, был с севера, со стороны реки. В 200 м на юг от землянки находилось большое количество медных шлаков (к сожалению, культурный слой почти уничтожен современными работами). Собраны образцы шлака с корольками меди и включениями кварца и окры, что подтверждает гипотезу об употреблении их в качестве флюса при плавке¹. В раскопе найдено большое количество костей животных и обломков глиняных сосудов. Характер керамики в основном тот же, что и в Мало-Красноярке, однако здесь на сосудах преобладает чисто андроновский орнамент. Посуды без орнамента нет, валики и выпуклости встречаются значительно реже. Из орудий нужно отметить: обломок гранитной зернотерки, плоскую каменную хорошо отшлифованную ступку, маленькую круглую песчаниковую ступку, баранью лопатку со срезанными выпуклостями — совок, круглое пряслице, сделанное из обломка сосуда с гребенчатым орнаментом, и заостренные кости со следами работы. Процентное соотношение костей животных следующее: лошадь 1,51%, бык 46,81%, овца 21,14%, архар 21,14%, *Gazella subgutturoga* 6,04%, *Bison priscus deminutus* 3,02%. Домашних животных 69,46%, диких 30,20%².

В 1 км на юг от поселения, ближе к Нарыньскому хребту, находится одновременный поселению могильник, где было раскопано 4 кургана, имеющих характерные андроновские кольца из камней. Все курганы ограблены. Только в кургане № 3 обнаружены кисть и локтевые кости руки, глиняный сосуд банкообразной формы с орнаментом в виде семи рядов зигзага, нанесенных гребенчатым штампом. В засыпи найдена бронзовая бузина и маленький неопределенный кусочек бронзы.

В курганах № 2 и № 4 встречены обломки сосудов андроновского типа, один из них украшен валиком.

¹ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. 1949, стр. 50.

² Кости бизона, вероятно, надо связывать с бывшей на этом же месте палеолитической стоянкой.

Оба поселения по характеру керамики и орудий имеют много общего с Алексеевкой и могут быть датированы тем же позднеандоновским временем¹. Несомненно, что поселение у Мало-Красноярки является более поздним, чем Канайское. Об этом можно судить по орнаментации керамики (выпуклости, нарезки по венчику, полное отсутствие орнамента на части сосудов, что характерно уже для раннекочевнического времени), а также по соотношению костей животных. В Мало-Красноярке увеличивается количество овец и лошадей и резко уменьшается количество диких животных. Мы вправе предположить, что поселение у Мало-Красноярки относится ко времени, непосредственно предшествующему переходу андроновских племен к кочеванию. Переходный характер этого периода и отразился в керамике. Поселение у Канайского аула более раннее. В хозяйстве здесь большую роль еще играет охота. В керамике господствует чисто андроновская орнаментация.

4. Всего экспедицией раскопано в разных местах свыше 20 курганов ранних кочевников. Значительная часть их была ранее ограблена или не дала никаких сопровождающих предметов.

Наиболее интересны следующие:

На могильнике у пос. Усть-Бухтарминское раскопаны 2 кургана с насыпью из земли с камнем. На дне могильной ямы, глубиной около 2 м, в материковом граните выдалбливалось углубление 0,5—0,7 м вытянуто-овальной формы. Размер углубления 2,3—2,5 на 0,5—0,6 м. В это углубление и клался труп, после чего оно перекрывалось гранитными плитами, а яма засыпалась землей.

Курган № 5 (диаметр 5 м, высота 0,5 м) ограблен. В углублении найдено несколько костей человеческого скелета, обломок сделанного из мягкого хлористого сланца мусата с отверстием, две бронзовые пронизки усеченно-конической формы, железный крючок для подвешивания колчана и несколько крупинки красной охры.

Курган № 6 (диаметр 12 м, высота 1 м) потревожен узким грабительским ходом, окончившимся около ног скелета, где лежало несколько бараньих костей. В углублении обнаружен ориентированный на запад скелет женщины среднего возраста. Сохранность костяка плохая. На тазовых костях найдено круглое бронзовое зеркало. Ручка его имеет волнистый край и на конце стерженек со шляпкой, на котором сохранились остатки узкого ремня. На поверхности зеркала сохранилось несколько обрывков ткани от футляра. Под черепом обнаружены кусочки сильно перегнившего дерева, а на затылочной части черепа бронзовая булава с веретенообразным утолщением на конце, в котором проделано поперечное отверстие (рис. 25—1).

По всему комплексу вещей можно датировать эти курганы IV—III вв. до н. э., отметив, что здесь мы имеем еще один, ранее не встречавшийся, вариант раннекочевнических погребений.

В 4 км к северу от пос. Усть-Нарым, на краю песчаной террасы Иртыша находятся 4 больших (15—20 м) ограбленных ранее кургана. Все четыре окружены кольцами шириной в 1 м, выложенными из камней и отстоящими от кургана на 5—6 м. Между кольцом и насыпью одного из курганов была раскопана каменная выкладка неправильно-округлой формы (2×3 м). На глубине 1,10 м в могильной яме с округленными краями лежал скелет мальчика лет шести-семи европеоидного типа. При скелете найдены следующие предметы: у головы — плечевая кость барана, лежащая на остатках деревянного лотка или блюда (?), астрагал барана и сильно перержавленные железные удила с небольшими кольцами. У левой височной кости —

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1949.

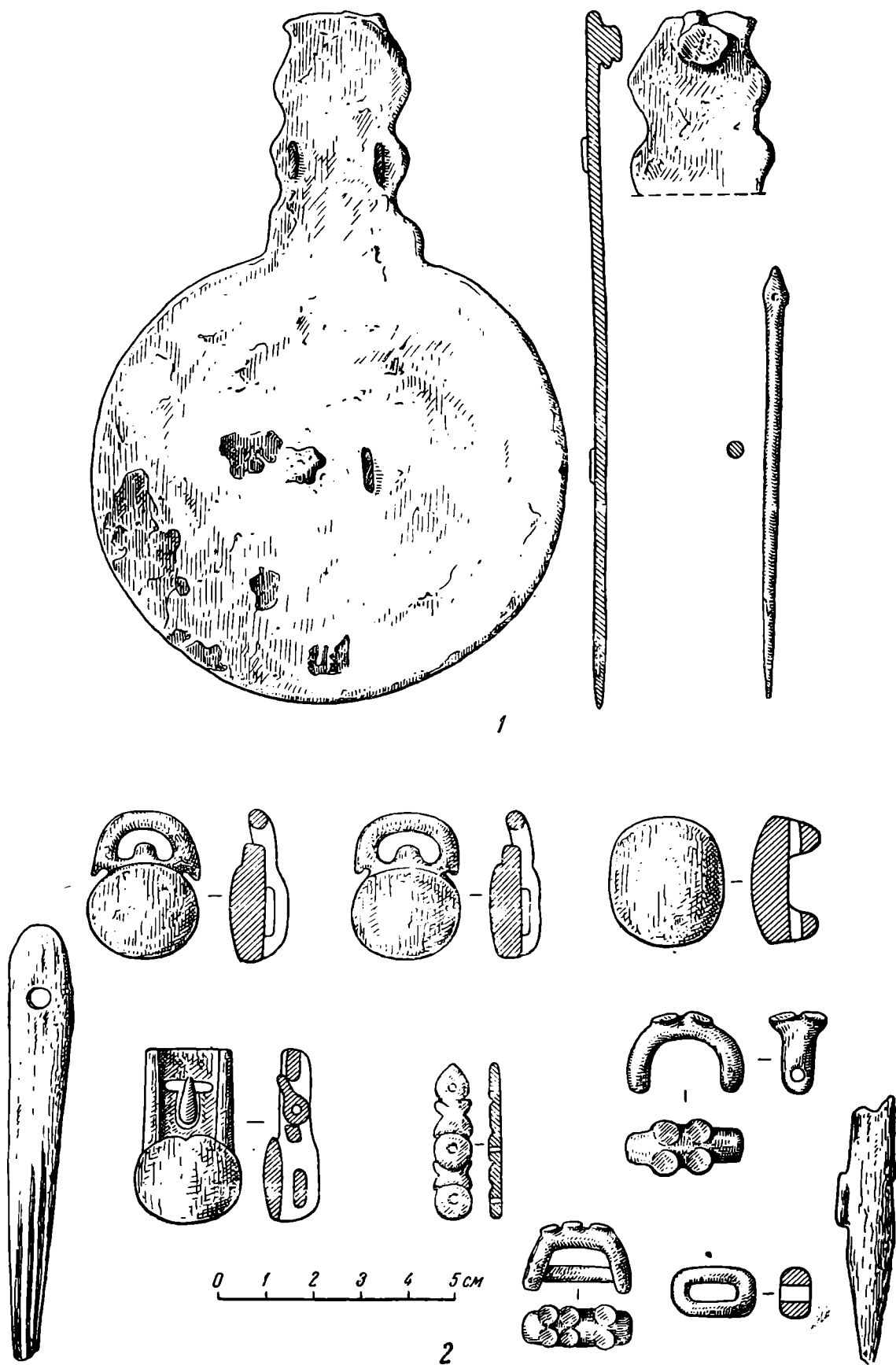

Рис. 25. Бронзовое зеркало и булавка из раннекочевнического кургана № 6 у пос. Усть-Бухтарминское (1) и предметы из кургана № 4 у пос. Усть-Нарым (2)

костяная серьга в виде полукруглого стерженька с отверстиями по концам. На его внешней стороне вырезано 4 выпуклых кружочка. Около таза — костяные украшения ремня: пряжка с подвижным язычком, две бляшки, имеющие форму замка с дужкой, круглая бляшка и прямоугольная пронизка. У правой руки: костяная поделка той же формы, что и серьга, но со стерженьком, вставленным в отверстия на краях дужки, и шестью выпуклыми кружочками в два ряда, стержень из козьего рога с отверстием и тонкая костяная пластинка в виде трех кружков с отверстиями и фигурными вырезами между ними. У левой руки остатки небольшого железного ножа со следами деревянных ножен (рис. 25—2). В ногах — половина черепа молодой самки архара, разрубленного вдоль, и кости передних ног.

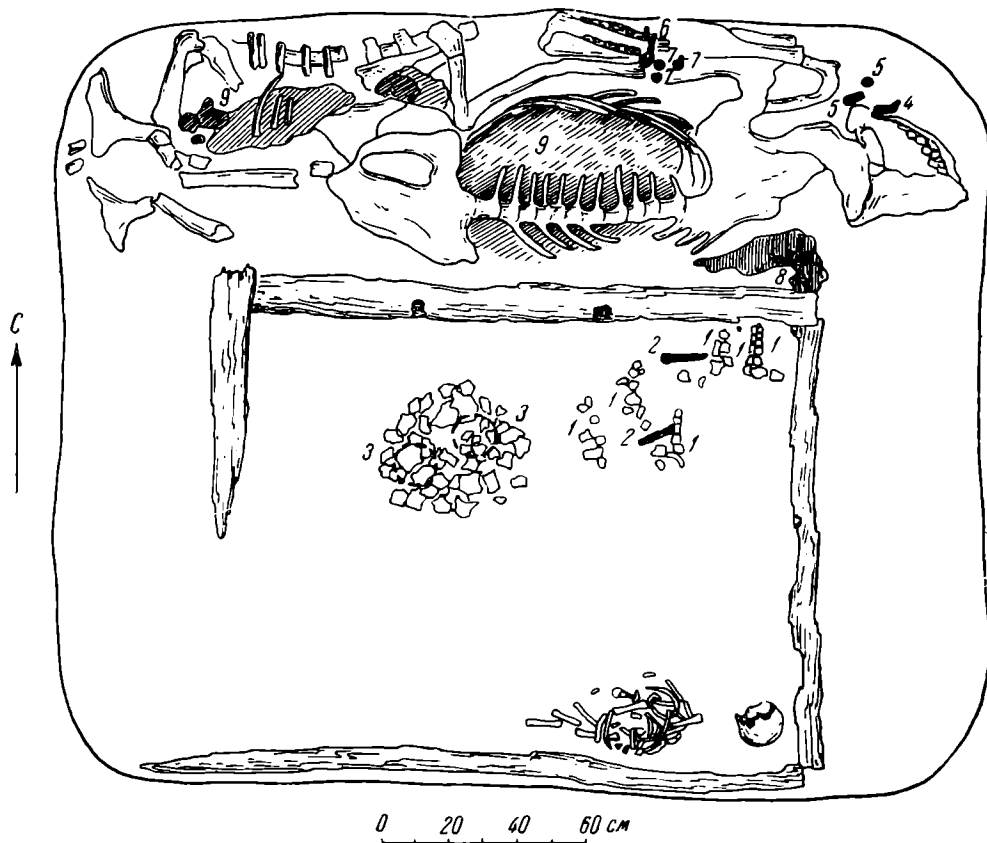

Рис. 26. План погребения с конем в кургане № 2 у колхоза Кызыл-Ту

1 — бараньи крестцы (курдюки); 2 — железные ножи; 3 — два раздавленных глиняных сосуда; 4 — бронзовые удила и псални; 5 — костяные бляшки узды первой лошади; 6 — железные удила; 7 — костяные бляшки узды второй лошади; 8 — остатки деревянных частей седла, выкрашенные охрой; 9 — остатки войлочных частей седла

Вторая такая же выкладка, раскопанная за кольцом другого кургана, дала вытянутое, ориентированное на запад, погребение девочки лет шести-семи. Никаких предметов с костяком найдено не было.

Обнаруженные в первой выкладке предметы ближайших аналогий не имеют. Подобного же типа круглые костяные бляхи найдены в позднесарматском погребении III в. н. э. у хутора Жерноклевского (Сталинградской обл.)¹. Принцип украшения ремня — таштыкский², а не тюркский

¹ Отчет 3-го отряда Волго-Донской экспедиции 1934 г. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. ИИМК, М.—Л., 1941 г., стр. 184, табл. XXVII, 1—6. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, табл. XXXVII.

(Кудыргэ, Туяхта, Курай, Капчалы) ¹. Все это позволяет датировать погребение первыми тремя веками нашей эры.

У колхоза Кызыл-Ту, расположенного на правом берегу Иртыша, между пристанями Баты и Камышинка, в группе из 12 курганов нами был раскопан курган с плоской каменной насыпью диаметром 8 м. Могильная яма, глубиной 2,55 м, имела квадратную форму с округленными углами и стороной 2,3 м (рис. 26). На дне выложен квадрат из четырех бревен диаметром 0,3—0,4 м, вплотную примыкавший к южной стенке. Внутри его, в юго-восточном углу, находился череп и кости скелета 2—3-летнего ребенка. Кости лежали беспорядочной кучкой и, видимо, были смещены грунтовой водой. На лобной кости черепа сохранилось небольшое количество медной зелени. Вероятно, на лбу или головном уборе была тонкая бронзовая пластинка. В центре квадрата, ближе к северной стороне, находились два раздавленные землей кринкообразные сосуда, выкрашенные яркой красной краской; в северо-восточном углу — 6 крестцов баранов (курдюки) и остатки двух сильно перержавленных железных ножей. Один из них — с кольцом на рукоятке. В северной части ямы, между ее стенкой и бревном, находились скелеты двух лошадей. Обе лошади были с трудом втиснуты в узкое (0,8 м) пространство, одна из них лежала на животе, с поджатыми ногами и изогнутой шеей, другая — с вытянутыми вперед передними ногами, положенной на них головой и вывернутыми вверх задними ногами. Между зубами первой лошади найдены бронзовые удила с небольшими кольцами и шишечкой на их внешней части. В кольца удил продеты два костяных заостренных к верхнему концу псаля с двумя круглыми отверстиями. Невдалеке от удил обнаружены три костяные бляшки: одна продолговатая с двумя отверстиями и две круглые с отверстием в центре. У второй лошади между зубами также вложены железные удила с кольцами, а на черепе — две такие же круглые костяные бляшки, с отверстием в центре. У хребта и ребер обеих лошадей сохранились следы войлочных седел темного цвета, а у шеи лошади — остатки деревянной пластинки, выкрашенной красной охрой. Несомненно, что лошади были положены в могилу взнузданными и оседланными.

Этот курган по инвентарю и характеру погребального обряда аналогичен знаменитым Пазырыжским курганам ² и, несомненно, оставлен теми же племенами. Разница только в социальном положении погребенного и в его возрасте: в Пазырыке, в погребении вождя, был сруб в несколько венцов и десяток лошадей между стенкой сруба и ямой, а в Кызыл-Ту при погребении ребенка ограничались одним рядом бревен, двумя лошадьми и более простой сбруей. Но и там и здесь лошади были с трудом втиснуты между северной стенкой ямы и срубом, положено большое количество пищи и поставлены сосуды с питьем.

В том же могильнике раскопан еще один курган (ограбленный), давший типично кулажургинский обряд погребения. На глубине 1,5 м обнаружен ящик из сланцевых плит, крышка которого была разбита и частично вытащена кверху. В ящике найдены отдельные кости мужского скелета.

5. Памятники тюркского времени, несмотря на их обилие в Восточном Казахстане, остаются до сего времени наименее изученными. Есть каменные изваяния тюрковского типа (Трушников, Чачан-обо, Себинка и др.). Известно большое количество тюркских курганов с каменной насыпью, один из них, у аула Кула-Журга, был раскопан в 1950 г., но оказался совершенно разграбленным. У Усть-Бухтарминского нами встречен курган с тремя

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. Тр. ГИМ, в. XVI, рис. 40, табл. III.

² М. П. Грязнов. Первый Пазырыжский курган. Л., 1950; С. И. Руденко. Второй Пазырыжский курган. Л., 1948.

рядами камней, столь характерными для Алтая и Минусинской котловины. У устья Бухтармы и в Кызыл-Ту найдены также и каменные ящики кудыргинского типа.

В каменном ящике у Кызыл-Ту обнаружено несколько человеческих костей со следами волчьих зубов. В дер. Свинчатка нам были переданы из разрушенного тюркского кургана: глиняный сосуд без орнамента, очень грубой работы, со слегка отогнутым венчиком, короткой шейкой и выпуклым туловом, три бронзовых уздечных пряжки с железными языками, бронзовая массивная пронизка и серебряная бляшка на медной основе с орнаментом «бараньи рога», столь часто повторяющимся на современных казахских сурмаках. Пряжки и серебряная бляха носят следы позолоты (рис. 27).

Рис. 27. Предметы из тюркского кургана у д. Свинчатка

6. В 1 км от колхоза Кызыл-Ту экспедицией был обнаружен новый пункт наскальных изображений. На гладких поверхностях сланца изображено большое количество неопределенных животных (лошадей?). В Кула-Журге, в дополнение к уже известным изображениям, найдено несколько новых. Из них необходимо отметить фигуру оленя, выбитую в «скифском зверином стиле» (рис. 28).

Материалами экспедиции 1950 г. полностью подтверждаются выводы, сделанные на основе предыдущих исследований¹. Вместе с тем можно добавить следующее:

1. На территории Восточного Казахстана человек существует, начиная с эпохи верхнего палеолита. Однако непрерывность существования отнюдь не означает непрерывности развития. Одним из таких переломных момен-

¹ С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция, КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 144.

тов в исторической жизни общества был переход к кочеванию. Развитие локальных групп раннекочевнических племен, которые удалось сейчас выделить¹, не было прямолинейным, и, хотя все они являются потомками андроновских племен, исторические судьбы их были разные. В частности пазырыкские племена, хоронившие своих вождей в глухих долинах Алтая, но владевшие верховьями Иртыша, а может быть и еще большей территорией, сменились здесь кулажургинскими племенами, материальная культура которых обнаруживает тесные связи с семиреченскими усунями.

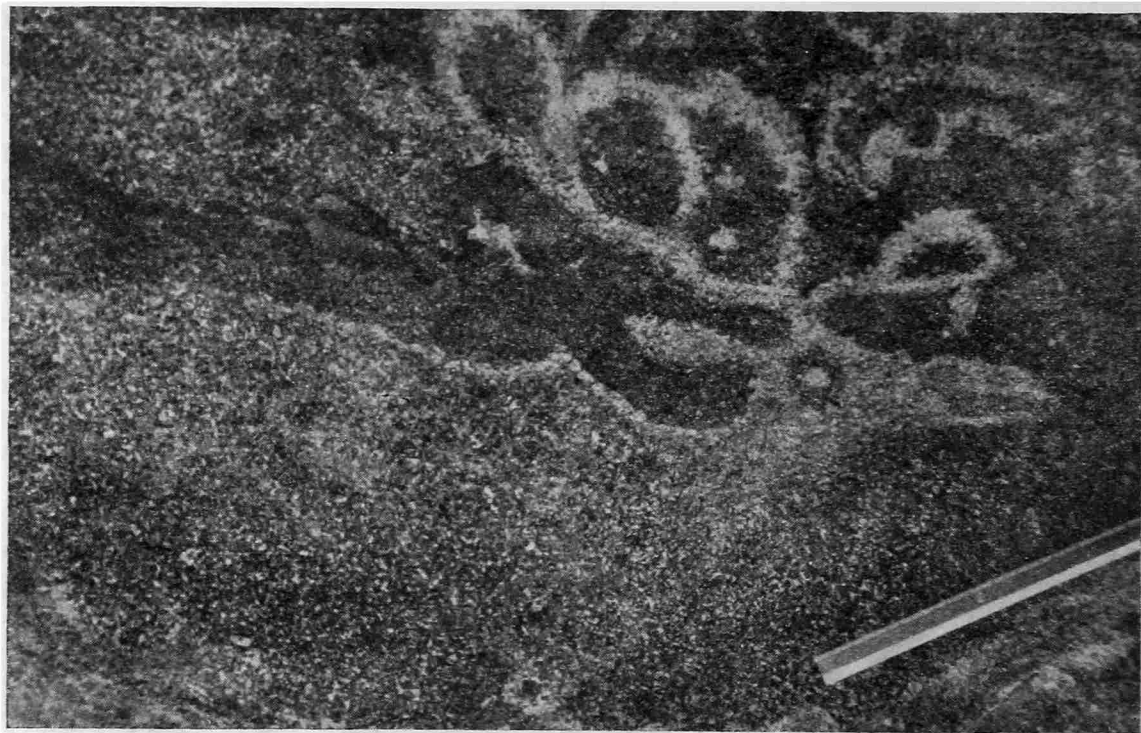

Рис. 28. Наскальное изображение оленя у с. Кула-Журга

2. В Восточном Казахстане уже можно проследить некоторые элементы древнейших этапов этногенеза казахского народа. Антропологические данные показывают, что так называемый южносибирский антропологический тип, тип современных казахов, складывается на андроновской основе. Наиболее четко это прослеживается именно на материалах Восточного Казахстана.

Поразительное сходство орнаментальных мотивов пазырыкских войлочных аппликаций с современными казахскими не случайно и несомненно указывает на тысячелетнюю культурную преемственность местного населения, сохранившуюся, несмотря ни на какие политические события и передвижения племен и народов. История казахского народа уходит своими корнями в более глубокую древность, чем это казалось до недавнего времени.

Для территории Восточного Казахстана, еще недавно бывшей «белым пятном» в археологическом отношении, уже намечаются основные контуры длительного процесса исторического развития местных племен и народов.

---

¹ Майэмирская, пазырыкская, чиликтинская, кулажургинская и сарыкольская группы.

М. П. ГРЯЗНОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ТРЕХЛЕТНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ

В течение трех лет, в 1946, 1947 и 1949 гг., Северо-алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и ИИМК производила раскопки в урочище Ближние Елбаны близ с. Большая Речка, на правом берегу р. Оби, к югу от г. Барнаула. Здесь экспедицией открыты и исследованы памятники одиннадцати последовательных этапов развития культуры древних племен Верхней Оби, начиная с эпохи бронзы (андроновская культура) и по XVII в. н. э.¹

Объектом археологических исследований явилась гряда дюн, занимающая площадь всего лишь в 0,2 км², окруженная во время весеннего половодья со всех сторон водой и служившая местом расположения только одного поселка. Все сохранившиеся здесь памятники каждого отдельного периода (остатки поселения, могильник и др.) являются памятниками, относящимися к одному поселку, а восстанавливаемая на основании их изучения история развития общества является историей территории одного населенного пункта.

Площадь дюнной гряды Ближние Елбаны расчленена на небольшие участки — дюны. Поэтому каждый памятник (поселение, могильник) занимает отдельную небольшую площадку с четкими естественными границами. Поселение и могильник каждого нового исторического этапа располагались на новом месте. Поэтому здесь нет случаев смешения культурных слоев двух смежных этапов, и весь добытый раскопками вещевой материал относительно легко может быть разделен по отдельным хронологическим группам. Вместе с тем неоднократные случаи расположения могильника на дюне, служившей в более раннее время местом поселения, или, наоборот, поселения на дюне, служившей раньше местом погребения, а также случаи нахождения на одной дюне могильников двух, трех и более разных эпох представили возможность контролировать стратиграфическими наблюдениями последовательность хронологических групп памятников, установленную путем типологического анализа.

Ближние Елбаны — исключительный в своем роде археологический пункт, позволяющий установить детальную периодизацию памятников

¹ Предварительные сообщения о результатах раскопок экспедиции см. в моих статьях: «Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах» (КСИИМК, XXVI), «Археологические исследования территории одного древнего поселка» (КСИИМК, XL) и в брошюре «Из далекого прошлого Алтайского края» (Барнаул, 1950).

древних племен с эпохи бронзы по XVII в. н. э., позволяющий проследить их историю в промежуток времени протяженностью около 3000 лет на примере истории одного древнего поселка. До раскопок на Ближних Елбанах такой возможности не было из-за отрывочности имевшихся материалов по археологии Верхней Оби, из-за крайней скудности их по некоторым периодам и полного отсутствия по другим.

Хорошо изученными в археологическом отношении районами Сибири, такими, в которых исследованы памятники ряда последовательных этапов развития культуры, до сих пор были лишь четыре — степи Минусинской котловины, горный Алтай, Ангарское Прибайкалье и степи Забайкалья. Теперь, после трехлетних работ на Ближних Елбанах, пятым таким районом становится лесостепная Верхняя Обь, по полноте представленных этапов развития культуры выдвигающаяся на второе место, уступая в этом отношении лишь степям Минусинской котловины.

Однако, значение раскопок на Ближних Елбанах не ограничивается только тем, что на археологической карте Сибири заполнено еще одно белое пятно, что освещена история древних племен еще одного района на обширных территориях Сибири. Как в свое время, 20—30 лет тому назад, хронологическая классификация памятников Енисейско-Минусинских степей позволила датировать памятники степных районов Сибири и Казахстана, так и устанавливаемая сейчас периодизация памятников Верхней Оби, древнее население которой на протяжении многих веков было тесно связано с племенами лесной полосы Западной Сибири, позволяет датировать или коренным образом исправить уже общепринятые датировки некоторых групп памятников Западной Сибири и тем самым существенно изменить сложившиеся представления о процессе исторического развития угорской группы племен Нижнего Приобья.

Открытые на Ближних Елбанах памятники эпохи бронзы — андроновский и карасукский могильники — характеризуют собой культуру, принципиально не отличающуюся от культуры племен других районов Южной Сибири соответствующей эпохи. Однако в карасукское время можно наблюдать отчетливо выраженное своеобразие форм керамики и металлических изделий, а также и некоторые отличия в погребальном обряде, позволяющие выделить памятники Верхней Оби, несмотря на их весьма близкое сходство с памятниками Енисея и Томи, в особую группу. Племя или племена, обитавшие в районе Верхней Оби, составляли собой этническую группу, отличную от своих непосредственных соседей на северо-западе, по течению р. Томи, и от более далеких обитателей Минусинских степей, а возможно, и самостоятельное политическое объединение. В карасукское время население Верхней Оби имело четко выраженные этнографические отличия, позволяющие определять его как отдельное племенное образование.

Следующий период, соответствующий эпохе ранних кочевников в степных районах и относящийся ко времени с VII в. до н. э. по I в. н. э., представлен на Ближних Елбанах могильниками и остатками поселений оседлого скотоводческо-земледельческого населения Верхней Оби, оставившего своеобразные памятники культуры, названной мною большереченской.

Памятники большереченской культуры разделяются на три хронологические группы, соответствующие трем последовательным этапам — собственно большереченскому, бийскому и березовскому.

Остатки поселения, состоящего из полутора десятков больших домов, типа полуземлянок, и около сотни исследованных погребений, дали обильный материал, показывающий, что в то время, когда степные пастушеские племена перешли к кочевому образу жизни, в лесах по Верхней Оби по-прежнему развивалось оседлое хозяйство и население осталось прежним. Это следует из того, что в памятниках большереченского этапа сохранились

некоторые особенности форм материальной культуры, характерные для карасукского времени только в районе Верхней Оби, и получили свое развитие некоторые особенности, впервые появившиеся в карасукское время также только на Верхней Оби. По изученным на Ближних Елбанах материалам можно совершенно отчетливо наблюдать, что с эпохи бронзы и по I в. н. э. в лесах по Верхней Оби обитало, пережив ряд последовательных этапов развития своей культуры, одно и то же население.

Открытие памятников большереченского этапа, точно и надежно датированных керамикой и бронзовыми изделиями, позволило исправить датировку одного из важнейших памятников I тысячелетия до н. э. в западно-сибирской лесостепи — основной группы погребений на Большом мысу Томского могильника, ранее ошибочно относимой к карасукскому времени (Грязнов, Киселев, Теплоухов). По керамике, типам бронзовых вещей и погребальному обряду погребения Томского могильника совершенно аналогичны большереченским VII—VI вв. до н. э. (рис. 29). От большереченских они отличаются только относительно большим богатством погребений вещами и наличием нескольких бронзовых изделий минусинского происхождения (два ножа и коромыслообразный предмет неизвестного назначения)¹, характерных для первого этапа минусинской курганной культуры, также датируемого VII—VI вв. до н. э. Принадлежность погребений на Большом мысу Томского могильника к большереченскому этапу, а не к карасукскому времени, теперь не может вызывать сомнения. Отпадают всякие основания для предположений о «сильнейшем воздействии карасукской культуры» и о передвижении в карасукское время населения из Минусинской котловины в низовья Томи².

Следующий большой период в истории верхнеобских племен представлен могильниками и поселением, характеризующими появление и развитие в лесных районах верхнего течения р. Оби совершенно новой культуры, связанной, вероятно, с появлением здесь значительных масс нового населения. Памятники этой культуры только на первом этапе ее развития, во II—IV вв. н. э., имеют по отдельным элементам некоторое сходство с культурой населения степных районов. Однако, начиная уже с этого времени, характер памятников на Ближних Елбанах и в других пунктах Верхней Оби (пока еще очень немногих) совершенно меняется. Резко изменился погребальный обряд. Прежние формы орудий, украшений и глиняной посуды заменились новыми, отличными от форм, характерных для культуры населения степных районов, но полностью совпадающими с формами, широко распространенными в среде древних финно-угорских племен лесной полосы Западной Сибири и Приуралья в харинско-ломоватовское время. По культуре население Верхней Оби принадлежало тогда к угорской группе племен лесного Севера.

Верхнеобская культура, так назовем этот период в истории древнего населения Верхней Оби, по памятникам на Ближних Елбанах может быть разделена на три последовательных этапа ее развития. Вещи, относящиеся к первому этапу — одинцовскому, сближаются с найденными в памятниках харинского типа в Приуралье, позднесарматского в Поволжье, гунского в

¹ ОАК за 1889 г., стр. 105, рис. 13 и 14; стр. 109, рис. 36. Подобные вещи из комплексов в степях Минусинской котловины см.: С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, табл. IV, 19.—G. Gjessing. Minusinske oldfunn. Årbok, 1938—1940, Oslo, 1941, рис. 21.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 149—150. Памятники карасукского времени на р. Томи, представленные находками керамики в нескольких пунктах близ г. Томска и г. Сталинска, свидетельствуют о несомненных культурных связях между населением долин рек Томи и Енисея, но никаких указаний на наличие односторонних культурных влияний енисейских племен на томские, или наоборот, не дают.

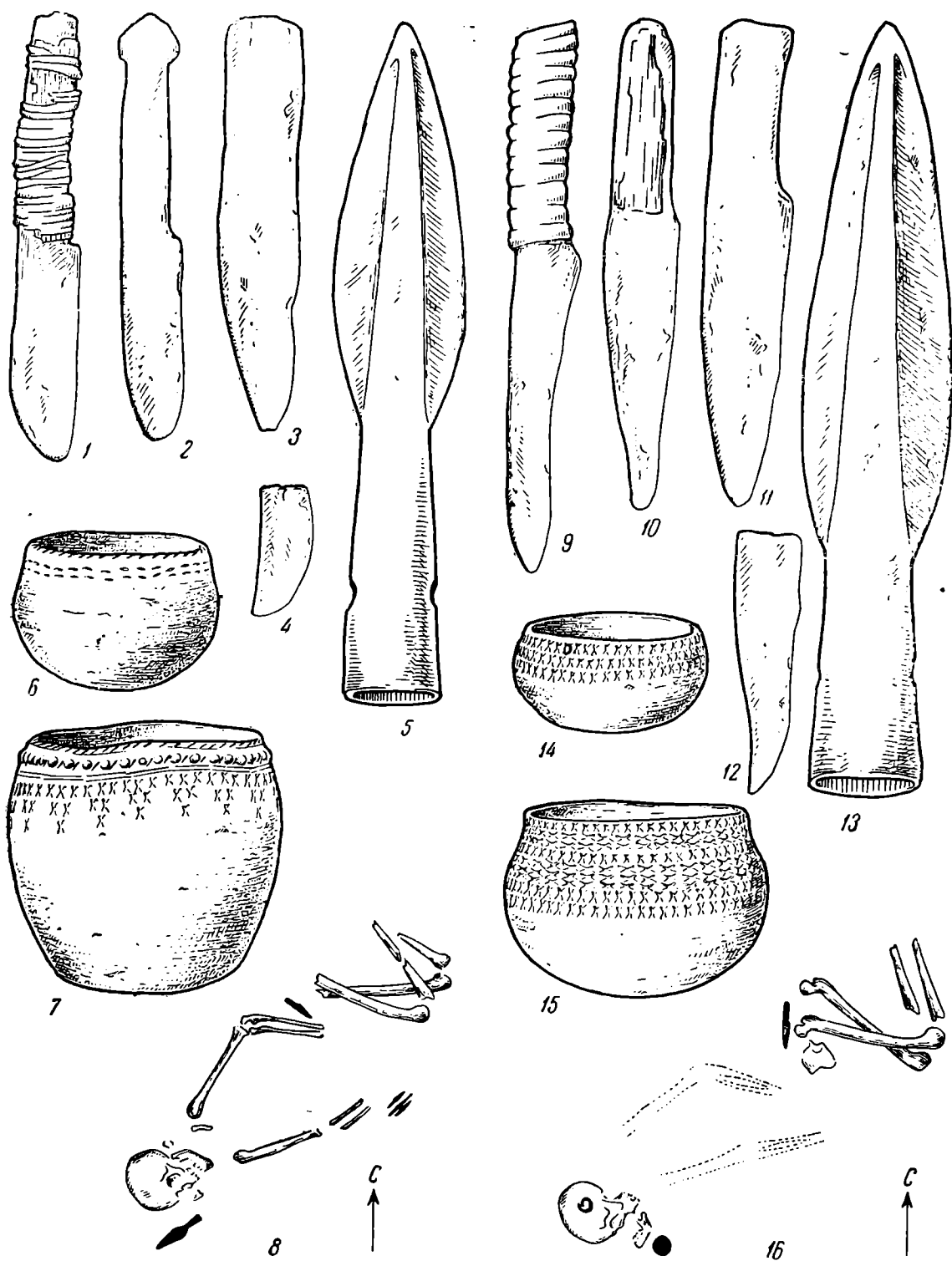

Рис. 29. Положение костяков и вещи могильника большереченского этапа на Ближних Елбанах (1—8) и Томского могильника (9—16)

1, 9, 10 — бронза с остатками дерева и кожи на рукоятке; 2 — 5, 11—13 — бронза; 6, 7, 14, 15 — глина

Средней Азии и таштыкского на Енисее, что позволяет датировать одиноцкий этап временем II—IV вв. н. э. (рис. 30 и 31).

Второй этап, переходный, связан рядом сходных по форме, а иногда и совершенно одинаковых вещей с предыдущим. Для некоторых вещей, относящихся к переходному этапу, можно найти аналогии среди находок в памятниках на Каме и Оке III—VII вв. н. э. Следовательно, середина первого тысячелетия н. э. представляется наиболее вероятной датой этого этапа.

Третий этап, фоминский, также связанный с предшествующим переходными формами вещей, определяется VII—VIII вв. н. э. по аналогии с чрезвычайно близким комплексом погребений на Архиерейской заимке близ г. Томска, датируемым китайскими монетами 618—626 гг.¹

Керамика и некоторые вещи, относимые к фоминскому этапу, находят аналогии в памятниках ломоватовской культуры в Приуралье.

В лесной полосе Западной Сибири для этого времени характерно использование, большей частью для культовых целей, металлических вещей предшествующих эпох, иногда более чем тысячелетней давности (зеркала раннескифского времени в Ишимском кладе, эполетообразная застежка в Архиерейской заимке, грекобактрийский серебряный медальон и китайское зеркало ханьского времени в Истяцком кладе и др.). Подобная «антикварная» вещь найдена и в одном из погребений на Ближних Елбанах (эполетообразная застежка пьяноборского типа).

Комплекс находок фоминского этапа на Ближних Елбанах, представленный материалами из культурного слоя поселения и из 30 погребений в принадлежащем ему могильнике, хорошо датированный в рамках абсолютной и относительной хронологии, позволяет уточнить и исправить датировку некоторых памятников Западной Сибири и, в первую очередь, такого важного для понимания истории древних племен Западной Сибири памятника, как Усть-Полуйское поселение в низовьях Оби, близ г. Салехарда. Этот, богатейший по числу и разнообразию находок, памятник считался неоднородным, охватывающим длительный период, протяженностью более тысячи лет, представлявшим собой на разных этапах то место поселения, то пункт для жертвоприношений. Основная часть находок определялась ананьино-пьяноборским временем, служила для характеристики своеобразной усть-полуйской культуры и использовалась для доказательства положения о появлении в северо-западной Сибири нового этнического элемента, принесшего с собой традиции степной скифо-сарматской культуры².

Между тем все 12 000 найденных при раскопках поселения предметов отличаются удивительным единообразием, если исключить из их числа несколько выпадающих из комплекса единичных предметов (каменный шлифованный топор, бронзовые кельт и чекан). В этой огромной коллекции вещей нет решительно ни одной категории предметов, которую можно было бы разделить типологически на две или более хронологические группы. Усть-Полуйское поселение — памятник, несомненно, однослойный, относящийся к сравнительно короткому промежутку времени.

Если сопоставить материалы памятников Ближних Елбанов с материалами Усть-Полуйского поселения, то последнее может быть отнесено только

¹ ОАК за 1896 г., стр. 94—98; ЗРАО, нов. сер., XI, 1—2, 1899, стр. 316—323. В указанной публикации находок Архиерейской заимки в ЗРАО монеты неправильно определены временем правления Кай-юнь (713—744 гг.). На самом деле, по недавно произведенному А. А. Гавриловой и Панкратовым определению, они принадлежат правлению основателя Танской династии, Гао-Цзу (618—626 гг.).

² См., например, В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, стр. 22—26. А. П. Окладников. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов. Ученые записки ЛГУ, № 115, 1950, стр. 30—31.

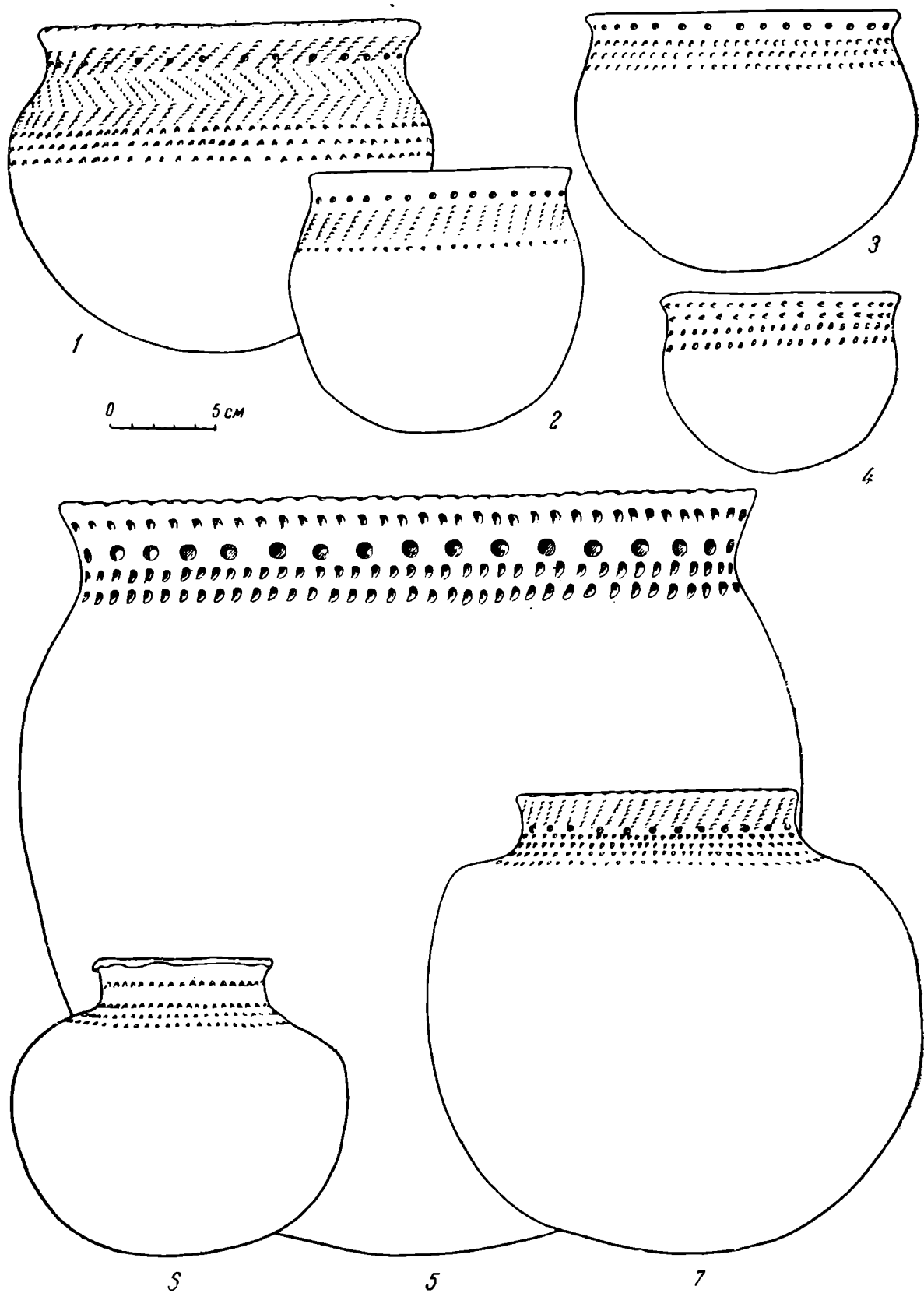

Рис. 30. Глиняная посуда одинцовского этапа

1—3, 7 — из погребений; 4—6 — из культурного слоя могильника (остатки трезн)

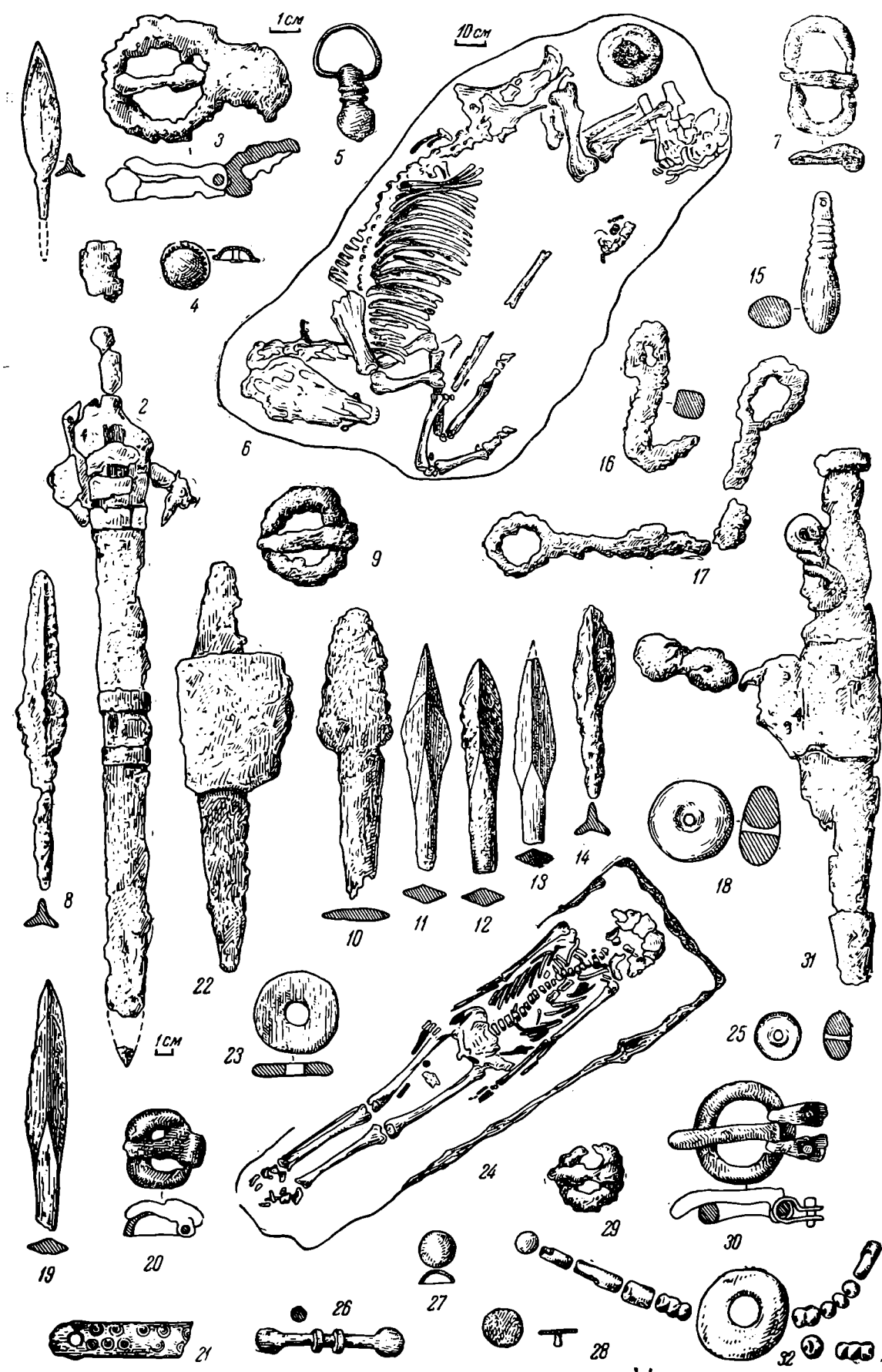

Рис. 31. Планы погребений и вещи могильника одинцовского этапа

6 — погребение мужчины с конем; 24 — женское погребение; 4, 5, 7, 20, 27, 28, 30 — бронза; 11—13, 15, 19, 21, 23, 26 — кость; 18, 25 — янтарь; 32 — стекло; остальные — железо

ко времени фоминского этапа, т. е. VII—VIII вв., так как керамика Усть-Полюя и Ближних Елбанов, несмотря на разделяющие их 2000 км, обнаруживает поразительное сходство. Сходны также орнаментальные мотивы на костяных и металлических изделиях и некоторые формы вещей, тогда как находки на памятниках ананьино-пьяноборского времени в Прикамье не находят аналогий в материалах из Усть-Полюя. К тому же в Усть-Полюе имеется целая серия типично ломоватовских вещей, а керамика и некоторые категории костяных вещей (костяные лопаточки и ложки) обнаруживают сходство с ломоватовскими и более поздними, такими, как в Поломском могильнике, Родановом городище, но не с ананьино-пьяноборскими.

Приводившиеся В. Н. Чернецовым примеры сходства некоторых усть-полуийских предметов с находками скифо-сарматского типа в Южной Сибири¹ не могут быть признаны убедительными. Так, например, изображения на костяных гребнях орла, клюющего голову оленя (рис. 32—2), ничего общего с южносибирскими изображениями сцен борьбы зверей не имеют. С некоторой натяжкой можно сравнивать только самый сюжет — орел побеждает оленя (рис. 32—1). Зато совершенно подобные стилистически, по композиции и по сюжету изображения характерны для фигурных полых бронзовых пронизей ломоватовской культуры в Прикамье (рис. 32—3).

Глиняные сосуды на коническом поддоне (рис. 32—5), якобы имитирующие форму бронзовых котлов скифского типа (рис. 32—4), сходны с ними только в самых общих чертах; сходны в такой же мере, как и подобные сосуды из Луговского поселения эпохи бронзы на Каме² или Алексеевского — на Тоболе³. Если усть-полуийские глиняные сосуды действительно имитируют формы металлической посуды, то во всяком случае воспроизводят они формы не бронзовых котлов скифского типа с характерными для них ручками и рельефным опоясывающим шнурком, а скорее серебряных кубков тюркского времени (рис. 32—6), орнамент которых ограничивается обычно лишь узкой полоской по краю венчика, как и на усть-полуийских сосудах.

Наконец, схематические изображения кинжалов на роговой доске (рис. 32—8), воспроизводящие якобы форму сарматских мечей и кинжалов (рис. 32—7), похожи на них в такой же мере, как и на любой другой кинжал или меч. Зато изображение на доске, рассматриваемое в целом, полностью совпадает с многочисленными культовыми фигурками с венцом на голове и с кинжалами в руках, поднятыми по сторонам головы, во множестве нацарапанными на найденных в Прикамье и Северозападной Сибири сасанидских и византийских блюдах (рис. 32—9).

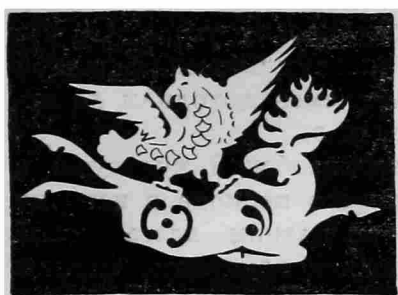
Пересмотр вопроса о датировке находок Усть-Полуийского поселения стал возможным только в связи с открытиями на Ближних Елбанах, так как только здесь керамика усть-полуийского типа найдена в комплексе, место которого четко определено среди ряда других хронологически близких комплексов.

Датировка Усть-Полуийского поселения временем около VII—VIII вв. н. э., т. е. ломоватовским периодом в Прикамье и фоминским — на Верхней Оби, требует пересмотра и наших представлений об истории сложения культуры угорских племен Западной Сибири. О роли степных племен скифо-сарматского времени в формировании культуры северных сибирских

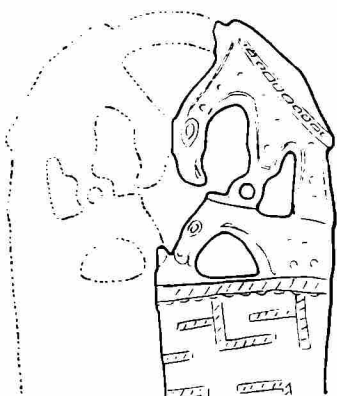
¹ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 23 и рис. 3. Он же. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. Института этнографии АН СССР, нов. серия, I, 1947, стр. 114.

² А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, XXXII, рис. 20, I.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1947, рис. 63.

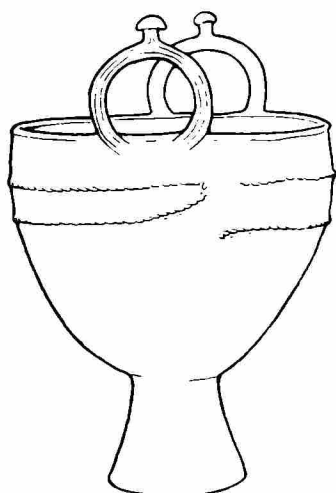
1

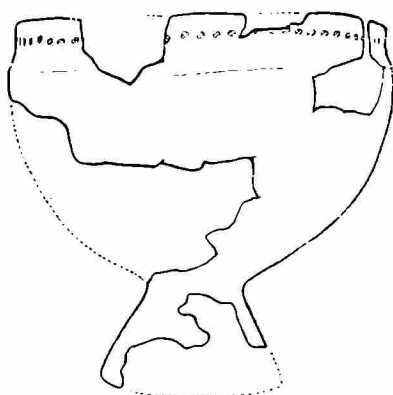
2

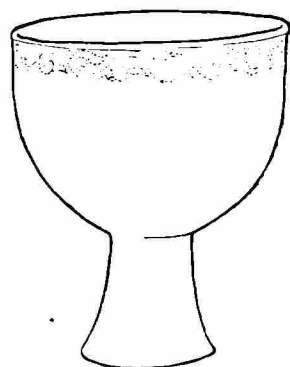
3

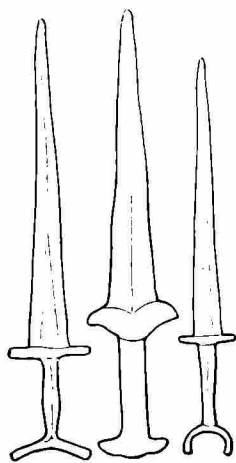
4

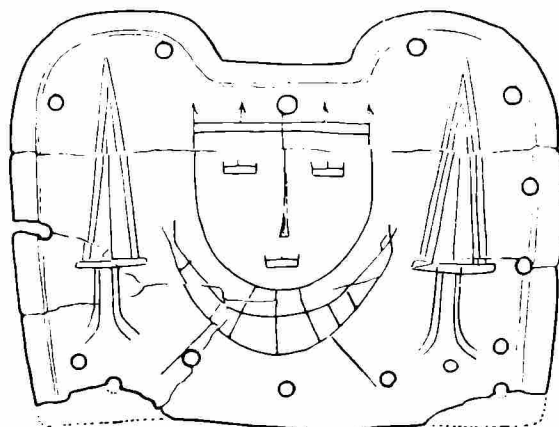
5

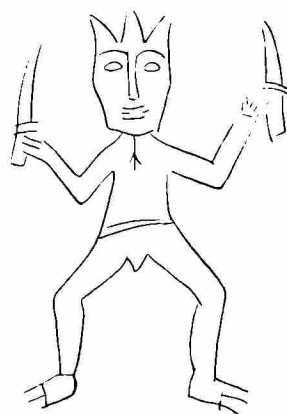
6

7

8

9

Рис. 32. Вещи из Усть-Полуйского поселения (2, 5, 8) в сравнении с вещами скифо-сарматского времени (1, 4, 7) и вещами VI—VIII вв. н. э. (3, 6, 9)

угров в том виде, как это представлялось до сих пор, теперь говорить уже нельзя. Новые археологические факты со временем позволят, быть может, нарисовать иную картину происхождения западносибирских угров. Сейчас же надо учесть, что в некоторые периоды истории древних племен Западной Сибири границы расселения угорских по культуре племен доходили до истоков р. Оби, как это имело место во II—VIII вв. н. э.

Фоминским этапом заканчивается развитие верхнеобской культуры в лесостепном правобережье Оби. Памятники следующего периода в истории древних племен Верхней Оби свидетельствуют о появлении здесь новой культуры, не связанной с предшествующей. Курганы и грунтовые могилы IX—X вв., исследованные в нескольких пунктах на Ближних Елбанах, принадлежат новому населению, принесшему с собой новую культуру, что ярко отражено в погребальном обряде и составе могильного инвентаря. Эти курганы и могилы принадлежат сросткинской культуре, памятники которой, генетически связанные с памятниками тюркского времени в Горном Алтае, получили широкое распространение в пределах приалтайской равнины не только в открытых степях, но и по окраинам верхнеобских лесов.

Дальнейшая история населения Верхней Оби еще не может быть прослежена с достаточной конкретностью. Слабая изученность памятников Южной Сибири II тысячелетия н. э. не дает возможности представить сколько-нибудь ясную картину истории этого периода. Открытые на Ближних Елбанах поселение, курганы и грунтовые могилы знакомят нас с археологическими комплексами монгольского времени и времени XVI—XVII вв. Последние связаны с обитавшими на Верхней Оби телеутами. Однако полученные материалы еще недостаточны, для того чтобы сделать обоснованные заключения о месте верхнеобских племен этого времени в общем историческом процессе развития племен и народов Южной Сибири.

Заканчивая краткое сообщение о некоторых итогах археологических работ на Ближних Елбанах, необходимо еще раз подчеркнуть, что полученные экспедицией материалы характеризуют одиннадцать последовательных хронологических комплексов, охватывающих период времени более 3000 лет, что дает возможность построить надежную шкалу относительной хронологии археологических памятников изучаемого района. Нам необходимо пытаться найти и исследовать подобные пункты в других районах нашей страны. Тогда многие неясные и спорные вопросы датировки тех или иных групп памятников будут разрешены.

А. Н. МОСКАЛЕНКО

АРХАНГЕЛЬСКОЕ (ГОЛЫШЕВСКОЕ) ГОРОДИЩЕ

Славянские поселения на верхнем и среднем Дону представляют большой интерес. Жившее здесь славянское племя являлось самой окраинной ветвью восточного славянства. Оно ближе других соприкасалось с хазарским каганатом и миром кочевников. Изучение его истории имеет существенное значение для уяснения исторических судеб восточного славянства в целом. Поэтому чрезвычайно важно довести до конца исследование археологических памятников, прежде всего городищ, оставленных славянским населением на Дону. Они тянутся сплошной цепью по правому берегу рек Воронежа и Дона от с. Чертовицкого Березовского района до д. Титчихи Давыдовского района Воронежской области и расположены на крутых отрогах коренного берега на расстоянии от 2 до 8 км друг от друга.

Обследование городищ было начато в конце XIX в.¹ и продолжалось в начале XX в.² Однако большие археологические работы были организованы лишь советскими учеными в 20-х и 30-х годах³.

После Великой Отечественной войны в 1949—1950 гг. Воронежский государственный университет проводил на указанных памятниках работы разведочного характера: обследование современного состояния городищ, сбор материала для пополнения коллекции Областного музея краеведения, а также уточнение некоторых ранее известных данных об этих памятниках.

Из группы городищ, расположенных к югу от г. Воронежа, наибольший интерес представляет городище, находящееся в 1,5 км к юго-востоку от села Архангельского Гремяченского района⁴. Оно занимает два крутых отрога коренного берега и часть прилегающего плато. Нами была сделана инструментальная съемка городища, произведен разрез валов и раскопана яма, по всей вероятности, хозяйственного назначения. Кроме того, собрано большое количество подъемного материала: фрагменты керамики и пряслица (рис. 33).

¹ Л. Б. Вейнберг. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.

² Л. М. Савелов. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. Воронежская губерния. ОАК за 1905 г., СПб., 1908, А. А. Спицын. Поездка в Воронежскую губернию в 1905—1906 гг. Архив ИИМК, стопа № 5, дело № 90. Н. Е. Макаренко. Археологические исследования, 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, СПб., 1911. А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, в. IV, Воронеж, 1908.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, № 8, М.—Л., 1948.

⁴ В литературе оно больше известно под именем Голышевского, так как с. Архангельское раньше называлось Голышевкой.

Работы позволили уточнить планы городища, сделанные А. А. Спицыным¹ и Н. Е. Макаренко².

Северный мыс городища укреплен двумя валами и рвами. Первый отстоит от конца мыса на 110 м (высота его 2,1—2,5 м), второй (высота — 2,8 м) удален от первого на 44 м и окаймляет мыс со стороны плато. Н. Е. Макаренко и А. А. Спицын полагали, что за этим валом находился третий. Но третьего вала в действительности не было, а насыпь, которую они приняли за вал, была набросана при рытье рва. В настоящее время насыпь распахана.

Южный мыс городища, как правильно указано в планах А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко, укреплен валом и рвом. Вал (высота 2,3—2,4 м) отстоит от конца мыса на 188 м. Хорошо сохранилось место въезда на мыс в средней части вала.

Вызывает возражение и утверждение А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко о том, что укрепление плато в северной части городища состояло из трех валов и двух рвов. Произведенный нами разрез внешних укреплений позволяет говорить о том, что здесь существовал один вал и два рва. Вал насыпан из чернозема, смешанного с меловой щебенкой. Высота его от 2,7 до 4 м. Глубина ближнего к нему рва 2,2 м, второго 1,7 м. Южная часть плато была укреплена одним валом и рвом, как это указано и на планах А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко.

На городище находилась еще одна линия укреплений, она проходила поперек плато, разделяя его на две неравные части.

По мнению А. А. Спицына, это укрепление состояло из двух валов и двух рвов. Н. Е. Макаренко же полагал, что оно является продолжением трех северных валов. Между тем валом являлась только южная насыпь. Этот вал, так же, как и наружный, сложен из чернозема и меловой щебенки. Рядом шел ров, глубиной до 2,3 м. Вторая насыпь, которую А. А. Спицын принял за вал, образовалась из выбросов при рытье рва. Возможно, что здесь имелся второй ров, который в настоящее время распахан.

Нам представляется также, что место въезда на городище находилось не у конца поперечного вала, как думал Н. Е. Макаренко, а в северо-восточной части, где теперь проходит дорога.

Вопрос о времени существования Архангельского городища до сих пор не вызывал особых сомнений. А. А. Спицын отмечал, что оно входило в систему русских укреплений XVI—XVII вв. и, кроме того, включало в себя «два древние небольшие городка, судя по черепкам, относящиеся ко времени, близкому к Боршевскому»³. Н. Е. Макаренко обратил внимание на то, что черепки посуды, собранные им на городище, «отличались характером обычной посуды русских городищ»⁴. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков считают, что Архангельское городище подобно Боршевскому и может быть датировано IX—X вв.⁵

Таким образом нижней хронологической границей существования этого городища до сих пор считались IX—X вв. Однако, кроме керамики XVI—XVII вв. и фрагментов сосудов боршевского типа, на городище нами были найдены и фрагменты керамики более раннего времени. Они принадлежали вылепленным от руки горшкам, с плоским дном, со слабо выраженными шейкой и плечиками. Особенностью дна таких сосудов является небольшое утолщение и расширение у основания. Край венчиков орнаментирован шип-

¹ А. А. Спицын. Поездка в Воронежскую губернию. Архив ИИМК, фонд № 5, дело № 90, лист 3.

² Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 76, рис. 65.

³ Воронежская губерния. ОАК за 1905 г., СПб., 1908, стр. 84.

⁴ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 78.

⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 7—8.

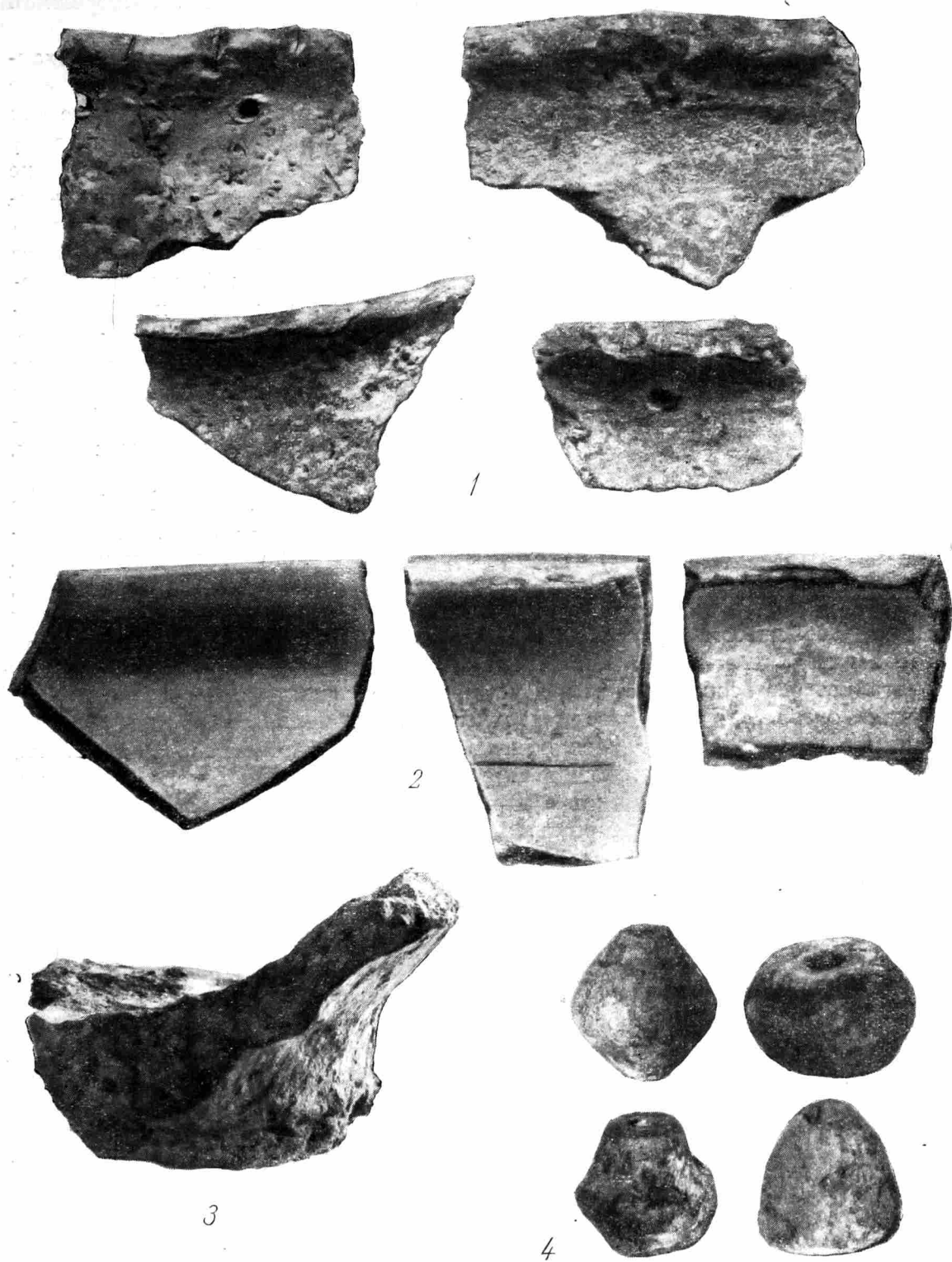

Рис. 33. Фрагменты керамики (1, 2, 3) и пряслица (4) Архангельского (Гольшевского) городища

ками или ногтевыми вдавлениями. Ниже венчика имеются сквозные отверстия (рис. 33—1). Второй тип сосудов — миски с отогнутым внутрь венчиком. Они вылеплены из глины лучшего качества без заметных примесей. Поверхность сосудов гладкая. Орнамент на них отсутствует (рис. 33—2), керамика аналогична той, которую находил И. И. Ляпушкин на городищах

в с. Б. Гомольша, близ с. Коломак и в других местах Левобережной Украины¹. И. И. Ляпушкин датирует ее V—II вв. до н. э.²

Керамика скифского времени, обнаруженная на городище в с. Архангельском, позволяет говорить о том, что оно существует, вероятно, еще с I тысячелетия до н. э. Однако наличие керамики и этого типа, так же как

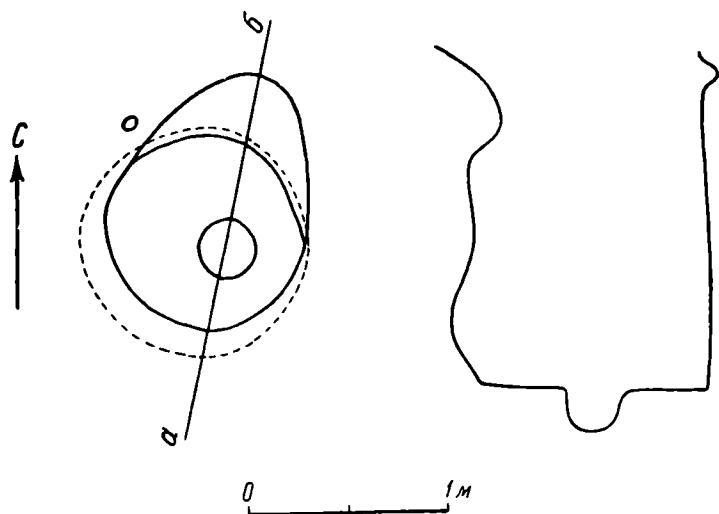

Рис. 34. План и разрез ямы по линии а — б

и боршевского, на всей территории городища не дает возможности установить, какая его часть была заселена ранее других и к какому времени относится сооружение отдельных валов. Яма, раскопанная нами на северном мысу на площадке между первым и вторым валами, была вырублена в мелу (рис. 34). Глубина ее 1,47—1,5 м. К основанию она расширялась, диаметр горла 0,97 м, диаметр основания 1,18 м. Особенностью устройства было наличие пологого входа с северной стороны и двух рядов ниш, высеченных в нижней части ямы. Ниши располагались без особой системы, и установить их назначение трудно. В двух случаях они имели выход на поверхность и, возможно, являлись отдушниками. На дне имелась неглубокая ямка. Здесь найдено несколько небольших костей животных. Заслуживают внимания следы орудий типа лопаты и кирки, обнаруженные в нескольких местах на стенках ямы. Надо полагать, что для вырубки ямы в материковом мелу могли быть использованы только железные орудия.

О назначении ямы трудно сказать что-либо определенное, ибо в заполнении ее встречены лишь мелкие кости грызунов, птиц, несколько раковин и очень небольшое количество фрагментов керамики. Вероятнее всего, что она использовалась для хранения продуктов. Тщательно сделанный вход говорит о том, что на дно приходилось спускаться довольно часто. Судя по гипам керамики, яма сооружена в скифское время.

Таким образом Архангельское городище было обитаемо значительно ранее IX—X вв., еще в I тысячелетии до н. э. Наличие керамики скифского времени не только на Архангельском, но и на Б. Боршевском и Сторожевом городищах, а также на горе у с. Рудкино, свидетельствует о распространении этой культуры до области Дона. Так же как и на ряде памятников в более западных районах днепровского Левобережья, она встречена на городищах, где позже жили славяне. Естественно встает вопрос о том, что укрепления этих городищ, относимые до сих пор к IX—X вв., возможно, были воздвигнуты также в I тысячелетии до н. э.

¹ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы, КСИИМК, XIX, стр. 29 сл. Его же. Поселения зольничной культуры (скифо-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 63, рис. 12.

² СА, т. XII, стр. 58.

П. А. РАППОРТ

ЗАМЕТКИ О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ГОРОДИЩ
ПОДНЕПРОВЬЯ

Еще в 70-х годах XIX в. Д. Я. Самоквасов, изучая древние городища, попытался дать классификацию их типов на основании форм и внешних признаков. При этом все городища были разделены им на две основных группы: «городища с кругообразными очертаниями», относящиеся ко времени до введения огнестрельного оружия, и «городища с правильными угловатыми очертаниями», относящиеся уже ко времени господства огнестрельного оружия¹. Несмотря на всю примитивность деления, сам принцип, введенный впервые Д. Я. Самоквасовым, несомненно сыграл положительную роль в дальнейшем изучении городищ. Связь формы с тактическими требованиями определенной эпохи помогла не только правильно подойти к датировке, но и ввела вопрос о происхождении определенной формы городищ в конкретные исторические условия.

В дальнейшем исследователи развивали и совершенствовали принципы классификации. Особенно много нового материала в этой области собрано после Великой Октябрьской социалистической революции, когда впервые были предприняты систематические раскопки на ряде древних городищ. Однако и до сего времени некоторые вопросы классификации остаются еще неразъясненными и требуют для окончательного решения привлечения нового материала. С этой точки зрения интересно провести сравнение некоторых малоизученных городищ Киевской земли².

I

Городище у села Заречье расположено на высоком мысу, над поймой реки Стугны (рис. 35—1)³. От примыкающего плато площадка городища отделена искусственным рвом, шириной 14,5 м. Перед рвом расположена

¹ Д. Я. Самоквасов. Древние земляные насыпи, их значение для науки.— Древняя и Новая Россия, 1876, № 3, стр. 268—272. Те же принципы изложены и в некоторых других работах Д. Я. Самоквасова, например, Древние города России, СПб., 1879.

² Городища были обследованы автором в 1951 г. В работе принимал участие студент ЛГУ А. Кирпичников.

³ Городище у с. Заречье (б. Ханбиково) находится в Васильковском районе Киевской области. Л. Добровольский ошибочно предполагал, что это остатки древнего города Тумаць. Кроме того, он также ошибочно считал, что городище носит в настоящее время наименование «Берков городок». В действительности «Берков городок» —

вторая площадка, в свою очередь отделенная от плато рвом, возможно, представляющим собою естественный овраг. Основная площадка имеет в длину около 110 м и в ширину около 70 м. Сильно понижающаяся оконечность мыса искусственно сделана более крутой при помощи эскарпирования. С южной стороны городища край площадки может быть определен лишь очень приблизительно, так как с этой стороны она сильно оползает. Со стороны рва городище укреплено валом, с остальных сторон валов нет. Рядом на плато расположено селище.

Повидимому, по всему периметру площадки некогда существовала какая-то деревянная оборонительная конструкция, позднее сгоревшая, так как везде по краю городища видны куски обожженной глины и большое количество обуглившихся бревен. Вал имеет очень своеобразную конструкцию с применением сырцового кирпича, которая представляет собою как бы несколько упрощенный вариант конструкции валов древнего Белгорода¹.

Разведочные раскопки показали, что культурный слой очень беден находками. Глубина его различна — в средней части площадки толщина слоя всего около 0,2 м, на северо-восточном краю до 1,2 м, что, быть может, объясняется сползанием к этому краю культурного слоя с середины городища. Материал, полученный раскопками, состоит исключительно из керамики X—XI вв. На селище подъемный материал относится к тому же времени, хотя здесь встречается керамика и XII в.

Городище у с. Заречье несомненно следует связывать с указанием летописей на постройку князем Владимиром Святославичем в 988 г. городов по Стугне и другим южно-русским рекам. Этот небольшой «город», очевидно, представлял собой крепость, прикрывавшую подступы к Киеву с самого опасного направления — со стороны степей.

По типу планировки оборонительной системы на городище у с. Заречье очень похоже и городище у с. Яроповичи² (рис. 35—2), которое расположено на мысу, образованном слиянием двух больших оврагов. По одному из них протекает ручей, являющийся истоком р. Ирпеня. Площадка этого городища довольно ровная, длина ее 110 м, ширина около 50 м. От плато она отделена рвом и валом, сохранившимся на высоту до 1,5 м. Вал земляной, не имеющий каких-либо специальных конструкций. Края городища несколько приподняты, но прорезка края показала, что это объясняется наличием валов, а большей толщиной слоя гумусированной земли, повидимому сползшей с середины площадки. Толщина культурного слоя 0,2—0,4 м. Конец мыса, на котором расположено городище, для большей крутизны эскарпирован.

В культурном слое найдена керамика X—XIII вв. На плато перед рвом, судя по наличию подъемного материала, имеется селище того же времени. Здесь же было обнаружено несколько погребений, в одном из которых найден горшок X—XI вв. Никаких материалов древнее X в. на городище не было обнаружено, хотя в 800 м к югу обнаружена более древняя керамика, относящаяся, вероятно, к VIII—IX вв.³

русский форпост XVIII в., расположенный приблизительно в 1 км от данного городища. См. Л. Добровольский. *Проектовані нові підїзні залізніці... Записки Іст. і Філ. секції Укр. наукового тов-ва в Києві, кн. XVII, Київ, 1918, стр. 44.* В публикации автора это городище вслед за Добровольским также ошибочно названо «Берковым городком» — см. КСИИМК, вып. XLI, стр. 115.

¹ Реконструкцию Белгородских валов см. Н. Д. Полонская. *Археологические раскопки В. В. Хвойко в 1909—10 гг. в местечке Белгородка. Тр. Московского предварит. комитета по устройству XV археолог. съезда, стр. 52.*

² Село Яроповичи, Андрушевского района, Житомирской обл.

³ Керамика такого типа найдена В. К. Гончаровым в Луке Райковецкой и В. А. Богусевичем в Каневе. Это гончарная толстостенная керамика с линейным и волнистым орнаментом, иногда заходящим даже на внутреннюю сторону венчиков сосудов, и лепная такая же толстостенная керамика без орнамента.

Городище у с. Яроповичи, очевидно, является остатками города Ярополч, упоминаемого в русских летописях под 1160 годом. Несомненно, однако, что Ярополч был городом только в древнерусском смысле этого слова. Крайне незначительные размеры городища говорят о том, что в действительности это был не город, а скорее феодальный замок.

По своему типу городища у с. Заречье и у с. Яроповичи очень характерны для простейших древнерусских мысовых городищ. При этом наличие оборонительного вала не по всему периметру, а только с напольной стороны особенно связывает их с укреплениями сравнительно ранней поры, времени сложения Киевской Руси. Именно к такому типу относятся, например, почти все роменско-боршевские городища VIII—X вв. Укрепленные поселения, построенные не ранее XI в., как правило, имеют уже оборонительный вал, обходящий вокруг всего укрепления. Хорошим примером такого укрепления может служить городище в с. Ст. Безрадици, имеющее замкнутый вал по периметру¹.

Городище у с. Тростянец относится к несколько иному типу, хотя с первого взгляда оно как будто бы очень похоже на обычные древнерусские мысовые². Расположено оно на высоком мысу, на конце длинной гряды холмов и имеет эллиптическую форму, зависящую от формы мыса (рис. 35—3). Площадка по периметру окружена валом, который очень хорошо сохранился и возвышается более чем на 1 м над уровнем площадки. С напольной стороны вал выше; здесь его высота достигает почти 3 м. Площадка, заключенная внутри вала, имеет размер 55 × 28 м.

Пробные раскопки, проведенные на городище, показали, что на нем нет культурного слоя³. При тщательном обследовании всей площадки и прилегающей к ней территории не обнаружено ни одного черепка. Ближайший пункт, где имеются культурные остатки, — древнерусское селище на урочище Красное, находится по другую сторону глубокого и широкого оврага и совершенно явно не имеет отношения к городищу. Таким образом, основными данными для датировки городища должны в настоящем случае служить сама форма и система планировки его укреплений.

Одним из существенных отличий Тростянецкого городища от обычных древнерусских мысовых городищ является расположение въезда, который находится не с напольной стороны, а сбоку. Но еще более существенным отличием является тип обработки склонов. Ров, отделяющий городище с напольной стороны, хотя и значительно меньшей глубины, продолжается по всему периметру. Этот ров имеет совершенно иной характер, чем обычные эскарпы на склонах древнерусских городищ. Там склоны эскарпировали для придания им большей крутизны, и естественно поэтому, что горизонтальная площадка эскарпа имеет в таких случаях достаточно большую ширину, а склон над нею более крутой, чем неэскарпированная нижняя часть холма⁴. Сама горизонтальная площадка эскарпов от времени, как правило, приобретала некоторый скат наружу.

В Тростянецком городище вокруг всего городища проходит не горизонтальная площадка эскарпа, а именно ров, хотя и небольшой и сильно оплывший. Крайне незначительная ширина и глубина этого рва говорит о том, что основная его роль заключалась не в создании еще одного препятствия, а скорее в организации дополнительного яруса боя, т. е. сводилась больше к роли окопа, чем рва.

¹ Городище в с. Ст. Безрадици см. публикацию автора в КСИИМК, вып. XLI.

² Село Тростянец Каневского района Киевской области.

³ Это также отметила обследовавшая городище в 1945 г. Т. С. Пассек. Археологічні пам'яткі УРСР, т. I, стр. 218.

⁴ На городище у с. Яроповичи ширина площадки эскарпа от 9 до 11 м, а на городище у с. Заречье 8 м.

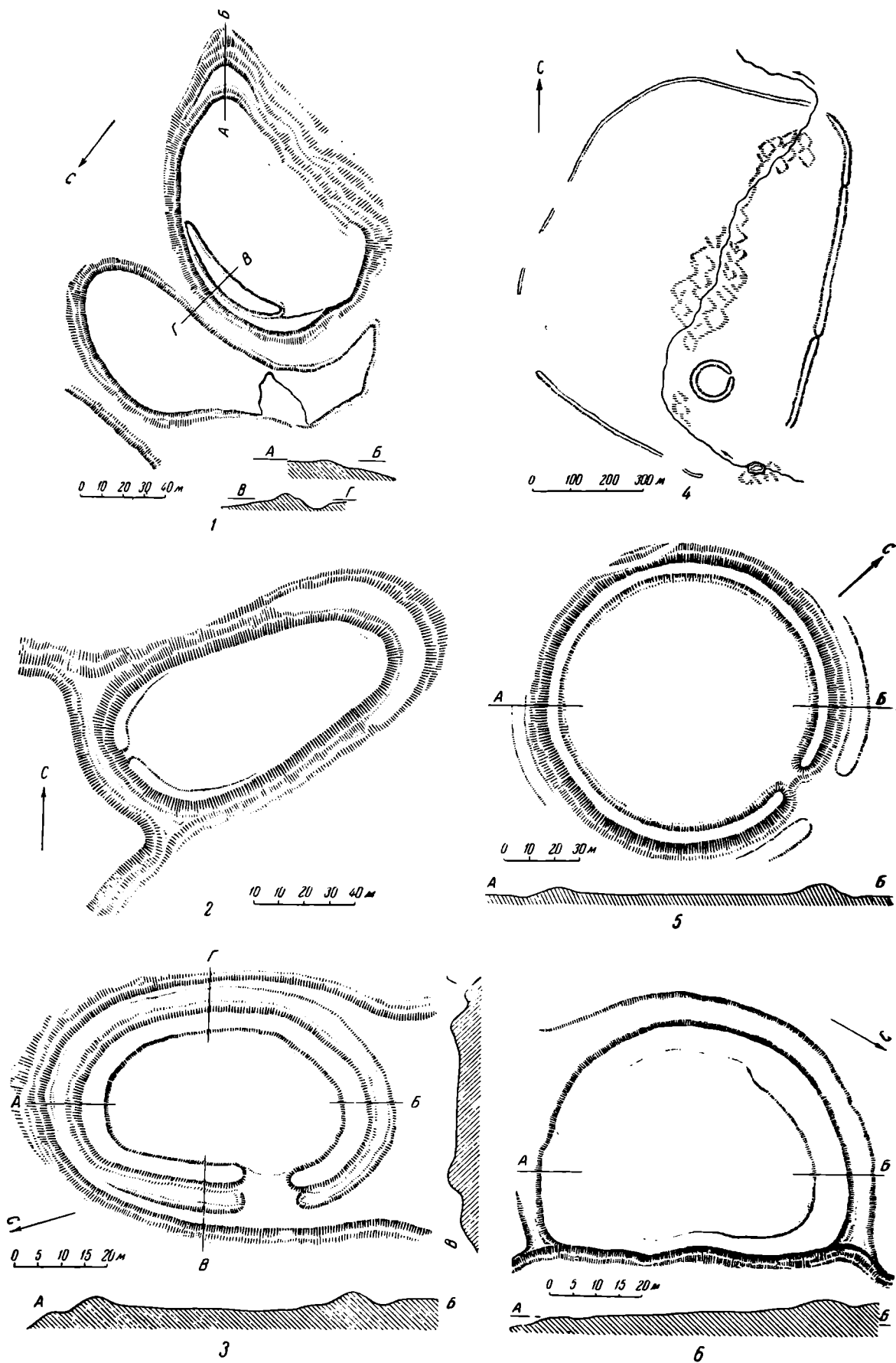

Рис. 35. Планы и профили городищ

1 — у с. Заречье; 2 — у с. Яроповичи; 3 — у с. Тростянец; 4 — Грубское; 5 — Малое Грубское; 6 — в с. Григоровке

Это отличие, хотя и не сразу бросающееся в глаза, говорит, однако, об ином тактическом принципе, положенном в основу обороны. Поэтому, несмотря на все внешнее сходство Тростянецкого городища с обычными древнерусскими городищами, его следует очень четко от них отделять.

При решении вопроса о датировке Тростянецкого городища может помочь сравнение его с находящимся в том же районе городищем в с. Малый Букрин, которое является типичным древнерусским мысовым городищем с замкнутым валом по периметру. Въезд здесь находится на середине напольной стороны. К маленькой основной площадке (всего 25×21 м) примыкает вторая, несколько большая, отделенная от плато двумя параллельными валами со рвом между ними. На конце мыса, на склоне, имеется такой же небольшой ров, какой окружает Тростянецкое городище. На городище в с. М. Букрин встречается подъемный материал — керамика, относящаяся к двум различным эпохам — к XI—XIII вв. и к XV—XVII вв.

Тип и особенности городища в с. М. Букрин говорят о том, что оно было целиком создано в первый период, т. е. в XI—XIII вв., а при вторичном использовании почти не переделывалось, исключая сооружения своеобразного небольшого рва на склоне на конце мыса.

Тростянецкое городище, повидимому, следует считать целиком созданным в период вторичного использования городища в с. М. Букрин, т. е. в XV—XVII вв. Очевидно, оно является остатком казачьей сторожевой крепости.

Этот вывод подтверждается наличием подобного фортификационного приема — небольшого рва на склоне — и в более поздних укреплениях: в замках XVII—XVIII вв. (городище в с. Лесники — южнее Киева) и русских пограничных форпостах этого же времени (городище в с. Демидов, Дымерского района Киевской обл.).

Таким образом, городища мысового типа, в зависимости от деталей планировки и устройства их оборонительной системы, могут быть датированы различными эпохами, в том числе временем Киевской Руси и XV—XVII вв.

II

В 1888 г. В. Б. Антонович опубликовал в журнале «Киевская старина» статью под названием «Забывтый город», в которой описал чрезвычайно интересное и хорошо сохранившееся городище, имевшее в длину более одной версты, расположенное в верховьях Ирпеня, в урочище Грубск¹. Антонович считал его остатками большого древлянского города и придавал ему, повидимому, большое значение, так как несколько раз упоминал это городище в различных своих работах и докладах². Несколько позже, в 1893 г., Антонович повторил в печати описание Грубского городища, приложив на этот раз схематический план, добавив здесь же подробное описание раскопок курганов, расположенных вблизи³.

С тех пор замечательное Грубское городище больше не привлекало внимания исследователей. Между тем этот памятник представляет большой интерес и заслуживает гораздо более полного и тщательного изучения⁴.

¹ Киевская старина. 1888 г., апрель. Документы, стр. 24.

² Например, Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. 3. Киев, 1889, стр. 15.

³ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, СПб., 1893, стр. 38.

⁴ Городище расположено у села Грубское, Коростышевского района Житомирской области. Село основано около 50 лет тому назад и получило свое наименование по названию бывшего здесь урочища.

Городище расположено в совершенно плоской, низменной местности и было окружено по периметру мощным валом. В настоящее время хорошо сохранилась часть вала лишь с восточной стороны; с остальных сторон сохранность валов очень плоская. Вал с западной стороны городища, который уже при Антоновиче был сильно распахан, в настоящее время почти совершенно уничтожен. Однако контур городища можно проследить полностью (рис. 35—4).

Городище имеет в длину около 1 км, в ширину — около $\frac{3}{4}$ км. Площадь равна приблизительно 76 га. С юга на север через городище протекает небольшой ручей Тусква, в настоящее время совершенно пересохший. Значительная часть площади вдоль ручья и сейчас еще имеет заболоченный характер.

Вал в восточной части сохранился на высоту 2—3 м, а в одном месте, у въезда — более 5 м. Наружная сторона круче, чем внутренняя. Перед валом кое-где заметны следы оплывшего рва.

В южной части находится другое, малое городище, имеющее в плане правильную круглую форму (рис. 35—5). Диаметр его 105 м. Внутренняя площадка на 1,1 м выше окружающей территории; вал возвышается над этой площадкой приблизительно на 2,5 м. Перед валом сохранились слабо заметные следы рва. Въезд расположен с восточной стороны.

Как на малом, так и на основном городище в большом количестве встречается подъемный материал — русская керамика, относящаяся к XII—XIII вв. Таким образом, город, возникновение и существование которого Антонович относил к языческому времени, в действительности оказывается памятником более поздним, относящимся к самому последнему периоду истории Киевской Руси.

Более того: само существование древнерусского города на территории Грубского городища вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, площадь его очень велика и существовавший город должен был быть большим. Между тем никаких больших городов в этом районе русские летописи не называют. Кроме того, подъемный материал в большом количестве встречается только на малом городище и в южной и восточной частях большого, а в меньшем количестве — в северной его части¹. Вся средняя, заболоченная часть большого городища и вся западная его сторона лишены подъемного материала, и культурный слой, судя по обреза существующих ям и канав, отсутствует. Такое своеобразное расположение культурных напластований, не заполняющих всей площади городища, совершенно непонятно для древнерусского города.

Нехарактерна для системы планировки древнерусских укреплений и общая схема планировки Грубского городища, включающая внутри защищаемой валами территории болото и речку. Между тем для скифских городищ именно такая планировка укреплений является очень типичной, и ближайшие аналогии Грубскому городищу дают как раз скифские городища — Немировское и Пастерское.

Среди подъемного материала на Грубском городище (в северной его части), хотя и в очень малом количестве, встречаются фрагменты скифской керамики: венчики сосудов с характерным для скифского времени орнаментом — круглыми углублениями, не проходящими насквозь через стенки и образующими с наружной стороны выпуклости в виде горошин и др.

Все это дает основание считать Грубское городище скифским, лишь значительно позднее заселенным славянами.

¹ В восточной части большого городища, кроме того, обнаружены изразцы, относящиеся, повидимому, к XVII—XVIII вв.

Использование славянами более древних скифских городищ неоднократно приводило к путанице в датировке памятников. Характерным примером этому может служить Гочевское городище в Курской области. Оно состоит из нескольких, врезающихся в пойму р. Псел мысов, укрепленных самостоятельными линиями валов и рвов. Кроме того, большой наружный вал окольного города защищает все городище с напольной стороны. Многие исследователи считали Гочевское городище примером развитой системы обороны древнерусского города¹. Однако обследовавший городище И. И. Ляпушкин отмечает, что наружный вал в славянское время «оказался в полосе, занятой курганным могильником, и как оборонительное сооружение не имел значения»². Следовательно, время сооружения вала должно относиться к дославянскому периоду жизни городища. Действительно, под славянским культурным слоем имеется слой скифского времени. Таким образом, по предположению И. И. Ляпушкина, Гочевское городище представляет собой большое скифское городище, отдельные мысы которого позднее были превращены в славянские укрепленные поселения.

Повидимому, такая же картина имеет место и на ряде других городищ подобного типа, например, на Хорошевском в районе Харькова, на городищах близ села Басивки, Сумской обл., у с. Архангельское (Гольшевка) Воронежской обл. и некоторых других³.

Разница между упомянутыми городищами и Грубским заключается только в том, что там на скифских городищах славянские укрепленные поселения возникли в VIII—X вв., а на Грубском славянское поселение было основано уже в XII в. Культурный слой XII—XIII вв. является, таким образом, свидетельством наличия здесь открытого поселения, занявшего часть территории скифского городища и расположенного вокруг укрепленного центра, остатками которого является маленькое круглое городище.

Вопрос о датировке круглых городищ долгое время не мог быть решен главным образом вследствие того, что они очень часто смешивались с городищами-майданами. Выделение же подлинных городищ этого типа, т. е. расположенных на сравнительно ровной местности и имеющих не зависящую от условий рельефа правильную круглую (или иногда полукруглую) форму, показало, что эти памятники относятся в основном в XII—XIII вв. Впервые это было доказано И. И. Ляпушкиным на примере городищ Днепроовского левобережья⁴. Известны такие городища и в других областях Древней Руси⁵.

На Днепроовском правобережье характерным примером является городище в селе Григоровке⁶. Это маленькое городище (диаметром 60 м) рас-

¹ Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. Известия АН СССР, сер. истории и философии, т. VII, № 3, М., 1950, стр. 241.

² И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепроовской левобережной экспедиции 1948 г., стр. 20 (Архив ИИМК).

³ Предположение о скифском происхождении этих городищ было выдвинуто И. И. Ляпушкиным. По отношению к городищу у села Гольшевки эта точка зрения была подтверждена раскопками А. Н. Москаленко (доклад А. Н. Москаленко на пленуме ИИМК в апреле 1951 г.).

⁴ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепроовской левобережной экспедиции 1947 г., стр. 62 (Архив ИИМК).

⁵ Например, в Рязанской земле — Романово-Борисоглебское (В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки. Тр. XII археол. съезда, т. I, стр. 552), в районе Минска — в гор. Заславле (А. Н. Лявданский. Археологические раскопки в городе Заславле. Праці катэдр археолёгіі, т. I, Менск, 1928, стр. 5). Повидимому, городища этого типа существуют и на крайнем юго-западе Древней Руси — в бассейне Прута и Серета (ср. доклад Тимошука на пленуме ИИМК в апреле 1951 г.).

⁶ Село Григоровка находится в Переяслав-Хмельницком р-не Киевской области. Краткие сведения об этом городище были опубликованы Т. С. Пассек в отчете Поросской экспедиции 1945 г. (Археологічні пам'яткі УРСР, т. I).

положено на пологом склоне на юго-западной окраине села и носит у местных жителей наименование — «миска». Оно примыкает к краю оврага и было окружено валом и рвом, образующими в плане почти правильную циркульную линию (рис. 35—6). Вал и ров сохранились плохо и, повидимому, даже в древности имели очень небольшую мощность. Сторона, примыкающая к оврагу, также, очевидно, защищалась небольшим валом. Рядом расположено маленькое селище, относящееся, судя по подъемному материалу, как и городище, к XII—XIII вв.

Малое Грубское городище при значительном сходстве все же существенно отличается от Григоровского. Окружающий его вал гораздо мощнее и геометрически более правильный, чем в Григоровке. Небольшие раскопки, проведенные на малом Грубском городище, показали, что культурный слой здесь имеет толщину 0,4—0,65 м и может быть достаточно точно датирован. Найденные предметы относятся в основном к одному периоду — к XII—XIII вв., хотя были встречены и немногочисленные фрагменты керамики, характерной для XI в. Это дает повод для отнесения времени основания здесь укрепленного поселения к концу XI в. или первой половине XII в. Кроме того, судя по наличию фрагментов лепной керамики VIII—X вв., можно думать, что еще до основания укрепленного поселения на этом слегка возвышенном участке (до отложения культурного слоя XII—XIII вв. эта площадка была выше окружающей низины приблизительно на 0,6 м) существовало древлянское поселение¹.

Состав находок на городище очень типичен для древнерусского поселения: гончарная керамика XII—XIII вв. (в том числе отдельные фрагменты с зеленой поливой), обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, куски пиррофилитового сланца (красного шифера), кости животных и пр.² Следует отметить наличие предметов вооружения и конского снаряжения — две крестовины от сабель, наконечник двузубой стрелы, железные удила. Здесь же, повидимому, существовала кузница, так как на наружной стороне вала на небольшой глубине найдено несколько железных криц.

Устройство вала просто — он земляной, без специальных деревянных или каменных конструкций. В нижней его части, с внутренней стороны, обнаружены в довольно значительном количестве тонкие (диаметром до 12 см) и короткие (50—60 см) дубовые бревна, большей частью обгорелые. Большинство бревен лежит горизонтально и перпендикулярно друг другу, хотя и на различных уровнях, однако часть бревен лежит, повидимому, совершенно случайно. Назначение этих бревен неясно. Возможно, что они были уложены в нижней части вала для того, чтобы укрепить основание на болотистом грунте, но не исключена возможность, что эти бревна — остатки палисада, окружавшего первоначальное древлянское поселение.

Ров городища был наполнен водой, но имел незначительную глубину (около 1 м).

Первоначальное социальное назначение городищ в Григоровке и в Грубском может быть определено достаточно точно. Городище в Григоровке с его слабыми оборонительными сооружениями и бедным культурным слоем, конечно, не могло быть древнерусским городом. Это, несомненно, небольшое сельское укрепленное поселение, типа владельческого двора. Грубское горо-

¹ Остается нерешенным вопрос о соотношении городища и раскопанных Антоновичем курганов. Повидимому, подавляющее большинство этих курганов относится ко времени ранее XII в. Следует отметить, что в окрестностях села Грубского сохранились следы нескольких городищ, селищ и курганных могильников, еще совершенно не обследованных.

² Здесь обнаружены кости домашних животных (лошадь, корова, свинья, овца) и диких (олень).

дище, несмотря на его более мощные укрепления, насыщенный культурный слой и большие размеры окружающего селища, также не было настоящим городом, т. е. торгово-ремесленным поселением. Не могло оно быть и пограничной крепостью, так как расположено не на границе русских княжеств и тем более не на пограничье русской земли. Повидимому, малое Грубское городище представляет собой остатки феодального укрепления. Если городище в Григоровке было, вероятно, обычной укрепленной боярской усадьбой, то Грубское является остатками какого-то богатого, повидимому, княжского замка.

Т. М. МИНАЕВА

СЛЕДЫ ДРЕВНИХ ВЫРАБОТОК МЕТАЛЛИЧЕСКИХ РУД В УЩЕЛЬЕ р. МАРУХИ

Летом 1948 г. детский дом станицы Зеленчукской Ставропольского края организовал для своих воспитанников краеведческий поход с целью обследовать ущелье р. Марухи. Одной из задач похода являлось и археологическое обследование, в котором принял участие автор данной заметки.

Река Маруха, или Марух, как значилась она на старых картах, образует вместе с р. Аксаут р. Малый Зеленчук — левый приток Кубани. Вытекает она из ледников западной части Главного Кавказского хребта.

Ущелье Марухи в древности было мало заселено. Следы единственного значительного поселения обнаружены нами километров на пять выше современной станицы Маруха, по правому берегу реки, неподалеку от выхода ее из теснин. Это поселение располагалось вдоль невысокой террасы. За линией развалин до подножья гор простирались луга. Между развалинами и рекой, на низком берегу, заметны следы оградок из камня или из невысоких земляных валов, отделяющие небольшие участки обрабатывавшейся когда-то земли. С северного конца поселения виднеется холм, окруженный рвом, заросший в настоящее время деревьями и кустарником. К северу от него, судя по еле заметным овальным буграм, выложенным камнем — голышом, располагался могильник.

Для определения времени возникновения поселения нами не найдено никакого материала, так как развалины покрыты или мелким кустарником или очень густой высокой травой.

Выше по течению, в местах, где долина расширяется и образует достаточные луговые пространства, наблюдались следы небольших одиночных строений, с примыкающими к ним обширными огороженными участками. Это, повидимому, остатки древних кошей — жилищ пастухов и загонов для скота.

Природные условия долины р. Марухи применительно для поселения человека в общем те же, что и других долин горных рек западной части Сев. Кавказа — Кубани, Теберды, Б. Зеленчука. Однако в этих ущельях древние поселения встречаются почти вплоть до перевалов, тогда как в долине Марухи обнаружены следы только одного поселения.

Объяснение этому факту можно, на наш взгляд, искать в том, что срединная часть верхнего течения Марухи почти недоступна для человека. Проложить здесь дорогу не только колесную, но и для всадника, трудно.

В этой оторванности ущелья от прилегающих северокавказских степей и могла быть причина его незаселенности.

Но несмотря на необитаемость верхней части ущелья, природные богатства его были известны и в древности. И не только были известны, но в меру технических возможностей того времени эксплуатировались. Неоспоримым свидетельством этого являются места древних выработок металлических руд.

Первое из таких мест обнаружено нами на склоне, обращенном к урочищу Ретьщик — так местное население называет широкую открытую долину в том месте, где кончаются теснины Марухи. Склоны здесь густо поросли сосновым лесом. Среди леса, вблизи дороги, ведущей к реке, замечено скопление железных шлаков вместе с древесным углем и сажей. Скопление имело вид продолговатого, покрытого дерном до 20 см толщиной холмика. Небольшая часть его срезана дорогой, в глубокой колее которой обнаружен тот же пласт черной земли с сажей и кусочками шлака. Шлаки вместе с углями и сажей встречались и дальше на 10—12 м. Они залегали под дерном, что хорошо было заметно по рытвинам, сделанным кабанами.

Шлаки по весу тяжелые, видимо, со значительным количеством невыплавившегося металла (химическому анализу шлаки не подвергались). В некоторых кусках шлака сохранились угольки. Следов горна или других каких-либо остатков рудоплавильного дела не обнаружено.

Ни о способе, каким производилась выплавка железной руды, ни о времени, когда она производилась, пока ничего сказать нельзя, так как для решения этих вопросов необходимо произвести детальные исследования.

Второй пункт, обследованный нами, находится на левом берегу реки в 18—19 км выше по течению, на восточном склоне горы Большой Карабек. Здесь в скале обнаружена пещера, образовавшаяся в результате искусственной выемки породы. К ней легко подняться сначала по пологому склону, а выше по искусственно выровненному в древности подъему, который перед самым входом в пещеру в настоящее время завален крупными обломками скалы.

Пещера и искусственно высеченная к ней дорога хорошо видны с противоположного берега реки. Пещера имеет два ответвления. Первое, северное, тянется метров на 20—25. Ширина его метра четыре, высота 3—4 м. В центре этого «коридора» глубокая круглая яма.

Второе, южное, ответвление в виде сводчатой ниши углубляется в скалу всего метров на четыре-пять. На полу пещеры большое скопление золы, перемешанной с измельченной в порошок породой. Несомненно, что выработка производилась при помощи огня.

В золе на дне пещеры найдено некоторое количество черепков посуды, обломок костяного орудия и четыре экземпляра каменных молотов. Последние оказались в глубине южного ответвления среди мелких обломков камня.

Найденные молоты однотипны (рис. 36—1). Все они изготовлены из диорита, имеют толстый округлый обух и слегка приостренную нижнюю часть. Посредине — перехват в 3-4 см шириною, служивший для прикрепления молота к рукоятке. Высота или длина орудий от 20 до 15 см, ширина от 15 до 13 см. Они отличаются друг от друга только соотношением длины и ширины и степенью округлости. Один из них, например, выглядит более уплощенным, чем остальные, другой — более вытянутым в длину. Ни один из молотов не сохранился в целом виде. Все они имеют большие или меньшие отколы или же представляют собою только часть орудия.

Каменные молоты в этой пещере встречаются не впервые. А. А. Иессен со слов В. Н. Робинсона сообщает, что «здесь же около 1910 г. Н. И. Безбородько находил каменные молоты»¹.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 37.

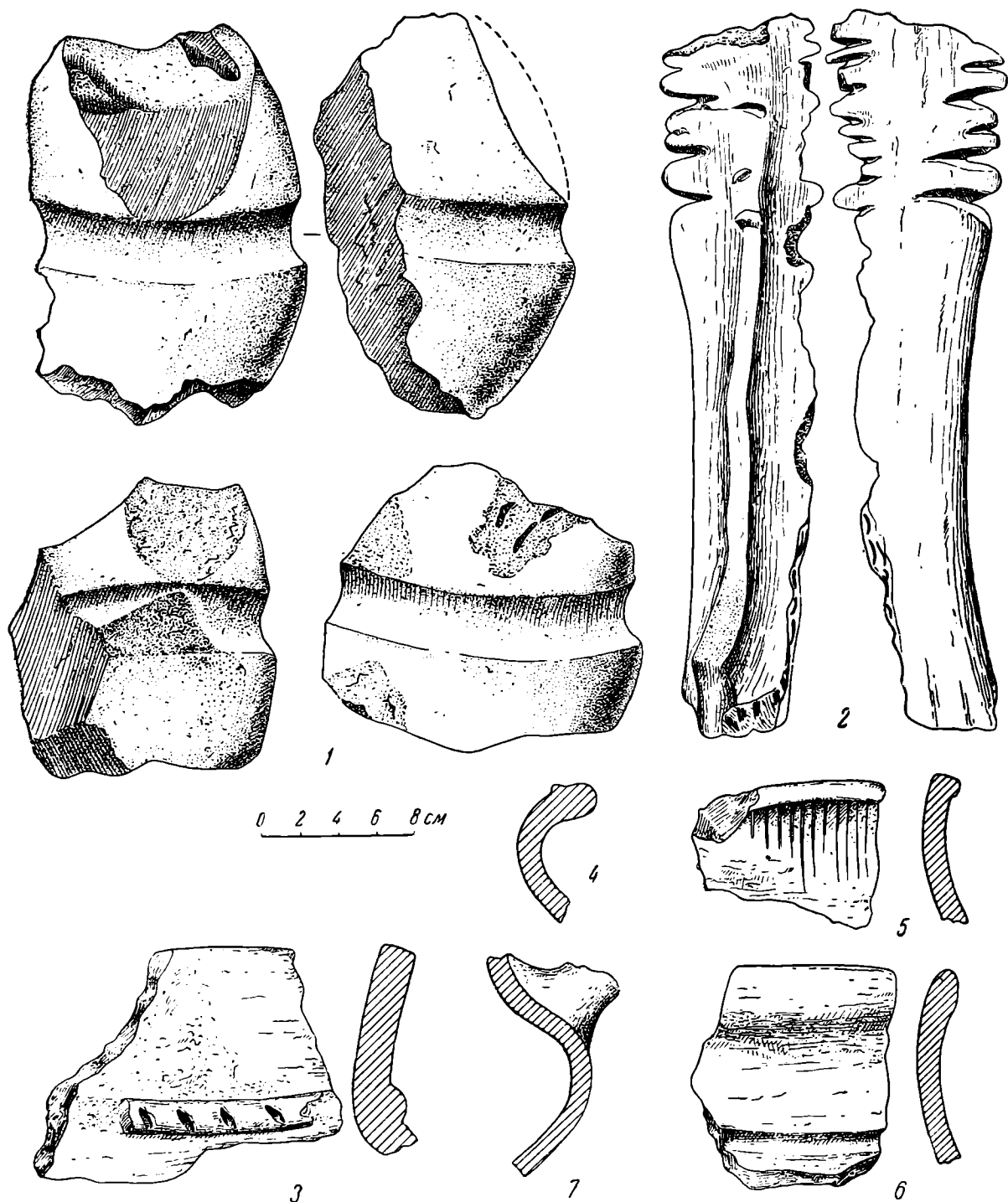

Рис. 36. Вещи из пещеры на р. Марузе

1 — каменные молоты; 2 — костяное орудие; 3—7 — фрагменты керамики

Костяное орудие изготовлено из лопатки крупного домашнего животного (лошади, коровы?). На одном конце его с двух сторон имеются широкие зубцы, противоположный — обработан в виде длинной плоской ручки. Предмет по виду напоминает двустороннюю пилку. Сохранность его, как и молотов, плохая. Самый конец с зубчиками обломан, зубцы на одной стороне выкрошились (рис. 36—2).

Назначение предмета неясно. Быть может, он служил для изготовления шнуров для привязывания молотов к рукояткам, или же им пользовались

при прикреплении молотов к рукоятке как приспособлением, помогающим туже натягивать шнур.

Фрагменты керамики немногочисленны, но весьма характерны. Это тонкостенные черепки с черной лощеной поверхностью, обломки нелощенных серых сосудов. Часть сосудов изготовлена на круге, часть леплена от руки. Глина с блестками слюды, что свойственно всей керамике, изготавливавшейся на Северном Кавказе. Орнаментировались сосуды налепными валиками по плечикам (рис. 36—3); по валику иногда наносились параллельные косые насечки или вдавления лощеными вертикальными полосками (рис. 36—5), горизонтальными бороздками или желобками (рис. 36—6) и пр. На одном из обломков от горла сосуда, вдоль утолщенного и сильно отогнутого наружу края, по внутренней его стороне имеется небольшой валик (рис. 36—4). Найден крупный фрагмент стенки небольшого горшочка с круглой в сечении ручкой. Горшочек имел сильно выпуклое тулово (рис. 36—7). Среди обломков ручек встречались эллиптические, круглые в сечении, а также широкие плоские. Некоторые имеют в верхней части порожек или круглое вдавление для пальца.

Подобная керамика хорошо известна по археологическим памятникам Северного Кавказа, на городищах и поселениях всей центральной части Предкавказья: на верхней Кубани, Ставропольской возвышенности, на реках Баксане и Куме, в окрестностях Нальчика и во многих других местах в большом количестве находятся фрагменты сосудов, аналогичных приведенным на рис. 35—3, 6. Одной из самых распространенных является форма небольшого сосуда с раздутым туловом и ручкой, подобным сосудику на рис. 35—7. Формы венчика то округлого утолщенного, то выступающего в виде бортика над поверхностью или сильно отогнутого наружу, как на рис. 35—5, 4, характерны для керамики городищ Ставропольской возвышенности и прикумских поселений. Характерен и орнамент в виде налепных валиков с насечками и вдавлениями, в виде желобков и блестящих черных полосок на лощеных сосудах.

Подобная керамика бытует на территории Северного Кавказа в эпоху раннего Средневековья. Наличие ее в пещере указывает на то, что в эту эпоху здесь производилась разработка руды.

Разумеется, это еще не решает вопроса, когда впервые в пещере стала добываться руда. Наличие средневековой керамики отнюдь не означает, что не существовали и более ранние разработки.

Известно, что во все времена, начиная с эпохи бронзы, количество металлических изделий, употреблявшихся населением Северного Кавказа, в частности и у алан, заселявших в раннее Средневековье срединную часть северокавказских гор, было велико. Самые распространенные из этих изделий, несомненно, изготавливались на месте. На месте же, повидимому, изыскивалось и сырье, на что указывают древние выработки руды в ущелье р. Марухи.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

И. Б. ЗЕЕСТ

ПАРОССКАЯ АМФОРА

Остродонные амфоры, служившие тарой для перевозки вина и некоторых других продуктов, являются важным свидетельством о наличии и характере торговых связей между отдельными городами античного мира.

В письменных источниках сорта вин неизменно различаются по месту их изготовления. В текстах упоминаются перевозившиеся на кораблях в различном количестве косские амфоры вина, фазосские, милетские и другие, причем происхождение вина из того или иного центра само по себе обозначало качество или сорт. Так, например, косское вино было широко известно как одно из дешевых и скверных сортов, в то время как фазосское славилось своим высоким качеством.

В IV—I вв. до н. э. во многих центрах, производивших вино или другие продукты, перевозка которых требовала керамической тары, установился обычай клеймения амфор.

Клейма наносились до обжига на горло или на ручки сосудов и служили не только гарантией мерности, но и свидетельствовали о месте производства данного продукта, хотя в содержании надписи самих клейм прямое указание на место изготовления не было обязательным.

Обычно клейма содержали имена чиновников, владельцев производства и различные эмблемы, которые служили достаточно понятным свидетельством о происхождении данной керамической тары.

Прямое указание на место производства имеется в штемпелях только некоторых центров: Фазоса, Книда и ряда мелких островных центров, продукция которых была небольшой и широкого распространения не имела.

В числе таких центров был остров Парос, выпускавший некоторое время свою клейменую керамическую тару.

Паросские клейма встречаются сравнительно редко как в Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье, что свидетельствует об ограниченности этого импорта. Выпуск клейменных паросских амфор был кратковременным и продолжался только в III — начале II вв. до н. э.¹

В известных нам коллекциях СССР имеется лишь одна целая клейменная паросская амфора (рис. 37). Эта амфора находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (ГМИИ 1, 16, № 1106). Она происходит из частной коллекции и не имеет точного паспорта.

¹ Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма (архив ИИМК).

Сохранность сосуда хорошая, за исключением утерянной нижней части ножки. Общая высота амфоры равна 47 см, наибольший диаметр в плечах 21 см.

У этого небольшого сосуда сравнительно высокое горло, слегка припухлое в верхней части, ниже венца, и маленькое коническое тулово с округлыми плечами. Ножка, повидимому, была цилиндрическая, подобная ножкам родосских амфор, но более вытянутая и узкая. Ручки овальные в сечении. Они прямо поставлены на плечи сосуда, параллельно друг другу. Длина ручек,

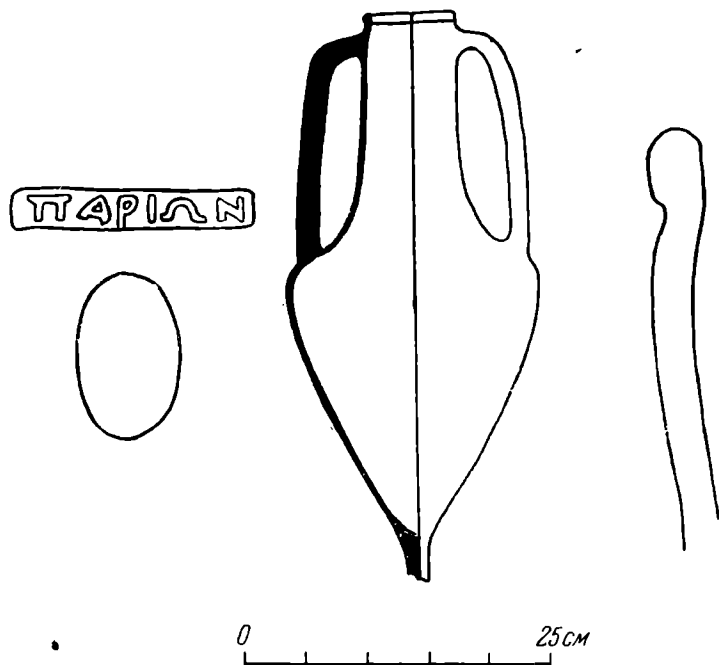

Рис. 37. Паросская амфора

в соответствии с высотой горла, равна 18 см. Их верхняя часть округлена, а на короткой части одной из ручек имеется клеймо παριῶν , свидетельствующее о месте производства.

Парос был одним из торговых центров Средиземноморья и славился в античном мире главным образом добычей одного из видов белого мрамора. Паросский мрамор широко применялся в строительстве и был одним из любимых материалов греческих скульпторов.

Импорт вина из этого центра, засвидетельствованный находками амфорных клейм, поступал не только в некоторые ближайшие центры Средиземноморья, но и в отдаленные города Северного Причерноморья.

Появление паросского вина на рынках городов Боспора совпадает со временем широкого развития посреднической торговли Родоса.

По всей вероятности, поступающий на Боспор ограниченный импорт паросского вина проникал сюда через посредство родосской торговли, определявшей в то время главное направление внешних связей Боспора.

И. Б. ЗЕЕСТ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМЫ ОДНОЙ НЕИЗВЕСТНОЙ ГРУППЫ ЧЕРЕПИЦЫ

(К вопросу об обработке массового материала в поле)

Среди массового материала раскопок Пантикапея, как и всякого античного городища, большое место занимают обломки черепицы. Преимущественно это черепица местного производства или привозная из центров Южного Причерноморья.

В слоях IV—III вв. до н. э., кроме постоянных групп черепицы, употреблявшейся в Пантикапее, встречаются и другие виды черепицы, не имевшие такого большого применения.

К одному из новых, неизвестных нам видов черепицы относятся неоднократно встречавшиеся обломки соленов из очень легкой красно-розовой глины, насыщенной блестками слюды и заметно отличающейся от боспорских и южнопонтийских глин, благодаря чему обломки этой группы черепицы легко выделяются среди прочих керамических изделий.

В раскопках Пантикапея 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе¹ было обнаружено около 20 подобных обломков. С целью выяснения особенностей формы этой черепицы все найденные обломки из разных штыков и с разных площадей выбирались отдельно. Затем из найденных фрагментов была выложена полная форма солена, с учетом функционального назначения отдельных частей черепицы. Невыясненным остался только размер, так как полный профиль целого солена составить не удалось. Поэтому размер выложенной из обломков реконструкции солена был взят 60 × 50 см, что примерно соответствует размеру боспорских и синопских черепиц.

Солен представляет собой прямоугольную плоскую плитку, толщина которой не превышает 2,5 см (рис. 38). Боковые длинные и один узкий края имеют приподнятые борта, образующие в местах соединения округлые внутренние углы. Стенки боковых бортов прямые, а борт узкого края с внешней стороны округлен в форме полувалика, ширина которого достигает 5—6 см.

У второго, узкого края солена с тыльной стороны выступ. Его длина несколько меньше ширины солена и соответствует расстоянию между боковыми бортами.

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, стр. 219.

По форме солен напоминает боспорские и пергамские черепицы¹, у которых на нижней тыльной стороне тоже выступ или «зуб», предназначенный для сцепления с нижележащим соленом. Различие заключается в том, что у черепиц типа боспорских около верхнего края солена устраивался невысокий выпуклый валик, за который зацеплялся «зуб» вышележащей черепицы, в то время как у соленов нового типа валик отсутствует и его функцию выполняет верхний, приподнятый борт.

Откуда привозилась новая группа черепицы в Пантикапей — нам неизвестно. Клейма на обломках не встречались. Несомненно только то, что этот тип не принадлежит к числу местных керамических изделий и, как сказано выше, отличается от пергамских. Он не связан также с импортом южных причерноморских городов, выпускавших совершенно иную по своей конструкции черепицу, отличающуюся другими свойствами глины (Синопа, Гераклея, Амастрий).

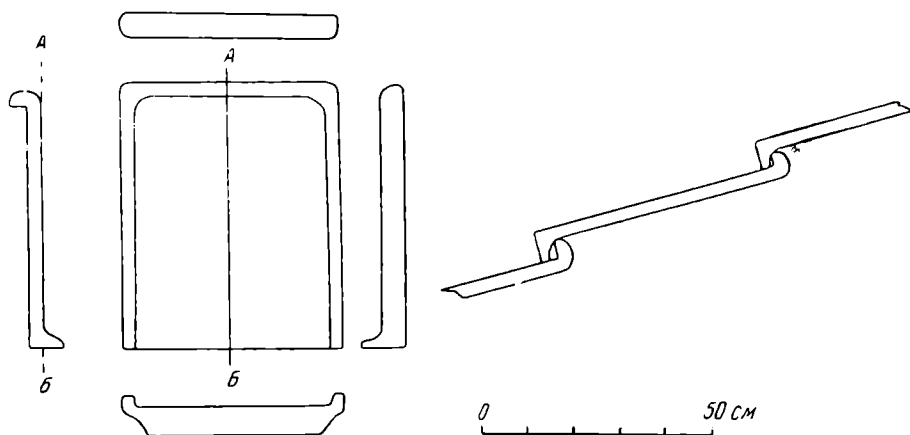

Рис. 38. Новый вид черепицы из Пантикапея

Более вероятно, что данная черепица изготовлялась на Фазосе или в другом близком к нему центре на Эгейском море. Фазосские керамические изделия отличаются тонкозернистой красноватой глиной, насыщенной слюдой, и глина обнаруженных соленов ближе напоминает фазосскую, чем глину какого-либо другого из известных нам центров керамического производства.

Торговые сношения Боспора с областью Эгейского моря и в частности с Фазосом на протяжении V—III вв. до н. э. были постоянными, и, хотя Пантикапей был в достаточной степени обеспечен собственной строительной черепицей, а отчасти и привозной из Синопы, небольшое количество черепицы могло проникать из Фазоса попутно с обильным ввозом оттуда вина.

Таким же способом одновременного сопоставления всех найденных профилированных частей была восстановлена форма гераклеяской черепицы, неизвестная ни в одном целом экземпляре.

Некоторые формы остродонных амфор, неизвестных в целом виде, были восстановлены тоже в процессе первичной обработки материала в поле. Так, например, было обращено внимание на одну форму лепной конусовидной ножки остродонной амфоры, отличающейся глиной, характерной для синопских керамических изделий. Обломки ножек амфор постоянно встречались среди массового материала. В течение двух раскопочных кампаний в Пантикапее были постепенно выделены и другие профилированные части амфор

¹ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 211.

из той же глины, а на основании стратиграфии находок выяснена датировка этого позднего неклеименного типа синопских амфор¹.

Восстановление формы некоторых предметов, в особенности больших, громоздких изделий из глины или камня, практически может быть осуществлено только во время полевых работ.

Однако не всегда удастся выяснить все особенности формы в течение одной раскопной кампании. При условиях стационарных работ, отобранные фрагменты могут быть сохранены на месте до следующего сезона, и только после окончательного выяснения формы предмета следует производить отбор необходимого количества профилированных частей, чтобы не обременять коллекцию лишним материалом.

---

¹ И. Б. Зеев. Новые данные о связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 2 (1951).

А. И. МЕЛЮКОВА

КАМЕННАЯ ФИГУРА СКИФА-ВОИНА

В Ждановском историко-краеведческом музее хранится часть каменной фигуры скифа-воина, найденная среди камней, заполнявших могильную яму под курганом, раскопанным во время строительства в 1941 г.¹ Как сообщил один из участников раскопок кургана, там же найден бронзовый трехгранный наконечник скифской стрелы. Эта находка свидетельствует о принадлежности к одной эпохе публикуемого ниже изваяния и погребения.

Верхняя часть каменной фигуры была отбита еще до того, как нижняя попала в засыпку могильной ямы, так как никаких других камней с изображением при раскопках кургана (рис. 39) не было найдено.

Высота сохранившейся части изваяния 0,72 м при толщине плиты 0,18 м. Материалом послужил коричневато-серый зернистый гранит. Каменной плите была придана форма человеческой фигуры, сужающейся к талии и расширяющейся к низу туловища. Ноги условно обозначены треугольником со срезанной вершиной. Эта часть фигуры, очевидно, была предназначена для вкапывания в землю, так как только таким образом фигура могла стоять вертикально.

Наружная и боковые стороны фигуры хорошо отделаны и заглажены, задняя поверхность обработана менее тщательно. На фигуре изображены предметы скифского военного обихода. Они сделаны глубокой резьбой и слегка рельефны. На талии обозначен гладкий кожаный пояс, на нем спереди, ближе к левому боку, висит меч в ножнах с характерным выступом для подвешивания к поясу, на левом боку — горит с луком, на правом секира и, вероятно, нагайка.

Скифское оружие передано в реалистической манере, хотя несколько схематизировано.

Публикуемое изваяние дополняет серию известных каменных фигур, изображающих скифов-воинов². Вместе с тем ряд заслуживающих внимания деталей отличает его от всех остальных. Прежде всего, на фигуре изо-

¹ Сведения получены из музейной инвентарной книги. Приношу благодарность директору Ждановского музея за разрешение опубликовать этот интересный памятник.

² См. P assek et Latinin. Sur la question... ESA, III, стр. 290 сл. Спицын. Археологические заметки. Тр. РАИОН, IV, М., 1929, стр. 487. Миллер, Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. Известия РАИМК, IV, стр. 97 и сл. Харлампович. Материали з археології та исторії Первомайщини. Вісник одеської комісії краєзнавства, 4—5, 1930.

бражены предметы, употреблявшиеся скифом-воином, которых нет на других скифских каменных стелах. Это боевой топор и предмет рядом с ним, возможно, нагайка.

Форма изображенного боевого топора с длинным обушком хорошо известна по находкам в скифских курганах¹ и по воспроизведениям на греческих изделиях, сделанных для скифов². На фигуре мы видим скифский боевой топор с длинной рукоятью. Важно то, что здесь, в отличие от всех остальных воспроизведений, передан способ его ношения скифом-воином; как видно, скифы носили боевой топор прикрепленным к поясу, на правом боку, вниз рукоятью.

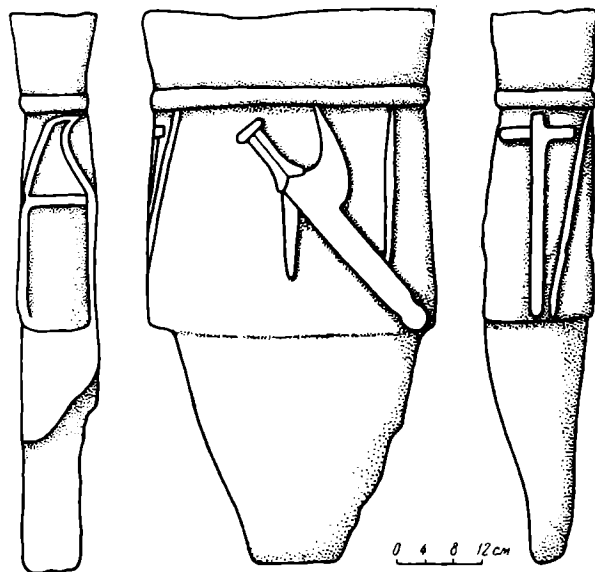

Рис. 39. Фрагмент каменной фигуры скифа-воина

Нагайки как предмет обихода конного скифа-воина неоднократно упоминались античными авторами³, но в археологическом материале не представлены⁴. Форма изображенного на фигуре предмета, как мне кажется, позволяет отождествить его с нагайкой. Вероятно, они делались из кожаных ремней и имели утолщенный конусообразный конец.

Интересны и другие детали, помогающие выяснению способов ношения оружия. Так, меч изображен прикрепленным к поясу не только при помощи боковой лопасти на ножнах, но и ремешком, соединяющим пояс со средней частью ножен. Подобное двойное прикрепление ножен меча к поясу еще ни разу не встречалось ни на предметах изготовления скифских мастеров, ни на фигурах скифов, изображенных на предметах греческого производства. Судя по реалистической манере передачи форм оружия и по тщательности изображения, следует считать эту деталь взятой с натуры. Очевидно в Скифии существовало два способа прикрепления ножен меча к поясу: при

¹ Находки топоров такого типа особенно хорошо известны в скифских курганах Посулья и бассейна р. Тясьмина, см., например, Бобринский. Раскопки курганов в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, 17, стр. 95, рис. 35.

² На серебряном сосуде из Частых курганов, МАР, 34, таб. I—V. На обивке горита из кургана Солоха. ОАК, 1913, рис. 195.

³ См., например, Геродот, IV.

⁴ В отдельных курганах найдены спиральные ленты, которые принимаются исследователями за обмотку рукояток нагаек. См., например, курган 4 у с. Аксютинцы, раскопанный Мазераки. ДП, т. II, таб. XXV, 428. Однако принадлежность находок к нагайкам весьма условна.

помощи только лопасти и с дополнительным креплением ремешком, соединяющим нижнюю половину ножен с поясом.

В связи с этим возможно объяснить назначение второго выступа на золотой обкладке ножен меча, найденной в кургане «Солоха». Вероятно, он служил для того, чтобы прикрыть место крепления ремня, отходящего от пояса. Возможно, что погребенный в кургане «Солоха» царь носил меч так, как это изображено на каменной фигуре из Мариупольского музея.

Следует обратить внимание на форму нижнего конца ножен меча. Мастер изобразил хорошо известные по археологическим находкам ножны с округленным расширением на конце, близкие к ножнам иранских акинаков. Принято считать, что способ ношения мечей в ножнах с расширением на конце был аналогичен способу ношения акинаков иранскими воинами¹.

Разбираемое нами изображение противоречит этому мнению. Очевидно, скифы-воины, в отличие от иранцев, не привязывали нижний конец ножен этой формы к ноге, а носили их так же, как ножны, сужающиеся книзу, — прикрепленными только к поясу. Ножны могли крепиться к поясу или у правого бока, как, например, это изображено на каменной фигуре скифа из Краснодарского музея, или спереди, посередине, как обозначено на большинстве скифских каменных изваяний.

Конусообразный предмет, прикрепленный справа к верхнему краю ножен, можно принять за украшающую их кисть. Аналогичное изображение кисти можно видеть на одной из каменных фигур скифов-воинов из Днепропетровского музея².

Свидетельством того, что кисти употреблялись в качестве украшений ножен меча, являются находки в некоторых скифских курганах ворворок от кистей вместе с мечом, например в Золотом кургане близ Симферополя³ и в одном из курганов, раскопанных Б. Н. Граковым на поле Никополь-строя⁴.

Лук в горите, висящий на левом боку воина, изображен с большой тщательностью, чего нельзя сказать о подобных изображениях на других каменных фигурах. Горит передает форму сложного скифского лука. Карман для стрел выделен специальным рельефом.

Важно также и то, что лук изображен не маленьким, как это сделано на большинстве фигур. Это лишний раз указывает на неправильность существующего представления о скифском луке, будто бы имевшем длину около 50 см. Находки в курганах скифских стрел длиной более 70 см и данное изображение служат доказательством того, что скифские луки имели не менее 70—80 см длины, а в отдельных случаях достигали 1 м.

Вопрос о том, к какому времени относится описанная фигура скифа-воина, можно решить только предположительно. Судя по форме рукояти изображенного меча, по тщательности, с какой передан набор вооружения, следует связать ее с ранними изваяниями этого типа. Наиболее ранней из всех известных нам каменных фигур можно считать статую из Краснодарского музея, относящуюся, судя по голове грифона на панцире, ко времени не позднее конца V в. до н. э. Близким к ней временем датируется фигура из Ак-Мечети⁵ и изваяние, найденное в Первомайском районе. Наиболее вероятной датой для фигуры из Мариупольского музея является IV в. до н. э., так же как и для упомянутой статуи из Днепропетровского музея.

¹ См. например, Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London, 1941, стр. 265, 266.

² Инв. № 7961. В публикации в *ESA*, III, стр. 294, р. 2, изображение кисти передано неправильно.

³ ОАК за 1890, стр. 4 сл.

⁴ Не издан, хранится в Никопольском музее.

⁵ П. Н. Шульц. Памятники монументальной скульптуры Неаполя Скифского. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г., М., 1947, стр. 63.

К более позднему времени относятся вторая из опубликованных фигур из Днепропетровского музея¹, статуя из Херсонского музея² и найденная у станицы Елизаветинской³.

Таким образом, публикуемое изваяние не изменяет существовавшего представления о времени распространения каменных фигур скифов-воинов. Появление их относится ко второй половине V в., тогда как большинство датируется IV—III вв. до н. э. Очевидно, они бытовали в то время, когда были распространены и другие антропоморфные изображения, сделанные местными и греческими мастерами.

На разнообразных бляшках, обивках горитов, сосудах, навершиях и других предметах греческой и местной работы конца V—III вв. до н. э. можно видеть бытовые, ритуальные сцены и мифологические сюжеты, наряду с изображениями божеств.

Б. Н. Граков объясняет появление антропоморфных изображений в Скифии переходом к новым социальным порядкам, к раннему рабовладельческому государству. «До этой эпохи не появлялись соответствующие изображения потому, что культ более раннего времени еще не требовал обязательных антропоморфных изображений»⁴. Начиная с эпохи Атея скифские божества стали воплощаться как в греческих, так и в местных произведениях (Таргитай, Геракл, Папай).

К какому циклу изображений могут относиться каменные фигуры скифов-воинов?

На всех целых изваяниях обязательным является воспроизведение ритона в руках и оружия на поясе, среди которого центральное место принадлежит мечу.

Ритон, как можно считать установленным, был в Скифии символом царской или божеской власти. Меч, кроме своего прямого назначения — оружия, имел еще и культовый характер, по крайней мере в VI—V вв. до н. э. Он был символом бога войны Арея, которому скифы, как пишет Геродот, приносили кровавые жертвы. Как оружие меч употреблялся главным образом царями и богатыми дружинниками. Даже в конце скифской эпохи, так же как и металлическая броня, он не стал обычным видом вооружения рядового воина.

Следовательно, можно предполагать, что каменные фигуры, в том числе и публикуемое изваяние, изображали или царя (так же, как на бляшке из кургана у с. Аксютинцы), или божество, которому скифы поклонялись. Последнее представляется более вероятным. Скорее всего подобные каменные фигуры были антропоморфным изображением бога войны Арея, обязательным атрибутом которого был меч.

В отличие от изображений Геракла, в которых сильно сказалось греческое влияние, скифские каменные фигуры были произведениями чисто местного искусства. Их делали скифские мастера, жившие, очевидно, в разных областях Скифии, о чем свидетельствуют различные места находок изваяний этого типа.

¹ ESA, III, стр. 295, рис. 3а — б.

² Там же, стр. 296, рис. 4.

³ Миллер. Указ. ст. ИРАИМК, IV, стр. 103.

⁴ Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 15.

Н. Б. ШЕЙХОВ

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ БУЛАВКИ КАК ПРИЗНАК ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА VII—X ВВ. Н. Э.¹

Исследованиями последних лет установлено бытование на территории Дагестана в VII—X вв. н. э. так называемой «алано-хазарской» культуры, в общих чертах характерной для всего Северного Кавказа и, отчасти, юга Восточной Европы.

Сам термин «алано-хазарская» культура, к сожалению, прочно вошедший в археологическую литературу, является искусственным, нивелирующим местные особенности материальной культуры различных областей. Неправомерность применения этого термина, за которым скрывается порочный метод интерпретации археологических источников, не позволяющий видеть конкретную историю отдельных народов и, в первую очередь, малых этнических групп, не требует разъяснений.

Выявление местных признаков, локальных особенностей в культуре отдельных племен и народностей гораздо важнее и сложнее, чем беспочвенное прослеживание широкого распространения одинаковых форм вещей на значительной территории. В этом отношении показательными являются работы по истории русской культуры, в которых устанавливаются определенные племенные признаки, проявившиеся в женских украшениях².

Следуя их примеру, автор настоящей статьи ставит целью выделить местные элементы, а равно и локальные особенности культуры раннесредневекового Дагестана и доказать своеобразие некоторых культурных элементов в памятниках VII—X вв. н. э. Эта задача отчасти разрешается в работе, посвященной анализу погребального обряда VII—X вв. н. э.³

Настоящая статья посвящена историко-культурной характеристике другого рода источников — женских головных булавок, являющихся характерной принадлежностью женского туалета в изучаемую эпоху. Наличие их в погребении определеннее всего свидетельствует о женском захоронении.

Все до сих пор известные дагестанские головные булавки, кроме одной, происходят из Агачкалинского могильника, склепы и грунтовые погребения

¹ Е. И. Крупнову и К. Ф. Смирнову приношу свою благодарность за ценные советы.

² Прежде всего имеются в виду работы А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова.

³ Н. Б. Шейхов, Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, как исторический источник, КСИИМК, вып. XLVI, стр. 101.

которого дали значительный материал (керамику, оружие, предметы конского убора и различного рода украшения — браслеты, перстни, серьги, зеркала, исследуемые булавки и т. д.), позволивший датировать могильник в целом VII—X вв. н. э.¹

Как правило, булавки (обычно их было две), находимые *in situ*, располагались крест-накрест на темени погребенной.

Женские булавки представляют собой гладкий бронзовый стержень круглого сечения с головкой — навершием. В зависимости от устройства головки все булавки можно разделить на три группы². Форма головки выделяет тот или иной тип внутри группы. Размеры булавок различные, и мы их здесь не приводим.

Группа I

К группе I (рис. 40) относятся булавки, головки которых образованы своеобразным окончанием стержня, т. е. слиты с ним.

В зависимости от формы головки, булавки этой группы делятся на пять типов:

Тип 1-й — с плоской «ромбовидной» головкой, сделанной уплощением верхнего, тупого конца бронзового стержня с последующей придачей ему формы ромба, нижний угол которого переходит в прямой стержень. Таких булавок найдено всего две — в склепе № 5 и в погребении № 16 (рис. 40—1, 2).

Тип 2-й — с овально-уплощенной головкой, сделанной тем же способом. Три экземпляра — 2 из погребения № 16 и 1 из склепа № 1 (рис. 40—3—5).

Тип 3-й — с «крестовидно-ромбической» головкой с отверстием посредине. Головка представляет собой бронзовый «ромб», три верхних угла которого заканчиваются округлыми рожками. У основания нижнего, слитного со стержнем угла — округлое утолщение. Такую головку возможно назвать просто «крестовидной». Единственный экземпляр найден в склепе № 6 (рис. 40—6).

Тип 4-й — булавка с навершием в виде шарика, вероятно отлитого вместе со стержнем. Такой тип в фрагментарном состоянии найден в склепе № 2 (рис. 40—7).

Тип 5-й — булавка с гвоздевидной головкой-шляпкой. Найдена в склепе № 6 (рис. 40—10).

Группа II

Эту группу (рис. 40) составляют булавки с головками из напускных бусин, заключенных между двумя звездчатыми гаечками и закрепленных при помощи заклепок. По форме напускных бусин и их закрепления группа делится на шесть типов:

Тип 1-й — с головкой из 14-гранной сердоликовой бусины, прямоугольной формы, заключенной с узких сторон между звездчатыми гаечками. Оба образца, представляющие этот тип, найдены в погребении № 3 (рис. 40—11, 12).

Тип 2-й — с головкой из бусины той же формы, заключенной с длинных, продольных сторон между звездчатыми гаечками. Единственный образец найден в склепе № 2. Бусина сделана из непрозрачного синего стекла (рис. 40—15).

¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дзгестана. КСИИМК, вып. XXXVIII. Там же приводятся некоторые типы булавок.

² Делению на группы подвергнуты только булавки из Агачкалы.

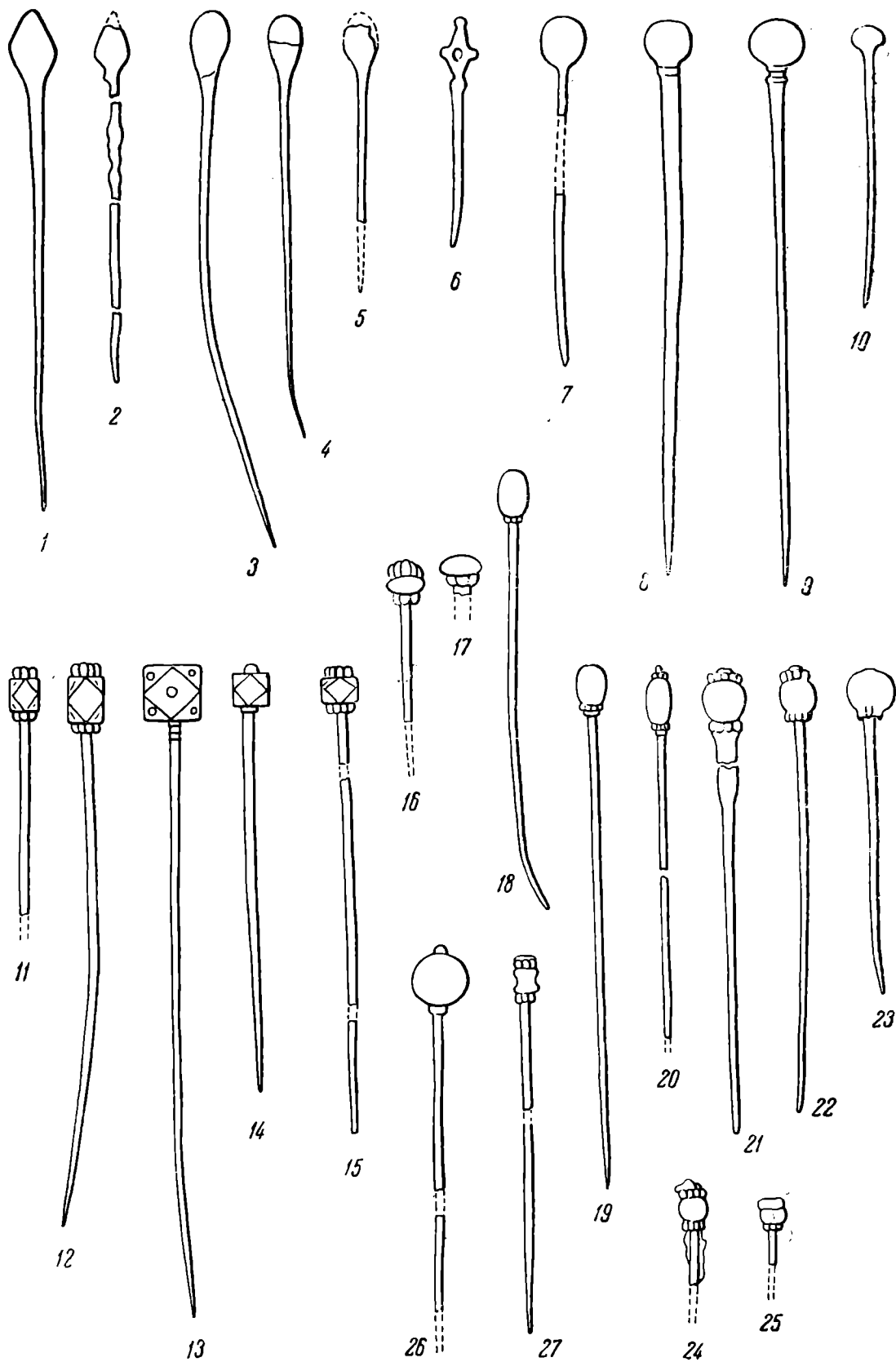

Рис. 40. Головные булавки I и II группы

1 — 2 — тип 1-й (Агачкала); 3—5 — тип 2-й (Агачкала); 6 — тип 3-й (Агачкала); 7 — тип 4-й (Агачкала); 8 — булавка из Чми (по Уваровой); 9 — булавка из Мцхеты (по оригиналу из Эрмитажа); 10 — тип 5-й (Агачкала); 11—12 — тип 1-й (Агачкала); 13—14 — из Мцхеты (Эрмитаж); 15 — тип 2-й (Агачкала); 16 — 17 — тип 3-й (Агачкала); 18 — тип 4-й (Агачкала); 19 — из Мцхеты (Эрмитаж); 20 — из Санты (по Кувтину); 21 — 25 — тип 5-й (Агачкала); 26 — из Мцхеты (Эрмитаж); 27 — тип 6-й (Агачкала)
1—10—I группа; 11—27—II группа

Тип 3-й — с головкой из уплощенно-круглой чечевицеобразной бусины, заключенной с широких сторон между звездчатыми гаечками. Два подобных экземпляра найдены в склепе № 4. Бусины из сине-зеленого стекла и альмандин (рис. 40—16—17).

Тип 4-й — с головкой из овальной бусины, заключенной с узких сторон между звездчатыми гаечками. Такая булавка с головкой из синей бусины найдена в погребении № 7 (рис. 40—18).

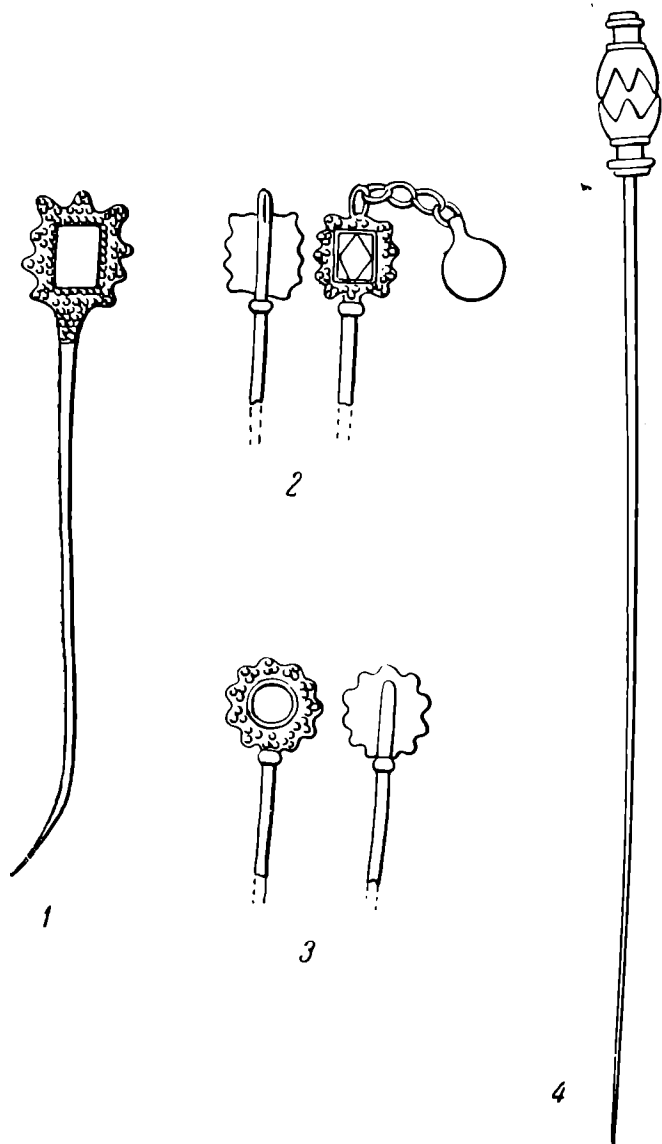

Рис. 41. Головные булавки III группы

1 — тип 1-й (Агачкала); 2 — тип 2-й (Агачкала); 3 — тип 3-й (Агачкала); 4 — булавка из Кана-Сираги

вставки, несмотря на звездчатость первой.

Все три булавки этой группы характеризуют три различных типа:

Тип 1-й — представлен булавкой из погребения № 7. Головка ее состоит из 10-конечной звездчатой пластинки, покрытой псевдозернью и

¹ В склепе № 2 было найдено много предметов, напоминающих головки булавок этой группы, но, учитывая их расположение, отсутствие стержней, мы считаем их принадлежностью ожерелья. На обратной стороне имеются петельки, вероятно, служившие для нанизывания на нитку.

Тип 5-й — с головкой из округлой, шаровидной бусины. Две такие булавки с бусинами из непрозрачного синего стекла найдены в склепе № 2; одна с круглой сердоликовой бусиной — в склепе № 6; по одной — в склепах № 1 и 5 (рис. 40—21—25).

Тип 6-й — последний тип этой группы представлен булавкой с головкой из бусины голубовато-серого непрозрачного стекла, блоковидной формы, заключенной с плоских сторон между звездчатыми гаечками. Найдена в склепе № 2 (рис. 40—27) ¹.

Группа III

Самую интересную по технике выполнения группу (рис. 41) составляют две булавки из склепа № 2 и одна из погребения № 7.

Головки этих булавок состоят из пластинок с зернью или псевдозернью со вставками посередине. Пластины наложены на основание, прикрепленное к стержню при помощи колечка, припайки и т. д.

Форма головок различна. Наблюдается зависимость друг от друга формы пластинки и гнезда для

прикрепленной к основанию. Посредине головки — плоская сердоликовая вставка прямоугольной формы (рис. 41—1).

Тип 2-й — с головкой, близкой к первому типу, состоящей из 11-конечной звездчатой пластинки с зернью. В гнезде прямоугольной формы — вставка синего стекла в виде 14-гранника. Верхний конец стержня поднимается выше пластинки с зернью и имеет отверстие — ушко, к которому прикреплена цепочка из четырех звеньев с бубенчиком (рис. 41—2).

Тип 3-й — с плоской 11-конечной округло-звездчатой головкой. На эту основу наложена пластинка той же формы, каждый луч которой состоит из трех зерен. Гнездо круглой формы имеет полусферическую красно-коричневую вставку (рис. 41—3).

Последняя известная нам с территории Дагестана булавка — из могильника Кана-Сираги¹.

Она не имеет по форме аналогий среди вышеописанных и характеризует новый тип.

На длинный бронзовый стержень приделана головка из двух шестилучевых колпачков. При скреплении колпачков со стержнем лучи в виде углов острями направлены друг к другу. В обе стороны, вниз и вверх от колпачков, отходят трубочки с окантовкой — кольцом. В своеобразное гнездо, образованное подобным скреплением колпачков, посажен сердоликовый шарик, придающий изделию исключительную красоту (рис. 41—4).

Сравнительно небольшое число булавок в Агачкалинском могильнике объясняется разграбленностью основной массы погребений. Но и то количество, которым мы располагаем, определенно свидетельствует о довольно широкой распространенности женской головной булавки на территории Дагестана в период бытования так называемой «алано-хазарской» культуры. Это особенно важно потому, что женские булавки характерны лишь для отдельных районов Кавказа в определенные эпохи.

Так, для Северного Кавказа они не характерны ни в изучаемую эпоху, ни в предшествующие. Среди многочисленных древностей Северного Кавказа мне известны только три булавки. Две из них представлены среди вещей из могильников Камунты, Кумбулты, Ичкерии, Доликау, Центорой, Ялхой-Мокх, Саниба, Махческ, Данифарса и Корца в собрании Н. С. Семенова². Эти булавки типологически отличны от наших и, естественно, находясь в коллекции, собранной с различных памятников, не могут быть датированы. Третья известная мне булавка «с гладким круглым стержнем и круглою головкою»³ происходит из Чми и датируется не ранее VIII в. н. э. По устройству и форме головки она близка к нашему 4-му типу группы I.

Однако женские головные булавки, бронзовые и костяные, различных форм хорошо известны из могильников Закавказья. Древнейшими являются костяные из могильника крепости Гарни⁴, относящегося к первым векам до н. э. и н. э. Особый интерес представляет большая серия булавок с территории Грузии. Многие из них аналогичны некоторым типам дагестанских. Так, одна из булавок из могильника близ Санты⁵, Цалкинского р-на, очень близка нашей с головкой из овальной бусины, заключенной с

¹ Найдена вместе с бусами, позволяющими датировать ее не позднее VIII в. н. э. Находка была сдана в Дагестанский музей гр-кой П. Мусахановой из Сергокалинского р-на.

² ОАК за 1895, стр. 75, рис. 200, 201.

³ Уварова. МАК, вып. VIII, стр. 119, табл. VIII, 9.

⁴ Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни, ВДИ № 4, 1951, стр. 110—111.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 22, рис. 25—4.

узких сторон между двумя звездчатыми гаечками, т. е. 4-му типу группы II.

Такой же тип булавки имеется среди изданных из раскопок Е. С. Такайшвили в Мцхете¹. В этом же издании булавка, означенная под буквой «В»², имеет головку из шаровидной бусины и аналогична 5-му типу группы II. Некоторый интерес представляют и другие мцхетские (изданные) булавки, среди которых имеются как близкие, так и отличные от наших типы.

Из неизданных мцхетских булавок близка к нашему 4-му типу группы I литая бронзовая с округлой головкой³. 1-й и 2-й типы группы II наших булавок напоминают две мцхетские с 14-гранными головками⁴ из бронзы и темносинего стекла.

Основная масса мцхетских булавок не находит аналогий у нас и характеризует местные типы.

Отдельные, сходные с нашими типами образцы известны и из других могильников Грузии⁵, но и там большинство их представлено местными формами. Указанные нами булавки, как грузинские, так и дагестанские, в принципе одного и того же устройства.

Просмотрев мцхетские экземпляры и сравнив их с дагестанскими, можно убедиться в бытовании общих приемов изготовления. У большинства булавок с напускными бусами головки скреплялись со стержнем при помощи гаечек и заклепок с звездчатыми вставками⁶. Лишь у некоторых мцхетских образцов бусины головок скреплены при помощи жемчужного бисера, нанизанного с обеих сторон на стержень.

Назначение булавок повсюду одинаково — оно определяется местом их расположения среди остального инвентаря погребений. У голов покойниц лежали и костяные булавки из Гарни⁷, и бронзовые из Грузии⁸, и, как мы указали, дагестанские. Все грузинские булавки хорошо датированы — их бытование относится к V—VII вв. н. э.

Б. А. Куфтин считает, что головные булавки с напускными бусами для V—VII вв. н. э. являются исключительным своеобразием женского туалета Грузии⁹. Он же признает их не местное происхождение, не указывая конкретно района заимствования. Вероятнее всего, что генезис закавказских булавок связан с районом Средиземноморья. На это указывает наличие, наряду с простыми гарнийскими булавками, более изящных и дорогих булавок греческих образцов в других, более эллинизированных в свое время районах.

Так, первыми веками нашей эры датируются очень изящные, иногда серебряные и золотые булавки из Херсонеса Таврического¹⁰. Несомненно, что гарнийские костяные с головкой в виде кружочка¹¹ явились прототипом таких же, но более изящных бронзовых грузинских¹².

Среди мцхетских булавок есть экземпляр с головкой в виде раскрытой кисти человеческой руки¹³, невольно заставляющей вспомнить образец из указанного комплекса Херсонеса Таврического¹⁴. Наши соображения под-

¹ ОАК за 1902, стр. 96, рис. 201 (Л).

² См. тот же рисунок.

³ Гос. Эрмитаж, отдел Востока, инв. № Кз 1911.

⁴ Там же, инв. № Кз 1902.

⁵ Фотоархив МОИИМК, «Каталог фотографических видов Ермакова».

⁶ Б. А. Куфтин. Указ. работа, стр. 22.

⁷ Б. Н. Аракелян. Указ. работа, стр. 110.

⁸ ОАК за 1902, стр. 96.

⁹ Б. А. Куфтин. Указ. работа, стр. 23.

¹⁰ ОАК за 1892, стр. 21, рис. 12—14.

¹¹ Б. Н. Аракелян. Указ. работа, ВДИ № 4, стр. 112, рис. 9.

¹² ОАК за 1902, стр. 96, рис. 201—ж.

¹³ Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, инв. № Кз 1919.

¹⁴ ОАК за 1892, стр. 21, рис. 12.

крепляются постановкой Б. Н. Аракелян о вопросе об эллинистическом характере культуры Гарни¹.

Если вопрос о генезисе закавказских булавок может считаться более или менее проблематичным, то этого нельзя сказать в отношении генезиса дагестанских. Агачкалинский могильник дал ряд вещей, явно привозных с юга, в частности из Закавказья², свидетельствующих об оживленных связях населения раннесредневекового Дагестана с более южными районами. Привозной характер некоторых первоначальных форм дагестанских булавок из Закавказья, точнее из Грузии, мне представляется несомненным. Но женская головная булавка получает в Дагестане свое дальнейшее развитие — вырабатываются типично дагестанские местные формы и приемы изготовления. Возможно, что некоторые булавки, так же как и различного рода богатые украшения, требующие большого мастерства и специализации при изготовлении, вырабатывались в одном из городских центров³. В этой связи интересно отметить, что головки булавок третьей группы изготовлены точно так же, как и некоторые предметы иных женских украшений, и даже подражают им по форме. Точно так же не может быть сомнения, что наиболее простые образцы, как, например, некоторые образцы булавок I группы, могли вырабатываться на месте ремесленниками поселения. Это свидетельствует о высокой степени их распространенности на территории раннесредневекового Дагестана. Безусловно, что бытование женской головной булавки связано с определенным обрядом, модой женского наряда, распространенной у населения раннесредневекового Дагестана.

Б. Н. Аракелян связывает бытование булавки с высокой прической античного образца⁴, Б. А. Куфтин — с головным убором вида грузинского гавсакрави⁵. Думается — они могли служить и той и другой цели.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: женские головные булавки характерны для могильников Дагестана VII—X вв. н. э. и являются исключительным своеобразием женского наряда этой эпохи.

Редкость находок женских головных булавок в других синхронных могильниках Северного Кавказа выделяет Дагестан из мира «алано-хазарской» культуры как область, характеризующуюся распространением особых форм женских головных булавок, что является одной из локальных особенностей материальной культуры раннесредневекового Дагестана.

---

¹ Б. Н. Аракелян. Указ. работа.

² К. Ф. Смирнов. Указ. работа, КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 118.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Б. Н. Аракелян. Указ. работа, ВДИ № 4, 1951, стр. 110.

⁵ Б. А. Куфтин. Указ. работа, стр. 24

В. И. ДОВЖЕНОК

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ ИДОЛЫ ИЗ С. ИВАНКОВЦЫ В ПОДНЕСТРОВЬЕ

Так называемый «Збручский идол», извлеченный в 1848 г. со дна реки Збруч возле местечка Гусятина, до последнего времени был единственным в этом роде памятником и не имел себе подобных в многочисленных памятниках древности нашей страны. Это, естественно, мешало правильному историческому освещению памятника, «Збручский идол» вызывал много спорных вопросов и оставался по сути дела долгое время неразгаданным. В дореволюционной русской и зарубежной литературе высказывались самые противоречивые мнения относительно его назначения, к какому времени он относится, какому народу принадлежит. О «Збручском идоле» писали советские ученые¹, которые внесли определенную ясность в историческое освещение этого памятника. Однако до сих пор многие вопросы требуют уточнения, в частности и вопрос о датировке «Збручского идола», для чего необходимы новые находки подобных памятников.

В свете изложенного становится понятно значение каменных фигур, одна из которых подобна «Збручскому идолу», обнаруженных в 1950 г. в с. Иванковцы в Поднестровье, на поселении культуры полей погребений черняховского типа.

В конце 1950 г. Институт археологии Академии наук Украинской ССР получил письмо от И. Старинского, в котором автор сообщал, что в с. Иванковцы, Ново-Ушицкого района, Каменец-Подольской области находятся две каменные фигуры, — одна из них стоит вкопанная в землю и имеет с трех сторон изображения человеческих лиц, а другая лежит на поверхности и представляет собой одностороннее скульптурное изображение человека.

На место обнаруженных памятников для предварительного обследования и разведки территории выехал автор настоящего сообщения. Результатам предварительного обследования и посвящено настоящее сообщение.

Село Иванковцы расположено на левом берегу Днестра в нескольких километрах от реки на склонах глубокой балки, по которой протекает небольшой ручеек Батижок, впадающий в Днестр (рис. 42). Каменные фигуры находятся на северо-западной окраине села, в районе кладбища, на огородах колхозников. В настоящее время здесь две фигуры. В недалеком прошлом была еще третья, по рассказам старожил, подобная той, которая

¹ Ф. Д. Гуревич. Збручский идол. МИА СССР, № 6, 1951 г.; Б. А. Рыбаков. Рецензия на статью Ф. Д. Гуревич, ВДИ. 1946, № 6.

стоит; теперь она разбита и прикопана на том месте, где стояла; отдельные ее части можно заметить на поверхности почвы.

Первая фигура (рис. 43—1, 2) представляет собою четырехгранный столб из местного известняка, высоту 1,8 м и объемом 37×40 см.

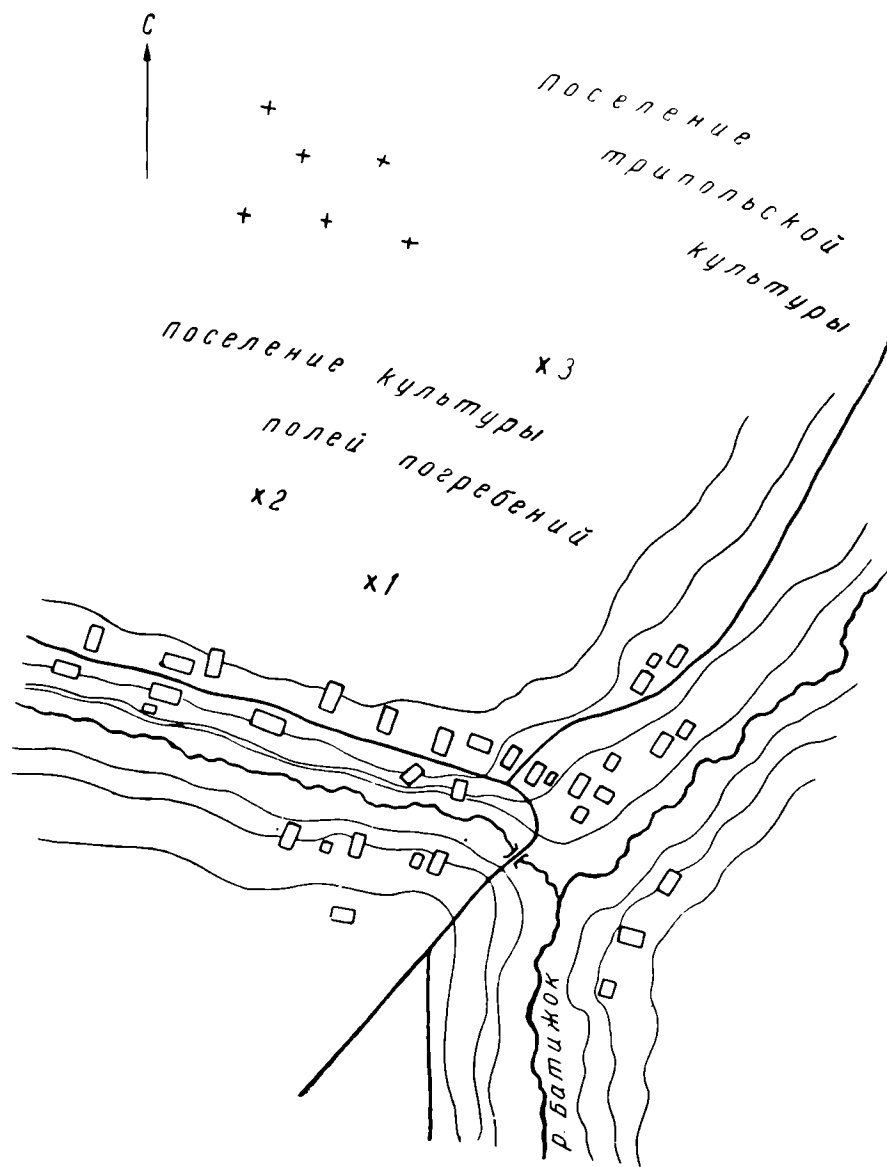

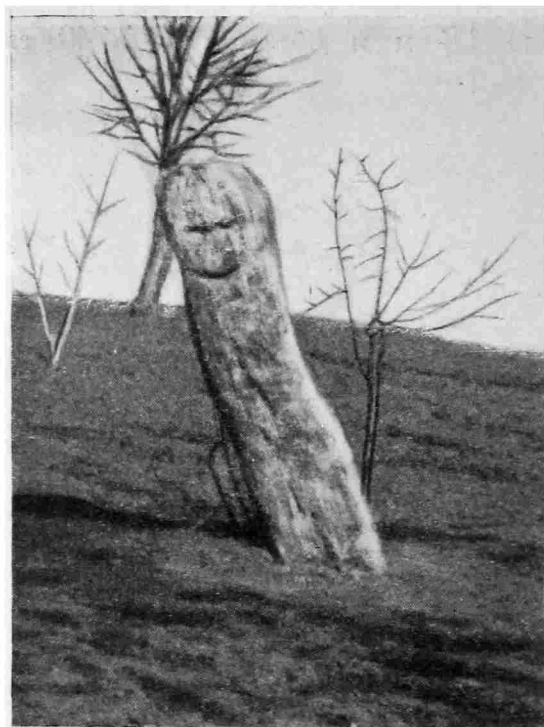
Рис. 42. Схематический план северо-западной окраины с. Иванковцы, где находились каменные фигуры древнеславянских идолов
1 — каменная фигура с трехсторонним изображением; 2 — каменная фигура с односторонним изображением; 3 — разбитая каменная фигура

Поверхность камня выветрена, потрескалась и местами покрыта мхом. На северной, восточной и южной сторонах имеются трещины, идущие сверху вниз и раскалывающие столб продольно на три части.

На плоскостях столба внизу и посередине имеются выпуклости и впадины явно искусственного происхождения, вероятно следы каких-то прежних изображений, разрушенных временем и действиями атмосферных явлений. По рассказам старожил, на плоскостях столба были заметны какие-то знаки и фигуры, но что изображали эти знаки, они не помнят.

Изображения человеческих лиц сохранились сверху столба с трех сторон. Наиболее хорошо сохранилось лицо на южной стороне (рис. 43—1). Оно изображено в виде округлости, врезанной в плоскость камня на

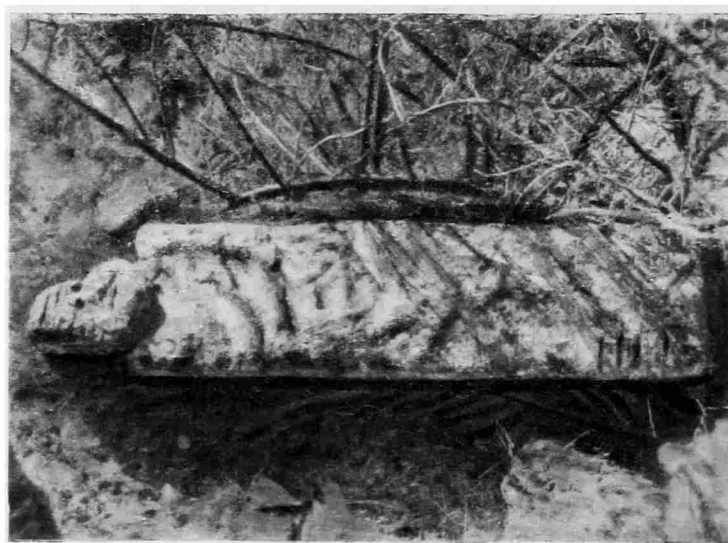
1—2 см; глаза и рот выражены углублениями. Можно предполагать, что художник в этом изображении стремился отразить черты женского лица.

1

2

3

Рис. 43. Каменные фигуры древнеславянских идолов (фото)

Первая фигура: 1 — вид с южной стороны; 2 — вид с западной стороны; вторая фигура: 3 — вид сверху

Относительно хорошо сохранилось лицо на западной стороне (рис. 43—2). Здесь отчетливо заметны углубления глаз, рта, а также выделяется борода. Лицо на западной стороне сделано более крупным, чем на южной. Повидимому, здесь изображено мужское лицо.

Хуже сохранилось изображение человеческого лица на северной стороне (рис. 44—1). Здесь хорошо заметны только глазные углубления, рот менее отчетливо и другие части лица совсем не заметны.

На восточной стороне не сохранилось никакого изображения (рис. 44—2). Но вероятно, что и здесь было высечено человеческое лицо. Повидимому, с этой стороны оно было рельефным. Выступающие части разрушились быстрее, потеряли форму и превратились в непонятные неровности.

Общая сохранность памятника плохая. Многие детали изображений исчезли окончательно, от других остались мало выразительные следы. Все три изображения отчетливо видны только при косом солнечном освещении;

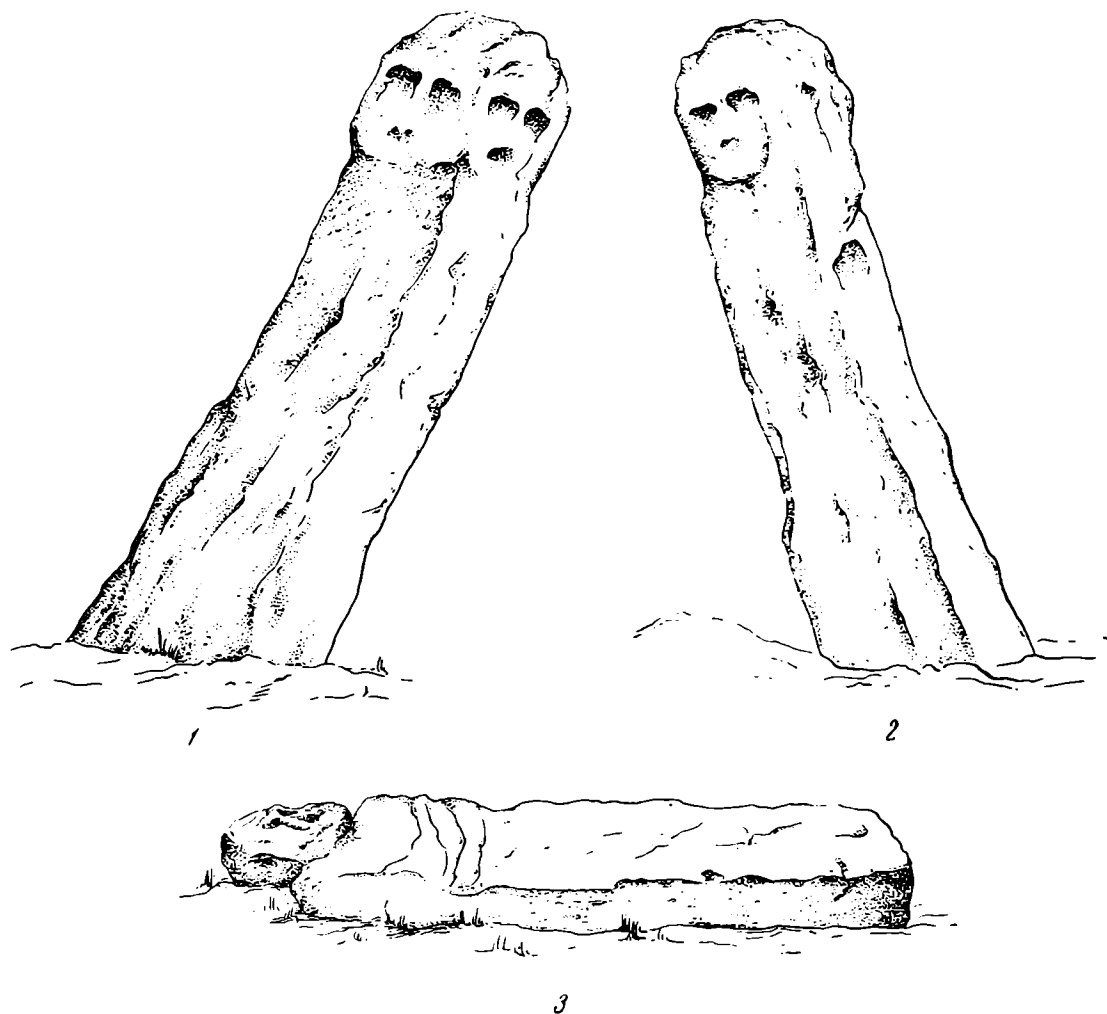

Рис. 44. Зарисовка тех же фигур древнеславянских идолов

Первая фигура: 1 — вид с северо-западной стороны; 2 — вид с юго-восточной стороны; вторая фигура: 3 — вид сверху

при таком освещении они были зарисованы и сфотографированы. Фигура в настоящее время наклонена. По наблюдениям старожилов, с каждым годом она наклоняется все больше.

Плохая сохранность фигуры с многоликим изображением объясняется, повидимому, недостаточной устойчивостью материала, из которого она сделана, и условиями местонахождения. Недостаточно твердый подольский известняк многие столетия находился на открытом месте, подвергаясь разрушающим действиям дождей, морозов и ветров, чему, к слову сказать, не подвергался «Збручский идол», находившийся на дне реки в неизменяемой среде и поэтому хорошо сохранившийся.

Вторая фигура представляет собой скульптурное изображение человека (рис. 43—3, 44—3), сделанное из того же самого материала. Эта фигура, по рассказам старожилов, прежде стояла, как и первая, но около двух десятков лет назад была выкопана и повалена на землю. Размеры ее сле-

дующие: длина 2,35 м, ширина 0,52 м, толщина 0,38 м, длина головы 0,48, ширина лица по линии носа 0,27 м.

Сохранность фигуры довольно хорошая (отбита лишь часть головы слева). Сохранились изображения бороды, усов, рук, сложенных на груди, складок пол одежды. В целом фигура выполнена обобщенно без подробностей; изображение ног отсутствует.

На первый взгляд эта фигура напоминает известных каменных баб, распространенных на территории обитания тюрков кочевников. Но при более внимательном осмотре оказывается, что у нее нет признаков, характерных для кочевнических баб, в ее чертах скорее можно видеть славянский тип.

Интерес каменных фигур из с. Иванковцы неоспорим. Однако он еще более возрастает в связи с тем, что, как обнаружено разведкой, фигуры находятся на древнеславянском поселении культуры полей погребений. Это обстоятельство имеет особо важное значение для определения хронологии подобных памятников и вообще для их исторической интерпретации.

Поселение культуры полей погребений расположено на южном склоне возвышенного мыса, образующегося при соединении двух балок и слиянии ручейков, протекающих по балкам. Один из них, Батижок, начинается за северо-восточной окраиной села из большого родника, вытекающего из-под скалы. За селом он поворачивает на запад и впадает в Днестр. В Батижок впадает другой несколько меньший безымянный ручей, протекающий с запада на восток и начинающийся за северо-западной окраиной села из ряда родников на склонах балки.

Поселение культуры полей погребений занимает значительную площадь, простирающуюся с востока на запад, от мыса при слиянии ручьев до места за сельским кладбищем и с юга на север от улицы, идущей вдоль безымянного ручья, до кладбища. Размеры этой площади до полукилометра длины с востока на запад и около 200 м ширины с севера на юг. Выше этой площади на плато находится поселение трипольской культуры, занимающее пространство, в несколько раз превышающее территорию поселения культуры полей погребений.

На поверхности площади культуры полей погребений обнаружены черепки шероховатой сделанной на кругу и лощеной керамики черняховского типа (рис. 45), куски печины, железные и керамические шлаки и другие признаки культурного слоя; в некоторых местах заметны скопления подобных находок, относящихся к культуре полей погребений; встречаются также черепки посуды трипольской культуры, которые, очевидно, переместились по склону с территории поселения трипольской культуры.

Наиболее часто встречаются черепки сделанной на кругу керамики с примесью песка в тесте с шероховатой поверхностью. Часть таких черепков принадлежит сосудам весьма крупных размеров, повидимому, зерновикам. Отдельные фрагменты имеют более 1 см толщины. Попадают черепки с волнистым орнаментом, характерным для посуды эпохи Киевской Руси. Остатки лощеной керамики встречаются реже, но в достаточно большом количестве. Преимущественно это фрагменты серолощенных резко профилированных мисок. Еще реже встречаются обломки амфор светлокрасного или желтого цветов.

Куски железных и керамических шлаков находятся на поверхности всей площади поселения, но преимущественно сосредоточены в восточной его части, у мыса. Здесь же часто встречаются иногда значительных размеров куски печины, которые находились под действием высокой температуры, вследствие чего ошлаковались. Нужно думать, что эти куски представляют собою остатки железоплавильных или гончарных горнов.

Наша разведка не могла окончательно решить вопроса о том, относятся ли каменные фигуры и поселение культуры полей погребений, на котором

они находятся, к одному времени и принадлежат ли одному населению, или же это разновременные памятники, оставленные разным населением. Решение этого вопроса возможно только после значительных археологических работ на поселении, если удастся установить взаимоотношения культурного слоя поселения и каменных фигур. В настоящее время возможно лишь сделать несколько предположений по этому вопросу.

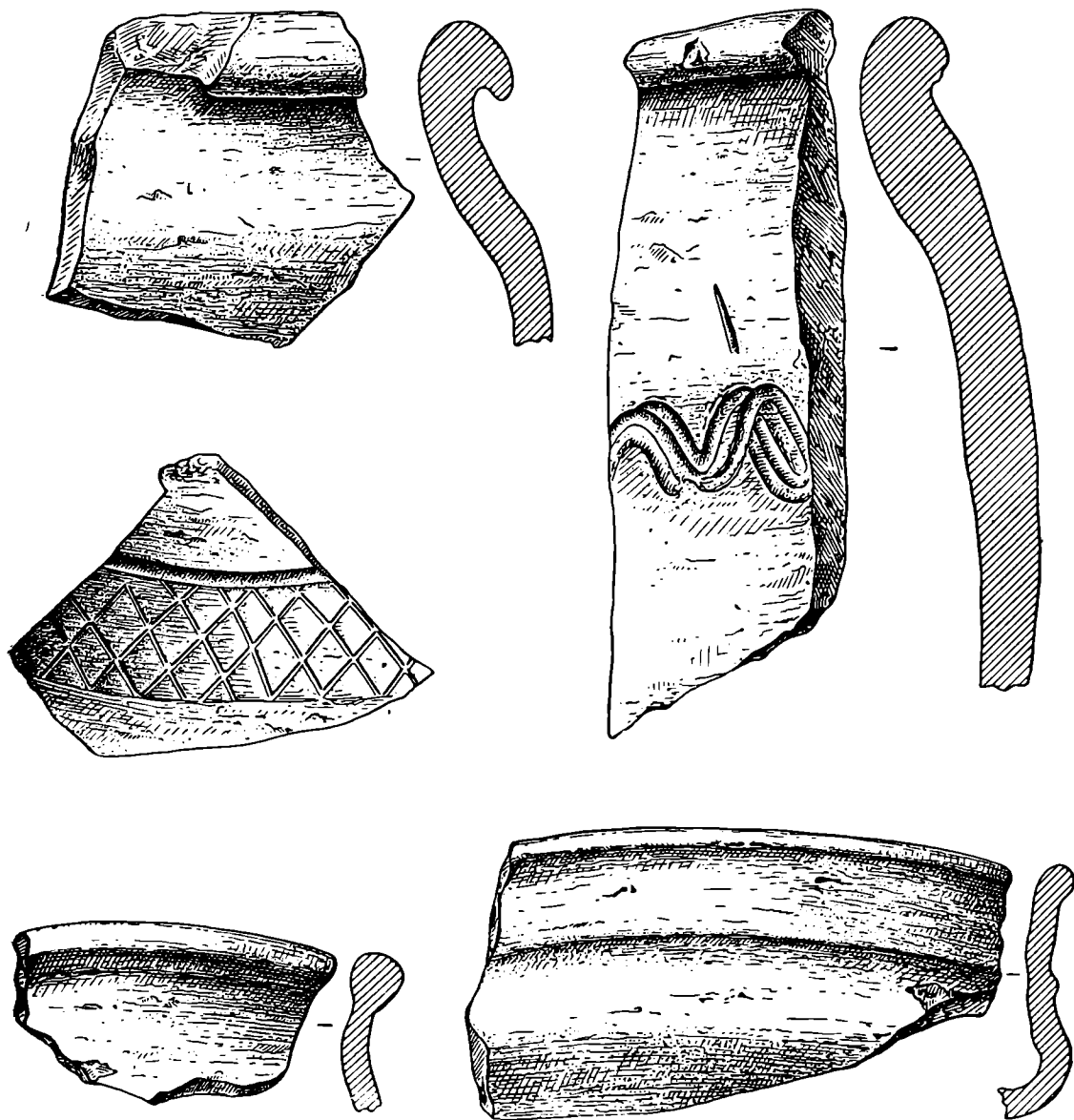

Рис. 45. Фрагменты керамики с поселения культуры полей погребений у с. Иванковцы (подъемный материал)

Очевидно, что каменные фигуры оказались на поселении культуры полей погребений не случайно. Можно утверждать, что в настоящее время они находятся на том месте, где были поставлены в древности, как культурные памятники. Во всяком случае это бесспорно по отношению к фигуре с многосторонним изображением человеческого лица. Фигуры не могли быть привезены позже из другого места для каких-либо иных надобностей.

Нет оснований думать, что фигуры находились на этом месте прежде, чем здесь возникло поселение культуры полей погребений. В таком случае они вероятнее всего были бы уничтожены жителями поселения, как чуждые им памятники, тем более, что они, находясь на поселении, могли мешать жителям.

Остается две возможности — или каменные фигуры были поставлены в эпоху существования поселения культуры полей погребений или они были поставлены позже, после запустения поселения. Первая возможность представляется более реальной, потому что на территории, где расположены фигуры, обнаружены только предметы культуры полей погребений, если не считать находок, относящихся к современности. Несомненно, что, если фигуры были поставлены позже эпохи культуры полей погребений и возле них отправлялись какие-то культовые действия, то это не могло не оставить определенных следов в виде каких-то материальных остатков.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что каменные фигуры и поселение культуры полей погребений, на котором они находятся, относятся к одному времени и оставлены одним населением. О точной датировке каменных фигур пока что говорить нельзя, так как для этого необходимы археологические раскопки, которые позволят точнее датировать само поселение. В настоящее время мы можем их датировать теми хронологическими границами, которыми в целом датируется культура полей погребений черняховского типа, т. е. временем от II до VII вв. н. э.

Признав каменные фигуры и поселение культуры полей погребений памятниками одного комплекса, мы тем самым отвечаем на вопрос, какому же населению принадлежали эти фигуры. Теперь уже признается всеми советскими исследователями культуры полей погребений черняховского типа, что эта культура была создана древними восточными славянами, которые в VI—VII вв. н. э. были известны византийским писателям под именем антов.

Трудно сказать что-нибудь определенное относительно того, какие древнеславянские божества представляют поднепровские идолы из с. Ивановцы. Видимо многоликая фигура и «Збручский идол» изображали одно и то же божество, имя которого нам неизвестно, но, очевидно, что культ его был распространен среди восточных славян и что изображенное божество занимало почетное место в языческом пантеоне.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Археологическая комиссия
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДП — Древности Поднепровья
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИИМК — Московское отделение Института истории материальной культуры
ОАК — Отчет Археологической комиссии
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Х. А. Моора.</i> Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике	3
<i>Р. Б. Ахмеров.</i> Археологические памятники Башкирии ананьинского времени	25
<i>С. Н. Бибилов.</i> К вопросу о погребальном ритуале в Триполье	36

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>П. И. Борисковский.</i> Работы Амвросиевского отряда в 1950 г.	42
<i>К. В. Павлова.</i> Раскопки кремневой мастерской у хут. Новоклиновка в Приазовье	51
<i>А. П. Черныш.</i> Мустьерские местонахождения Среднего Поднепровья	56
✓ <i>Э. А. Сымонович.</i> Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка	62
<i>В. Д. Блаватский.</i> Первый год работы Синдской экспедиции	71
<i>С. С. Черников.</i> Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г.	81
<i>М. П. Грязнов.</i> Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби	93
<i>А. Н. Москаленко.</i> Архангельское (Голышевское) городище	103
<i>П. А. Раппопорт.</i> Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья	107
<i>Т. М. Минаева.</i> Следы древних выработок металлических руд в ущелье р. Марухи	116

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>И. Б. Зеест.</i> Паросская амфора	120
<i>И. Б. Зеест.</i> Опыт реконструкции формы одной неизвестной группы черепицы	122
<i>А. И. Мелюкова.</i> Каменная фигура скифа-воина	125
<i>Н. Б. Шейхов.</i> Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э.	129
<i>В. И. Довженко.</i> Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднепровье	136
Список сокращений	143

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова*. Технический редактор *Н. А. Невраева*. Корректор *Е. И. Чукина*

РИСО № 7-54В, Издат. № 3635. Т-07780 Тип. заказ № 635, Подп. [к печ. 24/XI 1952 г.

Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Печ. л. 12,33 Уч.-издат. 13,9 Тираж 6000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 7 руб. 50 коп.